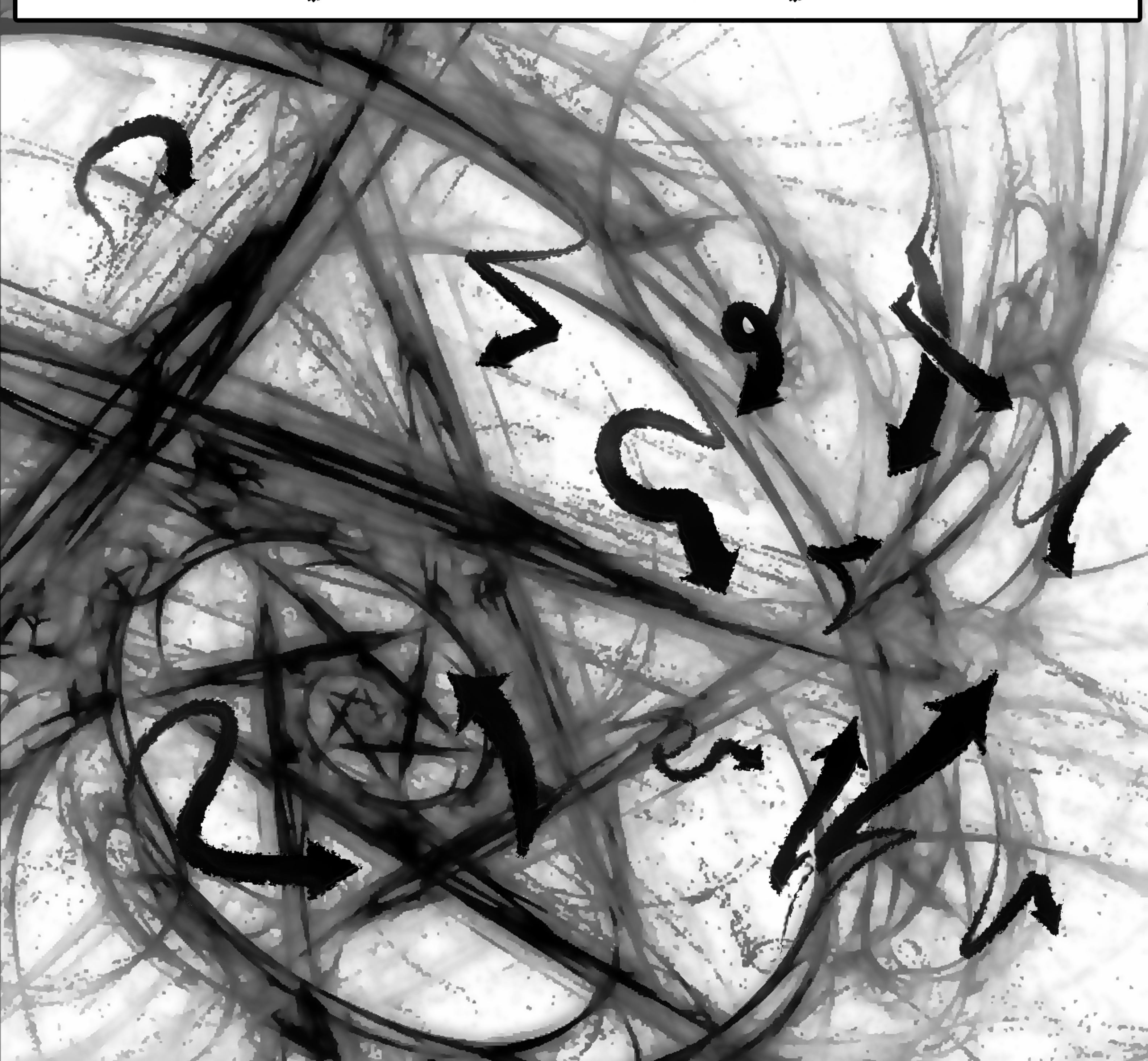
СОЮЗ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОЦИАЛИСТОВ

МАКСИМАЛИСТ №4

ТЕМА НОМЕРА:

ОРГАНИЗАЦИЯ

WWW.REVSOC.ORG

В ЭТОМ НОМЕРЕ:

«БЕСПАРТИЯ» И КЛАССЪ

к вопросу о революционной организации

Вопрос о структуре и функциях революционной организации, её отношениях с основной массой пролетарского класса, её роли в подготовке и осуществлении революции, - этот вопрос так долго обсуждался в революционном движении, что кажется, будто по этому вопросу нельзя сказать ничего нового. Все позиции, вплоть до самых крайних, были уже высказаны, и на одном фланге мы видим авангардизм и субъективизм троцкистских и прочих ленинистских групп, возводящих партию в надисторический абсолют, а на другом фланге – антиорганизационизм ратекоммунистов и большей части анархистов, считающих, что любая организация революционного меньшинства вредна и что пролетариат прекрасно справится со всем без всяких авангардов.

Мы, как сторонники диалектико-материалистического понимания истории, не считаем революционную организацию ни спасителем, способным затащить пролетариат в рай без его ведома, ни чудовищным монстром, алчущим пролетарской крови. На наш взгляд, революционная организация – необходимый для победы социальной революции инструмент, но, как и любой инструмент, она далеко не всемогуща. Революционное меньшинство, объединённое в революционную организацию, – это часть пролетарского класса, и, как и весь класс, оно обусловлено динамикой классовой борьбы и самой объективной действительности. Революционная организация – не чудодейственная панацея. Она насквозь противоречива, как противоречива и вся пролетарская борьба – борьба класса за бесклассовое общество. Революционная организация борется за уничтожение капитализма, существуя в капитализме. Пусть всевозможные добрые души, начиная от либералов и кончая антиорганизационистами, приходят в ужас от этого противоречия. Мы знаем, что противоречие есть жизнь, а полное отсутствие противоречий наступает только при смерти.

Так как революционная организация обусловлена социальной реальностью, то очевидно, что не существует схемы революционной организации, годной на все времена и для всех ситуаций. Не требует доказательств, что кружок самообразования из трёх человек имеет множество отличий от массовой революционной организации, участвующей в реальной революции. Также очевидно и то, что не существует схем, предохраняющих организацию от перерождения в условиях, когда объективная ситуация длительное время не является революционной, перерождение революционной организации будет неизбежным. Какие-то организационные нормы и волевые усилия могут затормозить перерождение, другие, наоборот, его ускорить, но в целом судьба революционной организации зависит от судьбы самой революции.

Всё вышесказанное необходимо держать в уме, чтобы понять наше отношение к проблеме революционной организации – отношение, чуждое как организационному, так и антиорганизационному фетишизма.

Начнём с азбучных вещей. Как правильно понял дело Маркс, есть пролетариат как «класс в себе» и есть пролетариат как «класс для себя». За этими мудрёными гегельянскими названиями скрывается простая вещь. Пролетариат как «класс в себе» - это экономическая категория буржуазного общества, совокупность людей, лишённых власти и собственности при капитализме.

Пролетарии как члены этой экономической общности могут совершенно не осознавать свою принадлежность к пролетарскому классу, иметь совершенно буржуазные взгляды и предрассудки, голосовать на выборах за тори или за «Единую Россию», быть законченными мерзавцами и алкоголиками. В данном отношении это неважно; если у них нет власти и собственности, они - пролетарии.

Пролетариат как «класс для себя» - это коллективный субъект истории, общность, объединённая осознаваемыми общими интересами и идеалами и противопоставляющая себя другому классу, другой общности – буржуазии. Если пролетариат как экономическая категория создаётся самим капитализмом, то пролетариат как коллективная общность создаёт себя сам. Он сам в борьбе осознаёт свои общие цели и обретает классовое сознание.

Полного совпадения данных двух понятий - пролетариата как совокупности рабов капитала и пролетариата как коллектива, борющегося за свержение власти капитала, не бывает никогда. Откладывать победу пролетарской революции до тех пор, когда все лишённые власти и собственности обездоленные буржуазного строя обретут революционное сознание и волю к борьбе, значит откладывать революцию до второго пришествие Христа. Даже в эпохи революций было немало рабочих, которые становились штрейкбрехерами, поддерживали белогвардейцев, или просто не интересовались ничем за пределами своей личной жизни. Но если достаточно большая часть лишённых власти и собственности действовала как революционные пролетарские борцы, то возникал пролетариат как коллективный субъект истории.

Из неоднородности пролетариата возникает необходимость революционной организации. Если бы все или почти все пролетарии всегда были готовы к осуществлению коммунистической революции, то, ясное дело, никакая революционная организация была бы не нужна, а на земле давно наступил бы коммунизм. Однако коммунизма до сих пор нет. Значит реальная проблема существует.

Революционная организация стремится дать решение на, пожалуй, самую мучительную проблему классового общества. Это классовое общество, основанное на звериной борьбе за существование и на праве сильного, всячески «опускает» социальные низы, насильственно отучает их от

самостоятельной мысли и действия, превращая их в тупых послушных рабов. Но, с другой стороны, делая всё это, оно толкает их на сопротивление, протест и борьбу, в которых угнетённые вырабатывают и проявляют лучшие человеческие качества: коллективизм, солидарность, самопожертвование итд.

Если бы подобные качества были бы у большинства угнетённых всегда, капитализм давно бы пал. С другой стороны, если бы капитализму удалось окончательно превратить всех угнетённых в тупое быдло, то его свержение было бы невозможно. До сих пор не произошло ни того, ни другого – и пролетариат остается противоречивым внутри самого себя классом рабов, способных свергнуть рабство.

Противоречивость пролетарского положения существует как в сознании и поведении каждого пролетария, так и между разными группами пролетариата. Пролетариат неоднороден. Представлять социальную революцию так, что все пролетарии в один прекрасный момент станут сознательными и активными, и восстанут против ига капитала, значило бы тешить себя напрасными иллюзиями. По разным вполне понятным причинам пролетарии приходят к классовому сознанию не одновременно и в разной степени. Есть такие пролетарии, которые раньше других пришли к осознанию необходимости свержения капитализма, стали активными революционерами, и более или менее постоянно ведут соответствующую работу. Есть более широкие слои, которые чувствуют, что жить невыносимо, участвуют время от времени в акциях пролетарского протеста и ищут пути к осознанию причин всех общественных бедствий. Есть основная часть класса, которая крайне недовольна жизнью, но изливает это недовольство в разговорах за рюмкой чая и не верит, что можно что-то изменить – пока не верит... Наконец, есть и будут предатели своего класса, готовые в любой момент продаться тем, кто им заплатит.

Троцкий писал где-то, что из пяти первых встреченных им в жизни рабочих, один был совершенно героическим человеком, готовым встать в любой момент на защиту товарищей и выступить против начальства. Трое других были люди как люди, с плохими и хорошими качествами. Наконец, последний был законченным хозяйским лизоблюдом, способным продать за пятак мать родную. Победа революции, делал Троцкий вывод из этой аллегорической истории, возможна тогда, когда первый рабочий сможет убедить и увлечь за собой троих других, и они вместе накостыляют по шее как хозяевам, так и хозяйскому лизоблюду.

В этой то ли реальной, то ли вымышленной истории выражена суть проблемы. Революционная организация – это часть класса. Люди, входящие в неё – это не какие-то надклассовые носители добра или зла, а часть пролетариата, раньше своих товарищей по классу осознавшая причины общественных бедствий и обладающая большим волевым импульсом к борьбе. Революционная организация неспособна совершить революцию вместо класса, она не борется за пролетариев, но борется как часть пролетариата, убеждая весь свой класс в необходимости борьбы и объясняя ему путь к победе. Революцию способен совершить только весь класс, но без революционной организации победа революции невозможна.

Возьмём современную российскую и шире мировую действительность. Ни для кого из тех, кто всерьёз соприкасался с российским пролетариатом, не секрет, что пролетариат как экономическая категория никуда не исчез и никуда не исчезнет, пока существует капитализм, но вот пролетариата как коллективной общности, борющейся за свои коллективные интересы и идеалы, нет. Крайняя раздавленность, разобщённость, апатия, деморализация и пассивность российских пролетариев общеизвестны. Они каждый день чувствуют, что жизнь невыносима, но не верят, что они сами могут что-то изменить, и поэтому либо цинично принимают нынешнюю поганую жизнь как печальную неизбежность, либо верят или хотят верить разным буржуазным проходимцам – от «Единой России» до различных оппозиционных «спасателей отечества», либо просто спиваются.

На этом тёмном фоне наивные надежды антиорганизационистов, что пролетарии обойдутся без разных революционных организаций, выглядят особенно наивными. Надежды на то, что капитализм породит стихийные пролетарские бунты, которые его свергнут, не оправдались и не оправдаются. Экономический кризис 2008 г. вызвал в качестве пролетарского протеста только Пикалёво и Междуреченск. Ни в кое мере не отрицая значения данных выступлений, нужно чётко осознавать их ограниченность и наивные иллюзии их участников, что особенно касается Пикалёво, а также нужно понимать, что два городка на огромную Россию – это чуть больше, чем капля в море.

Пролетарская борьба вне России демонстрирует другие грани той же проблемы. В последние годы было много пролетарских движений и выступлений в разных странах мира. Иран, Франция, Киргизия, Греция, недавние студенческие выступления в Англии итд итп. Во всех этих выступлениях борющиеся пролетарии показали немало самоотвержения и героизма, но во всех этих выступлениях катастрофически не хватало ясного сознания за что и как бороться. В результате эти пролетарские выступления либо перехватывались и подчинялись разными группировками буржуазии (Иран, Киргизия и всевозможные «оранжевые революции»), либо буксовали и буксуют на месте, будучи неспособными даже вырвать у буржуазии прочные экономические уступки, и вернуться от неолиберализма к кейнсианству (Франция, Греция). Стихийной пролетарской борьбы, как видим, оказывается недостаточно для победы. Для победы необходима сознательность, невозможная без революционной организации.

Катастрофическая запоздалость процесса вызревания новой революционной сознательности и формирования новой революционной организации может загубить дело революции, как уже не раз губила его в прошлом. В эпоху торжества антиорганизационизма, разгильдяйства и раздолбайства полезнее даже перегнуть палку в другую сторону и напомнить всем, кто хочет победы революции, азбучные истины, оплаченные опытом поражений и побед всего революционного движения.

Томас Мюнцер

На самом деле, никакие революционные движения прошлого не являлись чисто стихийными и несознательными, хотя формы их организации и типы сознательности менялись в соответствии с эпохой. Уже в крестьянских войнах средневековья, которые большинство советских историков считали чем-то совершенно несознательным и неорганизованным, заметна огромная роль еретических сект (Джон Болл и «Большое общество» в 1381 году, Мюнцер и анабаптисты в 1525, различные еретические секты в крестьянских войнах Китая, Ирана и Ближнего Востока итд итп). С утверждением капитализма сперва мануфактурного, а затем промышленного возникают такие формы революционных организаций как тайные общества, действующие в условиях жёстких полицейских репрессий («Заговор равных» Бабёфа,

Союз коммунистов Маркса и Энгельса, итд), и политические клубы, действующие в условиях, когда была возможной относительная легальность (народные общества Великой Французской революции, Корреспондентские общества в Англии 1790-х годов, итд). Вскоре возникают подпольные организации экономической борьбы рабочих (луддиты, итп). По мере утверждения буржуазной демократии во второй половине 19-го века возникают легальные рабочие партии и легальные профсоюзы, которые при всём нехорошем, что можно о них сказать, при своем возникновении всё же были формами рабочей организации и носителями определённого типа пролетарского классового сознания. После их интеграции в механизм капитализма было множество попыток создания настоящих революционных организаций (революционный синдикализм, ранний Коминтерн), которые, хотя и кончились неудачей, но всё же дали огромный опыт - что делать и чего не делать.

Все революционные организации прошлого потерпели поражение, но игнорировать их опыт – значит обрекать самих себя на новое поражение. Объективные условия для развития производительных сил при современном капитализме (автоматизация, компьютеризация) создают объективные возможности нашей победы, но используем ли мы эти возможности, зависит от нас.

Критическому переосмыслению подлежат как практика революционных организаций прошлого, так и теории различных революционных мыслителей о взаимоотношении партии и класса. Это переосмысление должно затронуть наследие революционных мыслителей разных направлений, и для него требуется чёткое понимание того, что они действительно говорили. Воспроизведение трафаретных шаблонов и мифов – как марксистских, так и анархистских, крайне вредно.

Большая часть современных анархистов даже не знает, что основатель революционного анархизма Бакунин был сторонником революционной организации, а порой даже высказывался в пользу революционной диктатуры революционной организации или даже отдельных личностей, что порой принимало весьма комичные формы, когда он предлагал стать революционными диктаторами Николаю Первому или сибирскому губернатору Муравьёву-Амурскому. Марксистские критики анархизма, конечно же, помнят этот авторитарный уклон Бакунина, но объясняют его обыкновенным лицемерием великого либертария. На самом деле, всё сложнее и интереснее. Бакунин почувствовал проблему, хотя и не дал её решения. Он чувствовал, что нужна организация организационного меньшинства, играющую активную роль в революции и в то же время понимал, что если это революционное меньшинство станет властью, то оно станет меньшинством контрреволюционным. В одних обстоятельствах он подчёркивал одну сторону противоречия, а в других обстоятельствах - другую, но решить это противоречие не мог.

Точно так же не решил этого противоречия великий представитель другой традиции – Ленин. В нём, как и в Бакунине, жили две души, хотя пропорция душ – либертарной и авторитарной – у Ленина была иная. Свидетельством крайнего авторитаризма Ленина считается обыкновенно его работа «Что делать». Внимательное чтение данной работы приводит к другой её оценке. Знаменитое высказывание Ленина о принесении классового сознания извне означало на самом деле, хотя Ленин выразился несколько коряво, что революционно-социалистическое сознание не возникает как непосредственный результат борьбы рабочих на производстве, но является протестом рабочего класса против всех несправедливостей капиталистической действительности – не только против экономической эксплуатации, но и против политического гнёта итд. В своей полемике против «экономистов», сводивших пролетарскую борьбу к борьбе только на производстве, Ленин был полностью прав.

Другой аспект проблемы состоит в том, что Ленин подчёркивал, что социалистическая теория создается и пропагандируется интеллигентами-теоретиками, а не возникает непосредственно в ходе рабочей борьбы. По факту он был отчасти прав, а отчасти неправ. Из-за разделения труда в классовом обществе, любые теории, как буржуазные, так и пролетарские, создаются именно интеллигентами и теоретиками, а не владельцами заводов, газет и пароходов, и не пролетариями от станка. С другой стороны, любая теория создаётся под влиянием импульсов от практики классовой борьбы. Если бы не было восстания леонских и силезских ткачей, если бы не было чартизма, то не было бы марксовой теории, представляющей осмысление опыта – положительного и отрицательного - этих пролетарских движений. Если бы не было пролетарской и крестьянской борьбы в России в начале 20-го века, то не было бы ни большевизма, ни меньшевизма, ни эсеров, ни анархистов.

В общем виде дело обстоит так: действительная борьба масс осмысляется теоретиками независимо от того, кем эти теоретики являются по социальному происхождению. Идеи теоретиков усваиваются потом борющимися массами, хотя обычно не в такой форме, в какой хотелось бы теоретикам, но соответственно с уровнем развития и потребностями масс. Оплодотворённая теориями борьба масс переходит на новую ступень. Эта новая ступень борьбы осмысляется другими или теми же теоретиками, и цикл повторяется снова и снова. Теория и практика, хотя и не сливаются никогда до конца, не представляют собой две независимые сущности, но являются двумя сторонами одной социальной реальности. Они обуславливают друг друга и переходят друг в друга.

Как видим, Ленин не понял этот важнейший аспект проблемы, но тем не менее у него не было теории об интеллигенции, которая пишет на рабочем классе всё, что пожелает, как на листе чистой бумаги, поэтому, приписывая такой подход Ленину, одинаково ошибаются и доктринёры внесения классового сознания извне, и либертарные критики этой идеи.

В отличии от того, что думают анархисты, судьба большевизма зависела не от сатанинской воли Ленина к власти над пролетариатом, а от объективных социальных условий. Большевизм возник в 1903 г. как демократическое восстание рядовых членов партии против зарвавшихся эмигрантских вождей, решивших сорвать решение партийного съезда ради сохранения за собой руководящих постов. Авторитарное вырождение большевизма происходит после поражения революции 1905 г. Обусловлено оно было не злой волей Ленина, а тем обстоятельством, что в условиях тогдашнего уровня производительных сил и жёстких полицейских репрессий, большевики не могли стать коллективом, сообща вырабатывающим решения и исполняющим их. Потребовалось наличие руководящего центра, свободного от угрозы Дамоклова меча полиции и авторитарно управляющего партией. Таким центром и стал Ленин.

То, что авторитарное вырождение большевиков было далеко не полным, доказывается резкой демократизацией большевизма в 1917г, когда Ленин был лишь рупором революционных масс. Доказывается оно и тем обстоятельством, что ускоренное авторитарное вырождение большевиков в условиях, когда они стали правящей партией, встретило решительную оппозицию со стороны многих большевистских активистов (децистов, мясниковцев итд).

Мы надеемся вернуться к оценке большевизма в следующих работах, а здесь хотим лишь подчеркнуть необходимость конкретно-исторического подхода к

большевизму.

Если большевики не дали полного ответа на вопрос, какой должна быть революционная организация, то такого ответа не дали и другие революционные течения. Это не означает, что опыт всех революционных течений прошлого должен игнорироваться, но требует непредвзято-критической оценки данного опыта...

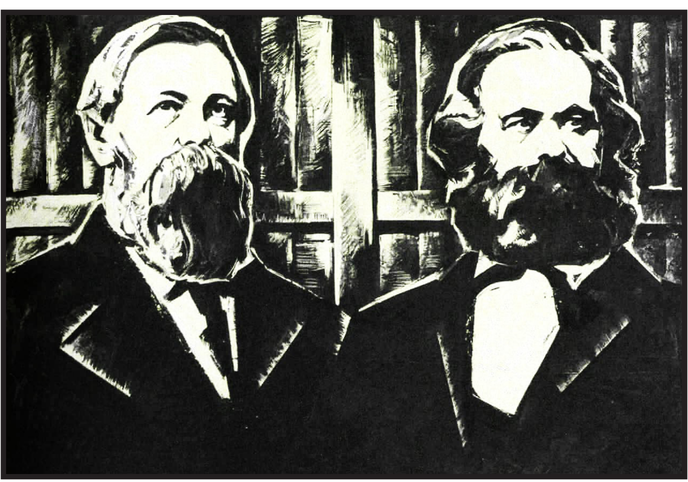
Мы уже критиковали анархо-синдикализм в работе «Актуален ли анархо-синдикализм в 21-м веке». Поэтому здесь лишь коротко скажем, что ни революционно-синдикалистская идея о синдикатах как о высшей форме пролетарской организации, ни фористская попытка создать массовую организацию с революционной идеологией не увенчались успехом.

Интересные и во многом правильные идеи были высказаны ранним германо-голландским левым коммунизмом (КРПГ и Гортер). Однако откат немецкой революции привёл к вырождению германо-голландского левого коммунизма в антиорганизационистский ратекоммунизм (наиболее известным представителем которого стал поздний Паннекук и Маттик). Тому были объективные причины. После спада революционной волны организации Германо-Голландской Левой упали в численности с десятков тысяч до нескольких десятков человек, которые никак не могли повлиять на реальную пролетарскую борьбу. Ратекоммунисты возвели нужду в добродетель. Своё вызванное объективными обстоятельствами бессилие они возвели в принцип, решив, что если они не могут влиять на классовую борьбу, то и не должны пытаться на неё влиять. Пусть пролетарии борются сами, а мы можем только рассуждать об опыте их борьбы, а наши активисты могут участвовать в ней лишь как рядовые пролетарии, а не как члены организации, сплочённой общей волей. При таком подходе теряется смысл существования организации вообще. Остаётся только дискуссионный кружок. В эпоху бессилия масс и бессилия революционеров, революционная организация может упасть до уровня дискуссионного кружка, но это – не естественное состояние революционной организации, а вызванная объективной ситуацией слабость, которую нужно преодолеть.

Противоположным рэтекоммунизму был подход лидера итальянской коммунистической левой - Бордиги. Бордига и его товарищи считали, что не класс создаёт партию, а партия создаёт класс, и что диктатура пролетариата может осуществляться лишь как диктатура партии пролетариата. В партии они видели не реальную организацию, возникающую и развивающуюся (или вырождающуюся) в ходе классовой борьбы, но почти бесплотную носительницу программы коммунистической революции. Идея, что не класс создаёт партию, а партия создаёт класс, верна в том смысле, что пролетариат из объекта эксплуатации буржуазией становится классом, борющимся за своё освобождение лишь под влиянием своих передовых группировок, убеждением и примером сплачивающих пролетариев в революционную общность. Однако, концепция партии как носительницы программы есть идеалистический уклон от исторического материализма.

Революционная организация есть не только носительница памяти класса и сознания класса, не только хранительница опыта прошлой борьбы, но и авангард класса, концентрация его воли, первый вступающий в борьбу и увлекающий за собой весь класс. Она не возникает из ничего, но формируется в ходе классовой борьбы, испытывая на себе ее превратности.

Революционная организация есть часть пролетариата. Как писали Маркс и Энгельс в «Коммунистическом Манифесте»: «*Коммунисты отличаются от остальных пролетарских партий лишь тем, что, с одной стороны, в борьбе пролетариев*

различных наций они выделяют и отстаивают общие, не зависящие от национальности интересы всего пролетариата; с другой стороны тем, что на различных ступенях развития, через которые проходит борьба пролетариата с буржуазией, они всегда являются представителями интересов движения в целом. Коммунисты, следовательно, на практике являются самой решительной, всегда побуждающей к движению вперёд частью рабочих партий всех стран, а в теоретическом отношении у них перед остальной массой пролетариата преимущество в понимании условий, хода и общих результатов пролетарского движения» (Маркс, К. Энгельс, Ф. Сочинения, т.4 с.437, Москва 1955).

В настоящее время не существует таких рабочих партий, отличных от коммунистов, о которых писали Маркс и Энгельс. Все сколь-нибудь крупные политические организации интегрированы буржуазией. Однако данные слова из «Коммунистического Манифеста» с максимальной чёткостью и сжатостью передают характер отношения между революционной организацией и всем пролетарским классом. Формы революционной организации, методы её деятельности, её отношения с основной массой класса изменяются соответственно силе или слабости самой революционной организации. В настоящее время мы и близкие к нам группы, не достигли даже уровня марксового Союза коммунистов, где было несколько сотен передовых пролетарских борцов. Социально-революционные группы России и СНГ насчитывают по 10-20 человек, часто разбросанных по разным городам. При такой слабости говорить о влиянии на массовую пролетарскую борьбу, которой к тому же нет, было бы чистой фантазией.

Что делать революционерам в нереволюционной ситуации? Ответ на этот вопрос был уже давно дан историей революционного движения. Когда невозможна подлинно революционная практика, волей или неволей на первый план выступает революционная теория. Нужно осмыслить причины прошлых поражений, нужно осмыслить современную действительность и перспективы её изменения. Нужно «подвести итог» (слова итальянских левых коммунистов 30-х годов) прошлому и готовить будущее.

Однако теории, даже самой правильной, недостаточно. Чтобы стать материальной силой, теория должна проникнуть в плоть и кровь людей, стать двигателем их поведения, компасом для их пути. Если фантазия о том, что теория уже сейчас завладеет умами миллионов пролетариев – пустая маниловщина, то воспитание активистов является необходимой и вполне решаемой задачей.

Известный новый левый публицист Тарасов написал как-то, что российские левые находятся не на кружковой, а на докружковой стадии. Революционные кружки прошлого давали активистам научно-социалистическое образование, прививали страсть к знаниям и приучали к самостоятельной умственной

работе. Всевозможные троцкистские и анархистские группы, занятые бестолковым активизмом, только деморализуют своих членов, которые, увидев, что немедленная революция не происходит, разочаровываются в революционной политике и уходят в никуда. Пытаясь сделать то, чего они заведомо не могли сделать – повлиять на широкие массы пролетариата – левацкие группы не делали того, что они могли и должны были сделать. Они не воспитывали кадры, которые составили бы в будущем костяк массового революционного движения.

При всей скромности наших нынешних успехов, мы не обещаем, что восставшие пролетарские массы через два года въедут в Кремль на красном коне, но прямо и честно говорим, что революционное движение находится в зачаточном состоянии, и далеко не все из нас увидят победу. Мы знаем, что дело, которому мы решили посвятить наши жизни, победит только после тяжёлой и долгой борьбы, в которой от активистов потребуется как беззаветный героизм в минуты решающих схваток, так и упорная выдержка в долгие и скучные годы подготовительной работы. Конечно, мы хотели бы совсем другого, и никто из нас не отказался бы участвовать в решающих боях уже в этом году, но мы знаем, что короткого пути к победе не бывает. Мы делаем то, что можем и должны делать, и наш вклад в победу пролетарского дела будет куда более весомым, чем вклад суетливых фразёров, обвиняющих нас в теоретизировании и ничегонеделании.

Самообразование предполагает постоянное коллективное изучение как разнообразной социалистической традиции: марксистской, анархистской итд. - так и изучение современного общества в его разных аспектах: экономическом, политическом, культурном. Но чисто теоретического изучения и штудирования книг недостаточно. Необходимо опосредствовать теоретическое книжное знание с проблемами действительности. Для этого требуется постоянное взаимодействие с живыми людьми из разных слоёв общества. Только при таком взаимодействии можно понять, чего хотят и к чему стремятся современные живые пролетарии, каковы их слабые и сильные стороны. Нужно учиться понимать практику, исходя из теории, и переосмысливать теорию, исходя из практики. Необходимы постоянные дискуссии с представителями других – как союзнических, так и враждебных точек зрения – «от анархистов до монархистов». Только в живом опыте таких дискуссий можно научиться отстаивать свою позицию и убеждать в её правоте других, и в то же время в таких дискуссиях могут раскрываться слабые и недоработанные стороны наших взглядов, требующие пересмотра и развития. Такие дискуссии подталкивают к поиску фактов и изучению источников, что увеличивает наши знания и оттачивает теоретические способности.

Следует подчеркнуть ещё одну важную вещь. Наша теория революционного социализма возникла отнюдь не в результате простого чтения и обдумывания книг. Она возникла как ответ на мучительные и болезненные вопросы действительности, на которые наши активисты не нашли ответа в старых теориях. Все мы прошли нелегкий путь идейного и политического развития, все участвовали в работе равных левых организаций, все по мере возможности искали связи с реальной пролетарской борьбой, все общались с живыми пролетариями. Все мы являемся частью пролетарского класса и осмысляем собственный опыт как часть пролетарского опыта. Если мы не можем похвастаться тем, что оказали огромное влияние на пролетариев и на пролетарскую борьбу, то эта пролетарская борьба оказала огромное влияние на нас. Наша теория стала осмыслением реальной практики этой борьбы - от стачек в Ясногорске до бунтов в Греции.

Исходя из всего этого, мы не можем и не должны ограничиваться задачами самообразования. Воспитание активиста – не только воспитание ума, но и воспитание воли. Мы чужды концепции самообразовательного кружка как самоцели. Если большая часть нашей работы сейчас приходится на самообразование, теорию и пропаганду, то это вызвано реальным соотношением сил и не более того. Когда мы станем сильнее, у нас появятся другие приоритеты.

Теория без связи с практикой вырождается в бесплодное фантазирование и/или начетничество, а практика, не осмысляющая теорию, превращается в суетливый активизм, считающий необходимым делать все, что угодно, лишь бы что-то делать, и не задумывающийся над вопросом, приблизят ли действия конечную цель или помешают ей, вызвав лишь деморализацию.

Нам чужды разнообразные формы безмозглого активизма, как в его инсуррекционистских, так и в троцкистски-рабочистских вариациях. Если хождения по проходным и раздача листовок на демонстрациях, куда приходят только активисты из других левых групп, превращаются в основной вид работы организации, то подобная бесцельная и безрезультатная беготня может привести лишь к деморализации. Как сказал один ушедший из революционной политики бывший троцкист, «год ходишь к проходной, два года ходишь к проходной, а на десятый год это начинает надоедать». Попытки пропагандистской работы с рабочими массами не должны вдохновляться утопической надеждой на немедленные результаты. Цель подобных попыток на данном этапе – лучше узнать реальных пролетариев и их проблемы, научиться объяснять им свои позиции, заронить в сознание хотя бы их малой части сомнение в вечности существующих порядков. Если при всём этом удастся сагитировать в наши ряды одного или двух рабочих, то мы будем этому очень рады.

Другой формой бесплодного активизма является инсуррекционизм - попытки групп анархистской молодёжи подорвать буржуазное государство, занимаясь символическим хулиганством. Реального вреда буржуазному государству такие попытки не причиняют, а пролетарским массам они остаются непонятны, и по большей части неизвестны. Ненависти к буржуазному государству у современных пролетариев и так в избытке. Чего им не хватает, так это понимания того, что с ним можно покончить, как именно это возможно, и чем его можно заменить. Именно отсутствие такого понимания парализует волю пролетариев. В самом деле, зачем идти на борьбу и рисковать жизнью, если результатом будет лишь замена одной мерзости на другую. Дать такое понимание нашему классу – задача сознательных революционеров. В современной ситуации инсуррекционизм ничего не даёт, зато подставляет активистов под репрессии классового врага.

Выше мы рассмотрели формы и методы деятельности организации. Теперь мы переходим к вопросу о её внутреннем функционировании. В наше время широко распространены, особенно в анархистской среде, идеи антиорганизационизма, согласно которым должна существовать широкая сеть

групп и индивидуумов, взаимодействующих друг с другом по конкретным поводам, но действующих по собственной инициативе и собственному произволу. На наш взгляд, подобный подход вреден и неправилен. Свержение капитализма и победа бесклассового общества есть труднейшая задача мировой истории. Она не может быть осуществлена действиями мелких групп и индивидов, но требует упорной и организованной работы, требует единства воли. Писать статьи можно в индивидуальном порядке, публиковать их на сайте можно при минимальной координации действий, но мы не компания интернет-онанистов, проводящих свободное время за написанием статей, как наши товарищи по классу проводят его за рыбалкой или футболом. Мы – революционная организация, пусть пока очень маленькая и слабая, а работа революционной организации требует высокой сплоченности, дисциплины и самодисциплины.

Идея неформальных аффинити-групп не решает на самом деле проблему авторитаризма и вождизма в рядах организации. Вместо формальных лидеров в таких группах обыкновенно существуют лидеры неформальные, ещё более неподконтрольные рядовым членам организации, чем выбранные формальные лидеры в структурированных организациях. В группах с неформальной рыхлой структурой на первый план выходят люди с большими лидерскими качествами или просто с большим запасом свободного времени. Именно они по факту определяют политику данных групп. Когда их действия вызывают недовольство других членов организации, то у последних не существует никакой возможности этим действиям помешать, потому что эти лидеры с формальным правом открещиваются от своего лидерства, которое по-прежнему остаётся за ними по факту. Таких неформальных лидеров невозможно переизбрать и сменить, потому что их никто не избирал. Сплоченная революционная организация с высоким уровнем вовлеченности в дела организации всех ее активистов куда более способна решить проблему неконтролируемых вождей, чем «организации», где господствует такая «тирания бесструктурности».

Революционная организация, как мы её понимаем, снимает чисто буржуазную дихотомию федерализма и централизма. Она не конгломерат индивидуумов и групп, действующих по собственному произволу, и не авторитарная корпорация, управляемая сверху вниз. Она – коллектив, вместе вырабатывающий решения и вместе исполняющий их. Если любимый анархистами федеративный принцип является выражением индивидуального способа управления, когда каждый управляет только своими действиями, а итоговый результат образуется в результате стихийного взаимодействия разных воль, если централизм в его традиционном понимании основан на авторитарном управлении верхов низами, то наш «федеративный централизм» (или, если хотите «демократический коллективизм») основан на коллективном типе управления, при котором все вместе вырабатывают решения и исполняют их.

Возможность такого строения организации обуславливается уровнем развития прогрессивных производительных сил. Мы уже сказали выше, что централистский тип организации большевиков возобладал не из-за злой воли Ленина, а из-за того, что при тогдашнем уровне развития средств общения принятие оперативных решений голосованием всех членов партии было невозможно. Именно поэтому образовался руководящий центр, принимающий оперативные решения и управляющий всей организацией. В настоящее время становится возможным голосование в режиме реального времени членов организации, разбросанных хоть по всему земному шару. Таким образом, особый руководящий орган становится не нужен. Существует общий совет, куда входят все члены организации, который принимает все принципиальные решения. Кроме того, каждый активист имеет свой участок работы, ответственность за который лежит преимущественно на нём. Он может в случае надобности обращаться за помощью к другим членам организации, а они в свою очередь могут контролировать и критиковать его.

Во многих анархистских группах распространена идея, что все решения должны приниматься путём консенсуса. Насколько мы можем судить, близка к этому и бордигистская идея органического централизма, согласно которой партия основывается на общей верности программе, а голосование и принятие решений большинством голосов является капиталистическим институтом. На самом деле, принцип консенсуса и органического централизма может более или менее успешно функционировать в маленькой группе из нескольких человек, спаянных тесным товарищеским доверием и занимающихся только пропагандой программы. При росте организации неизбежно возникают расхождения по вопросам текущей работы. Консенсус или органический централизм не даёт никаких механизмов для преодоления этих разногласий. Споры превращаются в затяжную дрязгу, отравляющую атмосферу в организации, изматывающую всем нервы, и рано или поздно приводящую к расколу. При консенсусе или органическом централизме даже незначительные расхождения не могут быть решены иначе как расколом.

В 1970-е гг. бордигистская Интернациональная Коммунистическая Партия испытала период роста, закончившийся её расколом на множество групп. Из маленькой пропагандистской группы, ограничивающейся теоретической работой и пропагандой программных позиций, она становилась революционной организацией, способной влиять на массы и участвовать в массовой борьбе. Органический централизм, относительно успешно функционировавший в прежние времена, стал неадекватен в новой ситуации. Возникали расхождения по вопросам, не имеющим принципиального значения, но важным для текущей деятельности. Ответа на этот вопрос, идти ли к проходной завода X или фабрики У было невозможно найти в партийной программе, а способа решить этот вопрос и работать дальше не существовало. Органический централизм пригодный для очень маленькой пропагандистской группы обрекает революционную организацию навеки оставаться такой маленькой пропагандистской группой.

Поэтому в случае возникновения спорных вопросов они должны решаться после дискуссии общим голосованием. Сторонники позиций, оказавшихся в меньшинстве, имеют право продолжать отстаивать свою точку зрения, но в практической деятельности обязаны поступать в соответствии с решением организации. Разумеется, если они сочтут причину разногласий слишком большой, они имеют право отколоться. Хорошая ссора бывает полезней худого мира.

Расколы вредны, когда происходят по мелким и незначительным поводам, по личным мотивам, и вообще когда можно было бы обойтись без раскола. Расколы необходимы и полезны, когда разногласия достаточно велики и пребывание людей с сильно расходящимися взглядами в одной организации приводит к параличу работы организации. В такой ситуации лучше разойтись по-хорошему, чем сожительствовать по-плохому. В случае такого раскола желательно избежать последующей зацикленности на нём, по возможности сохранить товарищеские отношения с отколовшейся частью и сотрудничать с ней по тем вопросам, по которым это возможно.

Мы не можем предлагать универсальные принципы организаций на все времена. В случае устойчивого роста, возникновения первичек, вовлечения в реальную классовую борьбу, неизбежно будут меняться нормы функционирования. Новые члены, например, будут приниматься первичкой при праве вето у всей организации. Вопросы местного уровня тоже будут решаться в первую очередь первичками.

Наша пропагандистская работа привлекает и будет привлекать к нам новых активистов, которым мы даём ответы на наболевшие вопросы действительности. Рост численности организации и её сочувствующей базы сделает возможным оперативное реагирование на всплески пролетарской борьбы вроде тех, что были в Пикалёво и Междуреченске. По мере роста организации неизбежно будут расти проблемы, но столь же неизбежно будут увеличиваться и возможности их решения. Будут расширяться связи в пролетариате, будет возрастать наш авторитет среди пролетарских масс, будет возрастать число активистов, обладающих самыми разными способностями и навыками, наконец, будут расти технические и финансовые средства организации. Разумеется, наш рост не будет беспроблемным и непрерывно устойчивым, в конечном счете, судьба любой революционной организации зависит от динамики классовой борьбы в обществе. Массовая влиятельная революционная организация не может возникнуть в течении длительной нереволюционной ситуации. До возникновения объективно предреволюционной ситуации мы неизбежно останемся революционной пропагандистской группой, даже если вырастем на два порядка.

Однако противоречия капитализма делают неизбежными всплески пролетарской борьбы и возникновение революционных ситуаций. Если к этому моменту мы сумеем создать ядро, способное действовать в реальной революции, не став ни квазирелигиозной сектой, ни реформистскими прихвостнями буржуазии, ни тусовкой «анархистов образа жизни», тогда в революционной ситуации мы станем из выступающей за революцию пропагандистской группы организацией, ведущей действительную революционную борьбу здесь и сейчас.

Когда всё это произойдет, сколько трудностей и испытаний предстоит ещё пройти, наконец, кто из нас увидит грядущую зарю всеобщего счастья, а кто её не увидит – это вопросы достаточно важные, но не первостепенные.

Никогда не были столь велики открывающиеся перед человечеством возможности и столь велики угрожающие ему опасности. Без победы коммунистических производственных отношений, производительные силы превращаются в разрушительные силы, обрекающие человечество на гибель. Без всемирной пролетарской коммунистической революции, уничтожающей капитал и государство, устанавливающей власть общих собраний трудящихся, победа коммунизма невозможна. Без революционной организации, объединяющей самых проницательных и самоотверженных представителей пролетарского класса, без организации, указывающей всему классу путь к освобождению, предостерегающей весь класс против обманов и уловок классового врага, без организации, первой встающей в атаку, увлекающей за собой весь класс, баз организации, способной ответить на насилие буржуазии революционной силой, без организации, хранящей память класса и представляющей конденсат его революционной воли, - без такой организации победа пролетарской революции невозможна.

Будет ли называться будущая массовая революционная организация партией или нет – само по себе второстепенный спор о словах. Важно реальное строение такой организации, а не её название. Если организация представляет собой коллектив, вместе принимающий решения и исполняющий их, то она является социально-революционной организацией, независимо от того, входит ли в её название слово «партия» или нет. Вопрос названия – вопрос практического удобства и не более того. Во всяком случае в современной России слово «партия» настолько прочно ассоциируется в народном сознании с продажным буржуазным политиканством, что употреблять его в самоназвании вредно. Что будет через 30 лет, мы не знает.

Разумеется, мы не коснулись в данной статье всего многообразия вопросов, связанных с темой революционной организации, и приглашаем всех товарищей из социально-революционной среды к дискуссии по данной проблеме.

Этот номер журнала «Максималист» посвящён предмету организации и содержит большое количество статей с разной точкой зрения на данный вопрос. Всё это сделано для того, чтобы читатель смог выработать свою независимую позицию.

КОЛЛЕКТИВ СРС. 2011

Предисловие от Интернационального Коммунистического Течения (International Communist CURRENT) к тезисам КРПГ (1921) *

Авторы тезисов преследовали двойную задачу:

- с одной стороны, отгородить КРПГ от официальной секции Коминтерна — КПГ [Коммунистической партии Германии — прим. СРС], которая стала типично центристской партией после исключения левого крыла в октябре 1919. Рождённая в бурю, в апреле 1920 года, в разгар вооружённой борьбы между рабочими Рура и армией, КРПГ выражала революционную ориентацию перед лицом КПГ, которая устами своего лидера Леви декламировала «лояльную оппозицию» к социал-демократическому правительству. КРПГ, подобно позже Компартии Бордиги в Италии, была прототипом революционной партиии в период упадка: «узкая» партия-ядро в противоположность массовым партиям, отстаиваемым Коминтерном, моделью для которых должна была стать ОКПГ [Объединённая коммунистическая партия Германии] после слияния с «Независимыми» [левое крыло Независимой социал-демократической партии Германии] в декабре 1920.
- с другой стороны, выступить против антипартийной «консилистской» [от англ. Council — совет] тенденции воплощённой в Рюле и AAUD-E [Всеобщий Рабочий Союз - Единство], чтобы утвердить незаменимую роль партии в революции как централизованного, дисциплинированного, единого органа в действии и программе.

Тезисы КРПГ, которые в английском переводе перепечатаны из «Революционных Перспектив» (сейчас журнал CWO [секция Интернациональной Коммунистической ТЕНДЕНЦИИ (ICT не путать с ICC) в Великобритании — прим. СРС]), имеют особое значение сегодня, не смотря на их слабости.

Чтение Тезисов, разрушает легенду об «инфантильной» и «антипартийной» КРПГ, которая поддерживалась «бордигистскими» течениями. Наоборот, в отличие от тенденции Рюле, который двигался к анархизму, КРПГ была составной частью интернациональной коммунистической левой, которая боролась против вырождения Коминтерна.

Таким образом это абсурд, абсолютное противоречие, когда сегодняшние группы или элементы консилистов [они же «ратекоммунисты» (Rat — совет, немецкий), они же «коммунисты рабочих советов»] имеют претензии на происхождение от КРПГ. Тезисы КРПГ без всякой двусмысленности выносят приговор консилистским идеям.

А. Характер пролетарской революции.

В противовес анархическим элементам Германской левой КРПГ ставила вопрос политической власти не локально, на каждой фабрике как «бастионе революции», а на мировом уровне . Это означало уничтожение государства и концентрированное насилие пролетариата.

Против «фабричности» Рюле и AAUD-E, которые рассматривали пролетарскую революцию лишь как экономический вопрос управления предприятиями, КРПГ подчеркнула единый характер пролетарской революции как процесса одновременно политического (захват власти) и экономического. [стоить отметить что AAUD-E не выступала, однако, против диктатуры пролетариата, это из текста ИКТ не следует, см. их принципы — прим. СРС].

Б. Роль и функция партии.

Поразительно видеть такое же определение партии, как и у Бордиги: программный орган (сознание) и воля к действию. Аналогично партия не идентична классу: это его наиболее сознательная, наиболее отборная часть. Партия не находится в прислуге у класса, потому что защищая общие интересы революционного класса, она может на «мгновение становиться оппозицией к массам». Партия находится не в хвосте класса, а в авангарде.

Этот упор на политической роли партии находился в оппозиции к «консилистской» тенденции, которая развилась в немецком пролетариате после поражения 1919 года, особенно в виде определенного аполитичного революционного синдикализма в движении «Союзов», которое к тому времени сгруппировало сотни тысяч рабочих. Против этой тенденции отступления к заводу или отдельному сектору промышленности, КРПГ утвердила необходимость непримиримой политической борьбы. Эта точка зрения партии не имеет ничего общего с деятельностью Паннекука в 1930-е годы, который считал, что «партия» может быть только рабочей группой или исследовательским кружком. Для КРПГ, как и для ИКТ сегодня, партия - боевая организация рабочего класса. Она является активным фактором – «партией действия» - в классовой борьбе, ее функция в том, чтобы развивать классовое сознание пролетариата, который проходит этапы сомнений и колебаний.

Борьба против колебаний и сомнений - это постоянная политическая схватка, как внутри партии, так и в рамках класса как целого:

- Внутри партии: против центристских тенденций к примирению с буржуазией или мелкобуржуазным анархизмом. Таким образом, КРПГ пришлось исключить «национал-большевистскую» тенденцию в Гамбурге вокруг Воллфхайма и Лауфенберга, которые наряду с просоветскими [здесь РСФСР] немецкими националистами, призывали к революционной войне против сил Антанты. Также исключена была тенденция Рюле в Саксонии, которая отрицала необходимость политической партии пролетариата.
- В рамках класса: партия, руководимая революционной волей к действию, должна ставить себя во главе борьбы, держась крепко как компаса, своей программы. Если

партия неспособна ясно оценить революционную ситуацию и выдвинуть чёткие лозунги, в то время как пролетариат находится в стадии брожения, она рискует закончить свой век как Союз Спартака в 1919 году в Берлине, который не смог дать рабочим цельную перспективу. В такие решающие моменты, партия играет фундаментальную роль, или воодушевляя к наступлению, если ситуация располагает к этому, или призывая к отступлению (как сделала партия большевиков в Июле 1917), даже ценой «становления в оппозицию» к наиболее передовым фракциям класса, когда они изолированы от остальной части пролетарских масс.

Для того, чтобы быть «головой и орудием революции» в ключевые моменты революционной борьбы, КРПГ была вынуждена осмыслить глубокие изменения в структуре партии, вызванные периодом капиталистического упадка.

В. Структура и функции партии.

Подчёркивая необходимость «твёрдого коммунистического ядра», КРПГ отчётливо поняла невозможность массовых революционных партий. В эпоху войн и революций, партия-ядро может объединить только меньшинство класса, наиболее сознательное и понимающее необходимость революции. Это был уже не XIX век, когда партия реформ группировала и организовывала широкие слои класса, это партия, выкованная в пламени революции. Условия упадка (государственный тоталитаризм, полулегальность или нелегальность) принуждали к тщательному отбору коммунистических бойцов.

По этой причине, а также потому что партия претерпевает очень быстрый численный рост в революционные периоды, когда она начинает привлекать массы людей, которые ранее не были политизированы или которые были вовлечены в деятельность левобуржуазных партий (сталинизм, лефтизм, итп), жизненно важно чтобы партия «не позволяла себе численный рост быстрее, чем это позволяет мощь силы притяжения твёрдого коммунистического ядра». Этот взгляд на партию был очень близок к взгляду Бордиги в 1921. Аналогично, настойчивость в требовании партийной дисциплины уничтожает легенду, распространённую PCI (Programme Communiste) [«бордигистская организация] об «анархичной» и «антицентралистской» КРПГ. Седьмой тезис утверждает что коммунистическая партия: «должна быть организованной и дисциплинированной снизу, как единая воля».

Г. Вмешательство в экономическую борьбу.

Вопрос о таком вмешательстве был чётко поставлен КРПГ. И ответ был противоположен тому, что был дан Invariance [французский «бордигистский журнал, редактором которого долгое время был Жак Каммат, позже сошедший с бордигистских позиций] и после модернистами [здесь: элементами, претендующими на преемственность от коммунистической левой, но отрицающими роль формальных организаций], чей перевод тезисов содержит явную инверсию смысла. Invariance добавляет отрицание (ne pas) где КРПГ утверждает что партия «должна принимать участие в движении рабочих, вызванном экономическими потребностями» .Позже (в 1922 году) Гортер и Шрёдер (лидер КРПГ) были исключены из-за их защиты неучастия в экономической борьбе, кроме как «на индивидуальной основе» (sic!).

Само собой разумеется, что революционная партия политически участвует в оборонительной борьбе. Что отличает ее от модернистов, так это утверждение, что пролетариат выковывает себя как класс через частичную борьбу. Это является условием для движения вперёд к тотальной политической борьбе за власть.

В то же время, настоящую революционную партию её политическая активность отличает от «консилистских» тенденций, которые видят только экономическую борьбу и ведут себя как возмущенные девы, когда борьба приобретает политический характер и идёт в поставленном лозунгами революционной партии направлении.

Идти против политизации этой борьбы, как делают «консилисты», это значит только «усиливать дух оппортунизма» (тезис 11), разделяя оборонительную и революционную борьбу. И, в-третьих, что отличает её [партию -прим.] от «бордигистстких» тенденций — это то, что она не ставит себя как организатора и технического директора борьбы; партия должна «пытаться духовно просветить такие движения, развивать их, поощряя призывы к активной солидарности, чтобы борьба расширялась и приобретала революционные и, где это возможно, политические формы».

Несмотря на то, что термин, применённый здесь, выказывает некую путаницу языка, слово «духовный» имеет идеалистическое звучание, и революционная борьба будто бы предшествует политической борьбе; стремление быть активным фактором в борьбе чётко явствует из тезисов. Партия — это фактор воли и сознания.

Этот дух также есть и у ИКТ. Партия, которая появится завтра, не может быть как кружком боязливых фразёров, так и самопровозглашённым лидером класса. Чтобы быть активным фактором, партия прежде всего должна быть продуктом классового сознания, который кристаллизует себя в революционной воле существенного меньшинства класса.

Переиздавая эти Тезисы, мы не намерены умалчивать слабости и недостатки, которые появляются то тут, то там и которые означают, что мы должны критически переосмыслить программу КРПГ. Эти недостатки не были просто результатом спешного редактирования этих Тезисов (в подготовке к Третьему Конгрессу КИ), что в некоторых местах делает их весьма туманными. Они исходят из более глубоких недостатков которые, в конце концов, объясняют исчезновение её как течения.

Некоторые слабые стороны Тезисов КРПГ.

А. Двойная организация.

Тот факт, что Союзы (ААУД [не путать с ААУД-Е Рюле]) появились раньше КРПГ, и что они имели близкие политические позиции, объясняет почему КРПГ также рассматривала себя как продукт «духовного лидерства» над ААУД. Тезисы подразумевают пирамидальную структуру, в которой партия создаёт и направляет Союзы, а последние создают рабочие советы. Эта субституационистская [substitute — англ. - замена, представитель — здесь — концепция подмены класса как целого партией] концепция сосуществовала странным образом вместе с «просвещенческой теорией» (революционное образование широких слоёв). В неразберихе, порождённой серией тяжёлых поражений немецкого пролетариата, было не так очевидно, что революционные фабричные организации, Советы, были в действительности осколками рабочих советов. Но фабричные коммитеты могут быть постоянно действующими только при восхождении революционной волны. Они также исчезают, когда волна сходит на нет, или, в другом случае, на марше революции становятся движущей силой советов.

Поддерживав эти коммитеты после спада в массах революционной волны на постоянной основе, с членством открытым для тех, кто признаёт тезисы партии (диктатура

пролетариата, антипарламентаризм, разрушение профсоюзов), КРПГ в итоге поглотилась AAU, что привело к окончательному распаду партии в 1929 году.

Ошибка двойной организации в функционировании КРПГ также видна на примере существования молодёжной организации (KAJ — Коммунистическая рабочая молодёжь), автономной от партии.

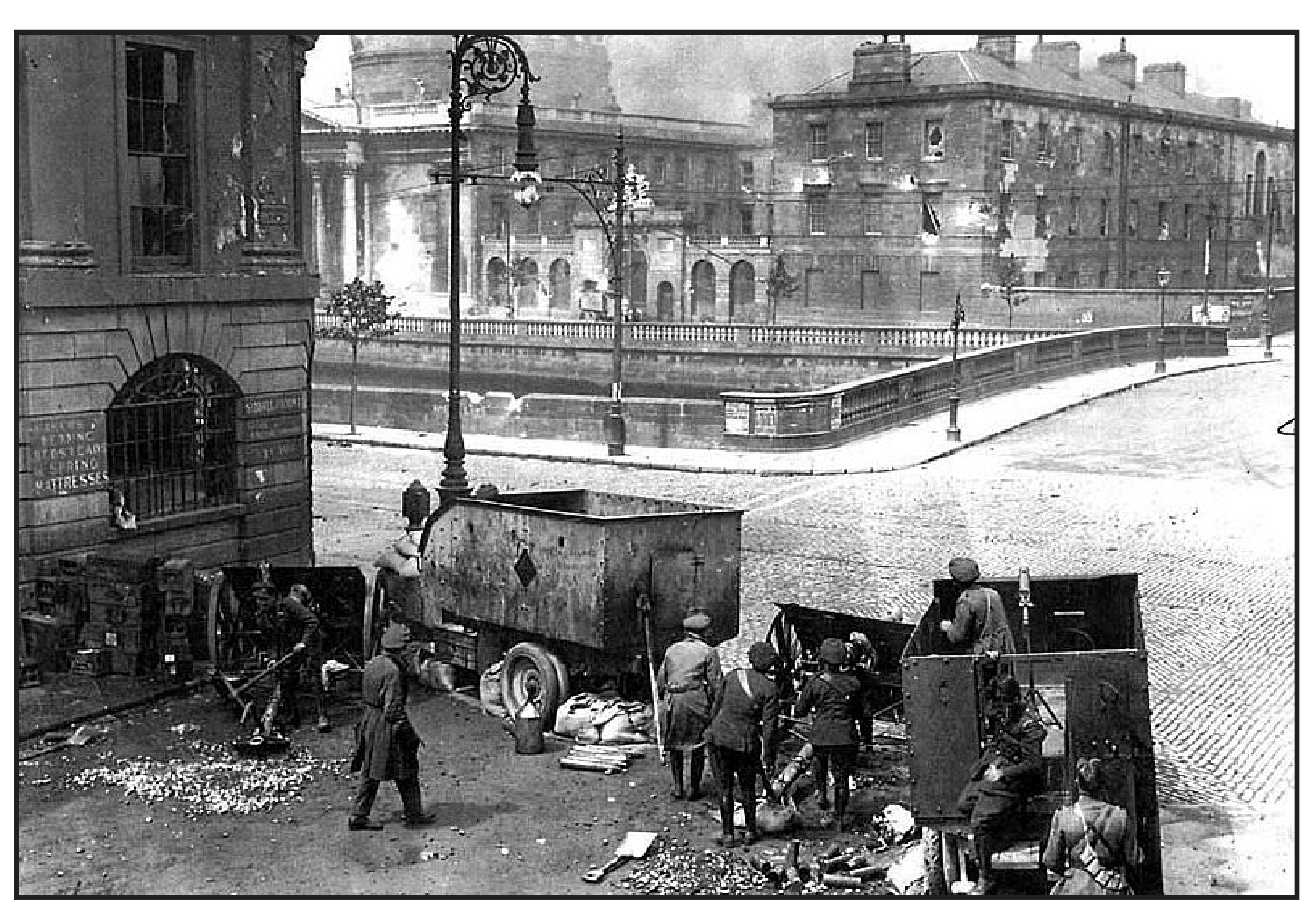
Б. Фракция и оппозиция

В отличие от Итальянской фракции позже, КРПГ видела себя как оппозицию в Интернационале, а не как организованный комплекс, имеющий органическую преемственность от старой партии. Исключение КРПГ из КИ в сентябре 1921 года не позволило ей наладить мосты с наиболее важными левыми, такими как Бордига. Существование групп на позициях КРПГ в Голландии, Болгарии и Британии дало повод к иллюзиям среди меньшинства и, под влиянием Гортера, к искусственному провозглашению Интернационала коммунистических рабочих (КАИ). Это привело к расколу в КРПГ в марте 1922 года и ускорило уход кадров из КРПГ. После этого официальная КРПГ (Берлинская тенденция, в противоположность Эссенской под предводительством Гортера) дожила до 1933 года. В отличие от Гортера, она показала что новый Интернационал может появиться только, когда созреют объективные и субъективные условия. Но реальный вклад в решение вопроса о Фракции и Интернационале был сделан Итальянской левой после 1933.

Слабости и недостатки в Тезисах КРПГ не должны приводить нас к потере из вида их положительного вклада в наш опыт на ряду с вкладом Итальянской и Голландской левой. Перед лицом консилистской угрозы в классе завтра, перед лицом центристских колебаний, эти Тезисы показывают необходимость партии, её незаменимую роль в триумфе мировой революции. Должно быть ясно, что победа революции будет зависеть от зрелости революционных меньшинств и их способности не остаться позади революционных выступлений. История КРПГ доказывает от противного, что исход революции зависит в значительной степени от возможности революционеров сформировать интернациональную партию не в момент, но до вспышки революции. 1980-е - это десятилетие истины для революционного сообщества, в частности для ИКТ, которое должно сохранять бдительность против любой консилистской недооценки необходимости партии и которое должно быть активным элементом в создании фундамента для её будущего провозглашения.

Интернациональное
Коммунистическое
Течение
1981

ПЕРЕВОД СРС

Баррикады во время восстания Спартакистов. 1919.

ТЕЗИСЫ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ ГЕРМАНИИ

(они будут обсуждаться не только в партии, но и в рамках Коммунистического Интернационала)

I. Историческая задача пролетарской революции - передать богатства земли в руки трудящихся масс, чтобы положить конец частной собственности на средства производства, что сделает невозможным существование отдельного правящего класса экспслуататоров. Эта задача включает освобождение общественного хозяйства от всех оков политической власти, что, конечно, происходит в мировом масштабе.

2. Конец капиталистического способа производства, захват этого производства, и передача его в руки рабочего класса, конец всякого классового деления, испепеление политических институтов и построение коммунистического общества являют собой исторический процесс, отдельные моменты которого не могут быть точно предсказаны. Но надо выявить несколько моментов касательно вопроса о роли, которую будет играть политическое насилие в этом процессе.

3. Пролетарская революция одновременно политический и экономический процесс. Ни как политический процесс, ни как экономический она не может разрешиться на национальном уровне; строительство мировой коммуны является абсолютно необходимым для ее выживания. Из этого следует, что до окончательного уничтожения власти капитала в мировом масштабе, победившая часть революционного пролетариата все еще будет нуждаться в политическом насилии для защиты от возможных атак политического насилия контрреволюции.

4. В дополнение к этим причинам, которые делают политическое насилие необходимым для победоносной части пролетариата, существуют и другие причины, связанные с внутренним развитием революции.

Революция, рассматриваемая как политический процесс, имеет свой решающий момент – захват политической власти. Революция как экономический процесс не имеет такого решающего момента, потребуется долгая работа для того, чтобы взять руководство народным хозяйством со стороны пролетариата, ликвидировать мотив прибыли и заменить её экономикой, основанной на общественных потребностях.

Само собой разумеется, что в течение этого периода буржуазия не будет сидеть сложа руки, а будет пытаться вернуть себе власть с целью защиты своих прибылей. Отсюда следует, что в странах с развитой демократической идеологией – индустриально мощных странах – она будет стремиться ввести в заблуждение пролетариат демократическими лозунгами.

Поэтому очень важно, чтобы рабочие имели возможность применять решительно и непоколебимо политическое насилие, пока они не возьмут на себя в конкретных условиях контроль над экономикой и сокрушат власть буржуазии. Этот период будет диктатурой пролетариата.

5. Необходимость для пролетариата держать политическую власть в своих руках после политической победы революции подтверждает необходимость политической организации пролетариата после захвата власти, равно как и до него.

6. Политические рабочие советы (Soviets) являются исторически определенной, всеохватывающей формой пролетарской власти и управления: во все времена советы проходят через определённые точки классовой борьбы и ставят вопрос о полноте власти.

Бойцы-коммунисты во время восстания Спартакистов. 1919.

7. Исторически определенной формой организации, которая объединяет наиболее сознательных и подготовленных пролетарских бойцов является Партия. Поскольку историческая задача пролетарской революции – это коммунизм, партия в своей программе и в своей идеологии может быть только коммунистической партией. Коммунистическая партия должна иметь тщательно разработанную программную основу и должна быть организованной и дисциплинированной снизу, как единая воля. Она должна быть мозгом и оружием революции.

8. Основной задачей коммунистической партии является как до, так и после захвата власти в путанице и колебаниях пролетарской революции быть единым четким и непоколебимым компасом на пути к коммунизму. Коммунистическая партия должна показать массам путь в любой ситуации и не только на словах, но и на деле. Во всех вопросах политической борьбы до захвата власти она должна провести четким образом границу между реформами и революцией, должна клеймить каждый уклон в реформизм, как предательство революции и рабочего класса, как то, что дает новую жизнь старой системе прибыли. Как не может быть общности интересов между эксплуататором и эксплуатируемым, так же не может быть никакого единства реформы и революции. Социал-демократический реформизм, какую бы маску он не предпочёл, сегодня является главным препятствием на пути революции и последней надеждой правящего класса.

9. Коммунистическая партия должна, таким образом, неуклонно выступать против любых проявлений реформизма и оппортунизма с одинаковой решимостью в своей программе, в своей прессе, своей тактике и действиях. Особенно она не должна позволять себе численный рост быстрее чем это позволяет мощь силы притяжения коммунистического ядра.

10. Не только в целом, но и в отдельных своих моментах революция – это диалектический процесс, в ходе которого массы совершают неизбежные колебания. Коммунистическая партия, как организация наиболее сознательных элементов, сама должна стараться не поддаваться этим колебаниям, а показывать выход из них. Ясность и принципиальная природа своих лозунгов, единство слова и дела, своё положение во главе борьбы, правильность собственных прогнозов - все это должно помочь пролетариату быстро и полностью преодолеть каждое колебание. В рамках всей своей деятельности коммунистическая партия должна развивать классовое сознание пролетариат даже ценой того, что она

на мгновение становится оппозицией к массам. Только таким образом партия в ходе революционной борьбы сможет завоевать доверие масс и свершить их революционное просвещение.

II. Коммунистическая партия, естественно, не должна терять связь с массами. Это означает, что кроме обычной обязанности неустанно вести пропаганду, она также должна принимать участие в движении рабочих, вызванном экономическими потребностями и пытаться духовно просветить такие движения, развивать их, поощряя призывы к активной солидарности, чтобы борьба расширялась и приобретала революционные, и, где это возможно, политические формы. Но коммунистическая партия не может укреплять дух оппортунизма путем выдвижения частичных реформистских требований от имени партии.

I2. Наиболее важное практическое действие коммунистов в экономической борьбе рабочих заключается в организации таких средств борьбы, которые в революционную эпоху во всех высокоразвитых странах являются единственным оружием, подходящим для такой борьбы. Это означает, что коммунисты должны стремиться к объединению революционных рабочих (не только членов коммунистической партии), на заводах, а также строить заводские организации (Betriebsorganizationen), которые будут объединяться в Союзы, и будут готовиться к захвату производства рабочим классом.

I3. Революционные заводские организации (Союзы) являются тем каркасом для частичных экономических требований, для рабочих борющихся за себя, той почвой, на которой в борьбе взрастут комитеты действий. Они являются предшественниками и фундаментом революционных рабочих советов.

I4. Во время создания этих широких классовых организаций революционного пролетариата коммунисты докажут прочность своей программы и единства. В Союзах они дадут пример коммунистической теории на практике, стремясь к победе пролетарской революции, а затем к достижению коммунистического общества.

I5. Роль партии после политической победы революции зависит от международной ситуации и от развития классового сознания пролетариата. До тех пор, пока диктатура пролетариата (политическое насилие победившего рабочего класса) необходима, коммунистическая партия должна сделать все возможное, чтобы двигать события в коммунистическом направлении. С этой целью во всех промышленно развитых странах абсолютно необходимо, чтобы как можно более широкое число революционных рабочих под влиянием духа партии принимали активное участие в захвате и преобразовании экономики. Организация на предприятиях и Союзах, опыт в отдельных конфликтах, формирование комитетов действий являются необходимыми мерами подготовки для развития революционной борьбы, которая будет осуществляться передовым отрядом самого рабочего класса.

I6. В той мере, в какой Союзы, как классовые организации пролетариата, укрепят свое положение после победы революции и станут способными консолидировать экономические основы диктатуры в виде Системы Советов, они увеличат свое значение по отношению к партии. Позднее, по мере того, как диктатура пролетариата будет укореняться в сознании широких масс, партия будет терять свое значение по отношению к советам трудящихся. Наконец, когда самозащита революции политическим насилием становится ненужной, когда массы окончательно преобразуют свою диктатуру в коммунистическое общество, партия прекращает свое существование.

Коммунистическая Рабочая Партия Германии. I92I.

Источник: ru.internationalism.org   Редактура: CPC

Основные принципы AAUD-E

(Всеобщего Рабочего Союза - Единой Организации)

1. AAUD-E является интегральной политической и экономической организацией революционного пролетариата.

2. AAUD-E борется за коммунизм, обобществление производства, сырья, средств и сил, а также создаваемых ими потребительских благ. AAUD-E хочет заменить планомерным производством и распределением нынешние, капиталистические отношения.

3. Конечная цель AAUD-E — общество без господства, путь к нему — диктатура пролетариата как класса. Диктатура пролетариата — это исключительное право решения рабочих относительно политического и экономического устройства коммунистического общества посредством организации Советов.

4. Ближайшие задачи AAUD-E:

- Разрушение профсоюзов и политических партий, этих главных препятствий для объединения революционного пролетариата и дальнейшего развития социальной революции, которая не может быть делом партии или профсоюзов.
- Соединение революционного пролетариата на предприятиях, в ячейках производства, фундаменте коммунистического общества. Формой всякого объединения служит организация на производстве.
- Развитие самосознания и солидарного мышления у рабочих.
- Подготовка всех мер, могущих быть необходимыми для политического и экономического строительства.

5. AAUD-E отвергает все реформистские и оппортунистические методы борьбы, он выступает против любого участия в парламентаризме и разрешенных законом производственных советах, поскольку оно означает саботаж идеи Советов.

6. AAUD-E принципиально отвергает профессиональный вождизм. Так называемые вожди могут быть только советниками.

7. Все функции в AAUD-E выполняются на общественных началах.

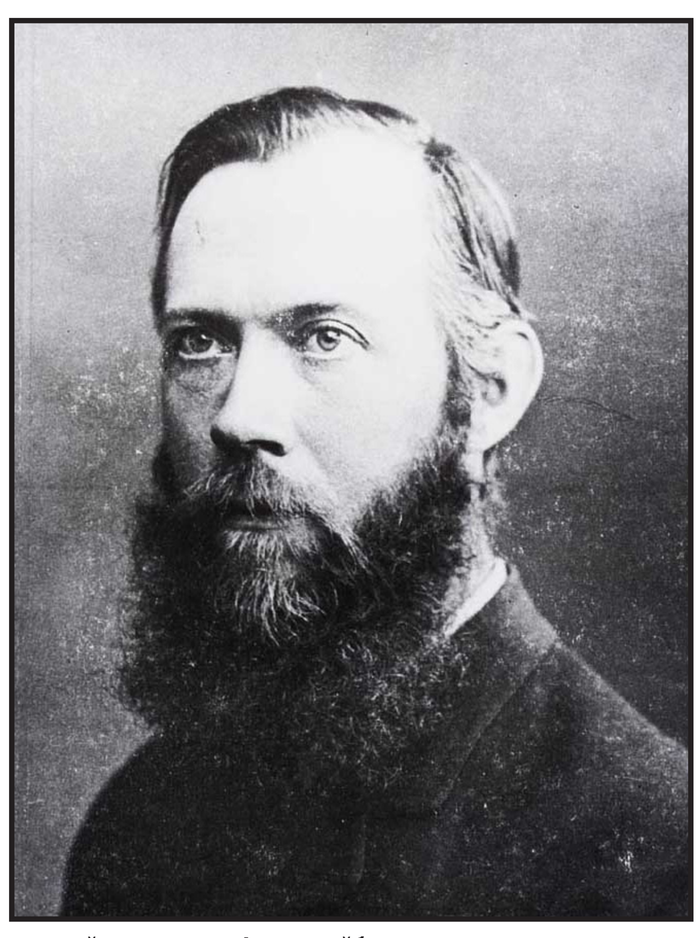
8. AAUD-E рассматривает борьбу за освобождение пролетариата не как национальное,а как интернациональное дело. Поэтому AAUD-E стремится к объединению всего мирового революционного пролетариата в Интернационал Советов.

AAUD-E. I92I

ПЕРЕВОД СРС

Общие заметки по вопросу организации

Антон Паннекук

Организация – это фундаментальный принцип борьбы рабочего класса за свое освобождение. Поэтому неудивительно, что главным предметом обсуждения в рабочем движении остается вопрос организации. Формы организации зависят как от внешней среды, состояния общества, так и от целей борьбы. Эти цели нельзя «изобрести» чисто теоретически – рабочий класс должен их устанавливать самостоятельно, исходя из своих собственных потребностей.

С развитием капитализма рабочие начали создавать профсоюзы. Изолированный наемный работник был бессилен перед капиталистом, поэтому он объединялся со своими товарищами, чтобы бороться за цену своей рабочей силы и продолжительность рабочего дня. Буржуазия и пролетариат имеют противоположные интересы в капиталистическом производстве; классовая борьба ведется за распределение между ними совокупного продукта. При нормальных условиях доля рабочего равна стоимости его рабочей силы, т.е. стоимости товаров и услуг, необходимых для поддержания и восстановления его способности к труду. Оставшаяся часть образует прибавочную стоимость – это доля капиталиста. Капиталист, чтобы получать больше прибыли, стремится снизить затраты на оплату труда и повысить продолжительность работы. Когда рабочие были бессильны, зарплаты снижались до прожиточного минимума, а продолжительность рабочего дня увеличивалась настолько, что ухудшение состояния физического и умственного здоровья людей стало угрожать будущему всего общества. Образование профсоюзов и появление трудового законодательства, добытого рабочими в ожесточенной борьбе, было необходимо капитализму для сохранения стабильного существования. Сама буржуазия поняла, что без профсоюзов не получится направить рабочую борьбу в безопасное русло.

Политические организации развивались схожим образом, хотя и не везде одинаково, исходя из разной политической конъюнктуры в разных странах. В Америке, где фермеры, ремесленники и торговцы, свободные от феодальных оков, могли беспрепятственно продвигаться вглубь континента и захватывать все новые природные ресурсы, рабочие не могли выделиться в отдельный класс. Как и весь народ, пролетарии впитали буржуазный дух индивидуальной и коллективной борьбы за личное благополучие, а внешняя среда позволяла этому духу расти и укрепляться. Лишь в редких случаях (и в основном в кругах иммигрантов) озвучивалась необходимость создания отдельной партии рабочего класса. В европейских же странах рабочие активно втягивались в политические процессы буржуазией, боровшейся с феодализмом. Вскоре им пришлось сформировать свои партии и вместе с отдельными фракциями правящих классов бороться за политические права: за право на профессиональные союзы, за свободу слова, за всеобщее избирательное право, за демократические институты. Партия в борьбе со своими конкурентами вырабатывает собственную теорию, объясняющую, как будет устроено общество будущего. Европейский рабочий класс, внутри которого давно бродили коммунистические идеи, обрел свою теорию в научных работах Маркса и Энгельса, объясняющих переход общества от капиталистической формации к коммунизму посредством классовой борьбы. Эта теория нашла свое отражение в программах социал-демократических партий большинства европейских стран; в Англии лейбористская партия, основанная профсоюзами, придерживалась схожих, хотя и более размытых, представлений о социалистической республике как конечной цели рабочих.

В программе и повседневной пропаганде этих партий пролетарская революция представлялась как конечный результат классовой борьбы; победа рабочего класса над угнетателями должна была стать началом коммунистического (социалистического) способа производства. Но, поскольку капитализм все ещё сохранялся, практическая борьба должна была сосредотачиваться на защите социальных гарантий и частичном улучшении материального положения при капитализме. При парламентском строе парламент является полем борьбы, где встречаются интересы разных социальных слоев: крупные и мелкие капиталисты, землевладельцы, фермеры, ремесленники, лавочники, промышленники, рабочие – все имеют свои специфические интересы, которые защищаются избранными депутатами, все участвуют в борьбе за власть и за свою долю в совокупном общественном продукте. Рабочие также должны принимать участие в борьбе. Социалистические и рабочие партии имеют особую цель – бороться за непосредственные нужды рабочих при капитализме. Так они получают голоса рабочих, а их политический вес растет.

Современное развитие капитализма значительно изменило условия среды. На смену небольшим цехам пришли

огромные фабрики и заводы, насчитывающие тысячи и десятки тысяч рабочих. Рост капитализма, а, следовательно, и рабочего класса обусловил и рост его организаций. Профсоюзы из небольших локальных групп превратились в национальные федерации с сотнями тысяч членов. Для того, чтобы проводить крупные стачки, требовалось создавать большие забастовочные фонды. Разрастался бюрократический аппарат профсоюза, включавший всевозможных председателей и администраторов с их секретарями, профессиональных переговорщиков, журналистов и редакторов газет. Появился целый слой специалистов по борьбе за цену рабочей силы, обладающих особыми знаниями и навыками. В конце концов они стали полноправными хозяевами организаций, хозяевами профсоюзной кассы и печати, в то время как рядовые члены потеряли всякую власть. Это превращение организации рабочих в инструмент власти над ними имеет множество примеров в истории, когда организация разрастается слишком сильно, массы теряют контроль над ней.

Та же ситуация и с политическими организациями, которые из небольших пропагандистских групп выросли в крупные политические партии. Парламентарии становятся руководителями партий. Только они должны вести практическую борьбу в представительских органах, ведь они специалисты в этой области. Они заведуют всем редакторским и пропагандистским аппаратом, их мнение определяет генеральную линию партии. Рядовые члены могут присылать своих делегатов на съезды, но их власть только номинальна. Структура и цели этих организаций становятся те же, что и у любой другой политической партии – организации профессиональных политиков, озабоченных только количеством набранных голосов и участием во власти. Когда социалистическая партия приобретает значительный политический вес, она создает парламентскую коалицию против реакционных партий, а затем продвигает своих людей на посты министров, крупных чиновников, мэров, членов городских управлений. В этой роли социалисты уже никак не могут представлять пролетарские интересы. Действительная политическая власть и даже парламентское большинство остаются в руках капиталистов. Социалисты становятся посредниками, упрашивающими правящий класс согласиться на небольшие реформы в интересах рабочих и убеждающих самих рабочих, что эти реформы действительно важны. Затем и сама социалистическая партия, как инструмент в руках вождей, должна поддержать эти реформы и вместо того, чтобы призывать рабочих к борьбе за свои интересы, успокаивает их и призывает отказаться от прямого классового противостояния.

Тем временем, условия для этого противостояния все ухудшаются. С накоплением капитала растет и власть капиталистического класса. Концентрация капитала в руках немногих финансовых и промышленных магнатов означает все большие репрессии по отношению к профсоюзам. Жесткая конкуренция капиталистов всего мира за рынки, сырье и мировое господство, необходимость использования все возрастающей части прибавочной стоимости для этой конкурентной борьбы, для производства вооружения и для социального страхования, падение нормы прибыли и т.д. вынуждают буржуазию увеличивать норму эксплуатации, т.е. снижать зарплаты и ухудшать условия труда. Таким образом, профсоюзы встречают все большее сопротивление со стороны буржуазии, старые методы борьбы становятся бесполезными, а сами профбоссы уже не хотят вставать на путь прямого противостояния – во время забастовки касса будет только истощаться, а сама организация может прекратить существование, – поэтому им остается только принимать предложения капиталистов. Так, их главной целью становится умиротворение рабочего гнева и защита предложений администрации как важных достижений для трудящихся. Когда же рабочие все-таки начинают бастовать, лидеры партий и профсоюзов либо открыто порицают эти выступления, либо переводят их в безобидное для буржуазии русло, так что те вскоре затухают.

Но борьба сама по себе не может быть так просто остановлена или минимизирована. Классовый антагонизм и спад экономической конъюнктуры нарастают, а это значит, что рабочие продолжат сражаться. Их действия уже выходят из-под контроля профсоюзных бонз. Иногда профсоюзным вождям удается взять эти выступления под свой контроль, однако из этого совершенно не следует, что без подобного вмешательства дикие стачки обязательно одержат победу – они слишком изолированы. Но эти забастовки доказывают, что противостояние труда и капитала не исчезает. Рабочие будут стихийно развивать новые формы борьбы, если старые уже никуда не годятся. В этих условиях бунт против капитала есть также и бунт против старых организационных форм.

Цель рабочего класса – свержение капитализма. Современный капитализм со своими глубокими экономическими кризисами, гонками вооружений и мировыми войнами угрожает пролетариям нищетой и всепоглощающим разрушением. Восстание рабочих против существующего положения вещей будет продолжаться до тех пор, пока капиталистический порядок не будет полностью уничтожен.

При капитализме средства производства находятся в руках буржуазии, что позволяет ей присваивать произведенную прибавочную стоимость, т.е. эксплуатировать рабочий класс. Только когда рабочие станут совместно владеть средствами производства, исчезнет эксплуатация, только в этом случае они станут хозяевами собственных жизней. Все вопросы производства будут решаться сообществами рабочих, а значит и всем человечеством. Производство станет действительно коллективным процессом. В основе всей системы будет производственная единица, фабрика с его коллективом работников, координирующих свои действия. Все отдельные заводы должны быть объединены в одно целое. Таким образом, когда рабочие массы овладевают средствами производства, они в то же время должны по-новому организовывать производственный процесс.

Многие представляют пролетарскую революцию в терминах прошлых политических переворотов, т.е. как ряд сменяющих друг друга фаз: сначала свержение прежнего правительства и установление своей «власти», затем законная экспроприация капиталистического класса и лишь после этого организация общественного производства на новых началах. Но подобные мероприятия могут привести разве что к государственному капитализму. Пролетариат, устанавливая свое господство, в то же время развивает свою организацию и форму нового экономического порядка. Эти два аспекта неотделимы друг от друга и вместе составляют процесс социальной революции. Сильная организация рабочего класса, объединяющая в действии массы трудящихся, – это и есть революция, ибо капитал может господствовать только над неорганизованными индивидами. Когда организованные массы поднимаются на революционную борьбу, а существующая власть парализована и распадается, тогда все функции по управлению обществом переходят в руки рабочих. В этом случае непосредственной задачей революции становится поддержание производства – базового процесса общественной жизни. Борьба революционного класса против буржуазии и ее представителей неотделима от захвата производительного аппарата, а потому та организация, что объединяет класс в общей борьбе, в то же время должна действовать как новая производственная общность.

Естественно, что организационная форма партии или профсоюза, унаследованная от расширяющегося капитализма, в такой ситуации бесполезна. В такой форме вся организация

подчиняется воле руководителей, а руководители не совершают революции – она им ненавистна. Для революционного выступления рабочим потребуются новые формы организации, в рамках которых вся власть будет принадлежать только им. Бессмысленно пытаться сконструировать или выдумать эти формы; они могут возникнуть только в ходе практической борьбы самих рабочих. И эти формы уже начинают проявляться, мы видим их ростки повсюду, где угнетенные восстают против старых порядков.

Во время дикой забастовки рабочие принимают все решения на регулярных общих собраниях. Они создают координационный орган – стачечный комитет, но члены этого комитета могут быть отозваны или переизбраны в любой момент. Если забастовка распространяется на несколько цехов или предприятий, то единство действий достигается за счет создания более крупного комитета, состоящего из делегатов всех отдельных цехов. Эти комитеты не являются представительскими органами, автономно принимающими решения за рабочих; они лишь координируют работу отдельных общих собраний, передают им принятые решения и информацию друг о друге. Члены комитетов не могут играть роль вождей, иначе они будут моментально смещены. Сами рабочие должны выбрать свой путь, решить, как они будут действовать, они должны сами отвечать за свои поступки, несмотря на все трудности и риски. Когда стачка завершается, комитет также прекращает действовать.

Единственный пример того, как современный промышленный рабочий класс становится движущей силой политической революции, – это русские революции 1905 и 1917гг. Рабочие каждой фабрики избирали делегатов, и делегаты всех фабрик образовывали «совет», на котором обсуждалась политическая ситуация и совместные действия. В совете делегаты высказывали мнение своих фабрик и выносилось решение по определенному вопросу. Советы, хоть и оказывали значительное влияние на массы в плане революционного воспитания, при этом не превращались в командующие органы. Иногда целый совет прекращал работу, а состав делегатов полностью обновлялся; иногда, когда власть была парализована всеобщей стачкой, советы действовали в качестве органов местного самоуправления, и тогда в него входили делегаты свободных профессий, чтобы представлять свои отрасли. Здесь мы видим организацию рабочего класса в революционной ситуации, хотя ещё далеко не совершенную, ищущую и испытывающую новые способы действия. Это возможно только тогда, когда все рабочие максимально активно участвуют в совместной деятельности, когда на карту поставлено само бытие трудящихся, когда они действительно принимают участие в принятии решений и целиком посвящают себя революционной борьбе.

После провала революции советы исчезли. Крупные промышленные центры с большими коллективам работников были маленькими островками в безбрежном океане общества примитивного сельского хозяйства, которому ещё только предстояло пройти фазу капиталистического развития. Задача внедрения капиталистических отношений легла на Компартию. Вместе с этим и политическая власть перешла к партии, а советы стали лишь подчиненными ей органами с номинальной властью.

Старые формы организации – профсоюзы и партии, и новые формы – советы, принадлежат к двум разным фазам развития общества и потому имеют разные функции. Первые должны были отстаивать положение рабочего класса по сравнению с другими классами в рамках капитализма и принадлежат к периоду роста капитализма. Советы же должны отстаивать тотальное господство рабочих, должны служить цели уничтожения капитализма и классов и принадлежат к фазе упадка капитализма. При процветающем капитализме рабочие не могут организовать советы, так как они полностью заняты частичным улучшением своего положения, а это ещё возможно осуществить посредством профсоюзов и парламентской борьбы. Но когда капитализм впал в перманентный кризис, все попытки реформистской борьбы становятся тщетными, и вера в нее может служить лишь препятствием к самоорганизации масс. В такие эпохи, когда растет сопротивление нищете, когда забастовки парализуют экономики целых стран и низвергают правительства, старые организационные формы терпят крах перед лицом спонтанных выступлений масс.

Защитники политики социалистических и коммунистических партий часто соглашаются, что во время революции низовые рабочие органы полезны в деле уничтожения старого порядка, но затем они говорят, что в конечном итоге массам придется принять парламентскую демократию, чтобы организовать новое общество. Что же, давайте сравним базовые принципы обеих форм политической организации общества.

В небольших городах или районах демократия проявляется в форме сходов всех жителей. При большой численности современных городов это становится невозможно. Люди могут выражать свою волю, только выбирая делегатов в определенный орган, который представлял бы интересы всего общества.

Парламентские представители могут действовать на своё усмотрение, принимать решения и голосовать, как им заблагорассудится. Делегаты же советов, в отличие от парламентариев, связаны императивным мандатом – они лишь выражают мнение рабочих коллективов, которые их избрали. Делегаты могут быть отозваны и заменены в любой момент – таким образом, рабочие сохраняют власть в своих руках.

Также члены парламента избираются на определенное число лет; граждане правят государством только в дни выборов. Как только выборы закончились, люди теряют свою власть, а их делегаты становятся независимыми от них. И единственным сдерживающим их фактором является то, что через определенный период времени им снова придется переизбираться. Для того чтобы набрать нужное количество голосов они устраивают шумные избирательные кампании, забивают головы избирателей демагогией и популистскими лозунгами. Так парламентарии, а не избиратели, становятся теми, кто в действительности создают политику. При этом парламентарии не избираются как делегаты, а представляют определенную политическую партию. Более того, даже если люди выберут себе представителей, правительство они все равно не сформируют – при парламентской демократии законодательная и исполнительная власти разделены.

В действительности любое правительство господствует над народом; оно формируется бюрократией, так что чиновники отдаляются от граждан настолько, чтобы их повседневная деятельность не зависела от воли народа. Так, всеобщее избирательное право и парламентская демократия становятся средством поддержания капиталистического господства. Даже в развитых капиталистических странах, где уже большинство населения составляет рабочий класс, эта демократия не может привести к завоеванию трудящимися политической власти. Для пролетариата это ложная демократия; подлинной может быть только система советов – система прямого рабочего самоуправления собственными жизнями.

Парламентская демократия – это форма политической власти, в рамках которой различные социальные слои капиталистического общества оказывают влияние на правительство. Парламентарии представляют отдельные классы: фермеров, торговцев, промышленников, рабочих, но они не выражают единую для всех волю. Но у избирателей отдельного

района не может быть единой воли. Так сложилось, что рабочие, капиталисты и мелкая буржуазия живут в одном месте, но это ни в коем случае не отменяет противоположности их интересов.

Делегаты советов, напротив, отражают интересы однородной группы. Совет – это не просто группа рабочих, объединенных общим классовым интересом, это коллектив людей, сообща работающих на предприятии; работники этого коллектива каждый день общаются друг с другом, и у них один и тот же противник; как товарищи они принимают все решения сообща: не только по вопросам забастовок, но также и по вопросам организации нового производства. Представительство советов основано не на бессмысленном объединении смежных деревень и районов, а на объединении рабочих в процессе производства, действительной основе общества.

Советы нельзя смешивать с так называемыми «корпоративными» структурами, пропагандируемыми в фашистских государствах. Такая форма организации существует в виде представительства разных профессий или отраслей (включающих как рабочих, так и администрацию), рассматриваемых как постоянные компоненты общества. Эта форма восходит к средневековому обществу с его неизменными классами и гильдиями, и тенденция этой формы к твердому закреплению сфер влияния ещё сильнее парламентской формы, в которой мы находим непрерывный процесс появления новых и исчезновения старых крупных социальных групп.

Представительство советов отличается от корпоративных структур кардинальным образом, поскольку в этой системе представляются интересы класса, вовлеченного в революционную борьбу. Представляя интересы только рабочего класса, власть советов исключает участие в управлении капиталистов. Таким образом, отрицается право капиталистического класса на существование, а экспроприация средств производства делает невозможным существование общества разделенного на классы. В ходе революции рабочие принимают на себя функции управления обществом, а система советов становиться необходимым административным инструментом. Таким образом, рабочие советы есть в то же время органы диктатуры пролетариата. Диктатура пролетариата – это не просто безупречная система голосования, исключающая правящий класс от участия в выборах. Это осуществление власти естественными органами рабочих, строительство производственного аппарата как основы общества. В рамках этих органов, непосредственно связанных с разными сторонами производства, не будет места грабителям и эксплуататорам, не занятым в производстве. Таким образом, диктатура пролетариата есть в то же время наивысшая форма демократии.

Приверженцы старых организационных форм превозносят демократию как единственную справедливую политическую форму в противоположность диктатуре, несправедливой форме. Марксизм не признает абстрактного права или закона; для него всякая политическая форма, в которой человек выражает свое понимание права, – следствие экономической структуры общества. Теория Маркса также позволяет нам понять разницу между парламентской демократией и системой советов. Эти две формы демократии отражают противоположность двух основных классов и их экономических систем.

Буржуазная демократия основывается на обществе, состоящем из множества небольших независимых производителей. Правительство заботится об их общих интересах: общественной безопасности и правопорядке, защите частной собственности, единой денежной системе и т.д. Все это необходимо для того, чтобы господствующий класс мог свободно заниматься бизнесом. В центре общества становится частное предприятие, чьим интересам подчинена жизнь каждого индивида, а политические факторы так или иначе отходят на второй план. Суть общественной жизни, её основа – материальное производство, оно разделено на частные моменты между отдельными группами людей, так что вполне объяснимо, что оно занимает почти все их свободное время, а то, что касается всего общества в целом, – политика – для них дело лишь второстепенной важности. Люди выходят на улицы только при революционной ситуации. В обычное же время политика – занятие для специалистов, заботящихся только о сохранении и поддержании нормальных условий для частного предпринимательства.

То же верно и для рабочих, так как они думают только о своих собственных интересах. При капитализме почти все их время и энергия расходуется в процессе эксплуатации, так что у них не остается никаких физических и духовных сил. Зарплата становится единственным источником средств к существованию. Их политический интерес, т.е. интерес в сохранении и поддержании самого положения наемного работника, всегда остается для них вторичным. Поэтому они перепоручают защиту этих интересов специалистам – партийным и профбоссам. Голосуя как житель города или член профессионального объединения, рабочий может частично влиять на действия политиков, но только частично – центральный вопрос работы в любом случае останется нетронутым.

Пролетарская демократия при коммунизме имеет кардинально иное экономическое основание – коллективное, а не частное производство. Вопрос, что производить теперь, решается всем коллективом, а не кастой управленцев. То, что раньше называлось политическими вопросами, теперь отнюдь не вторично и становится в центре внимания, как касающееся всех и каждого. То, чем раньше занимались политики, теперь является кровным интересом каждого работника. Это не внешняя, отделенная от остального производства сфера деятельности, но его составная часть. Снимается разделение между личными интересами и интересами сообщества. Больше нет нужды в отдельной социальной группе, ответственной за заботу о делах коллектива. Посредством координирующей

системы советов производители самостоятельно управляют своим производством.

Различие двух форм организации не в том, что одна основана на идеологии, а другая на материальном производстве – нет, базис обеих есть система производства, только у одной это упадочная система прошлого, а у другой – растущая система будущего. Мы живем в эпоху перемен, эпоху развитого капитализма и начала пролетарской революции. На этой стадии старая система производства разрушается, большой класс независимых производителей исчезает. Основная часть производства теперь уже дело больших коллективов работников, однако оно всё ещё остаётся во власти и под контролем абсолютного меньшинства. Такое противоречивое положение поддерживается за счет государственной власти, поэтому задачей пролетарской революции будет свержение этой власти путем захвата рабочими средств производства. В ходе революции рабочие будут постепенно, методом проб и ошибок, выстраивать организацию пролетарской диктатуры и уничтожать буржуазное государство, таким образом, революция представляется как смена организационных систем.

Мы находимся только на пороге революции. Весь прошлый век классовой борьбы нельзя рассматривать как собственно начало, а только как прелюдию. Этот век оставил нам неоценимое теоретическое наследие; он позволил найти нужные слова, чтобы бросить вызов капитализму, претендующему на звание лучшей, а потому заключительной социальной системы; он разбудил рабочих от прозябания в нищете; но практическая борьба так и не смогла вырваться за пределы капитализма, она вынужденно создавала посредников, и потому могла стремиться только к замене плохих начальников на хороших. Только внезапная вспышка социальной активности типа массовой стачки, вышедшей из-под контроля политиков, предвосхищала будущие самоорганизованные выступления масс. Каждая дикая стачка, отвергающая руководство со стороны партий и профсоюзов, это признак нарождающегося нового движения. Всевозможные начальники рабочего протеста, профбоссы, секретари социалистических партий, кровно связанные с буржуазной демократией, объявляют эти выступления анархистскими беспорядками. Вросшие корнями в свои устаревшие организационные формы, они не видят в этих спонтанных выступлениях зародыша нового способа организации. В фашистских странах, где буржуазная демократия была уничтожена, в будущем будет возможна только такая форма борьбы. И, конечно же, целью этого спонтанного революционного действия масс не будет восстановление буржуазной демократии, его целью будет установление прямой пролетарской демократии, т.е. диктатуры рабочего класса.

Впервые опубликовано в журнале Living Marxism №5 за 1938г.

ПЕРЕВОД СРС

Британские шахтеры во время всеобщей забастовки. 1926.

МАССЫ И АВАНГАРД

Пол Маттик

Экономические и политические изменения произошли с непостижимой быстротой после окончания I мировой войны. Старые концепции в рабочем движении выявили свою ошибочность и перестали отвечать требованиям современной социальной обстановки, что привело классовые организации к новой эпохе разброда и шатаний.

Ввиду изменений экономической и политической ситуации очень важно пересмотреть задачи рабочего класса, чтобы найти новые формы протеста и новые формы организации, которые будут отвечать современным потребностям классовой борьбы.

Обсуждение вопроса об отношении «партии» («организации», «авангарда», «руководства») и масс является ключевым для современного рабочего класса. Неудивительно, что значение роли партии и авангарда переоценивается в кругах рабочего класса, так как вся история и традиции рабочего движения развивались в этом направлении.

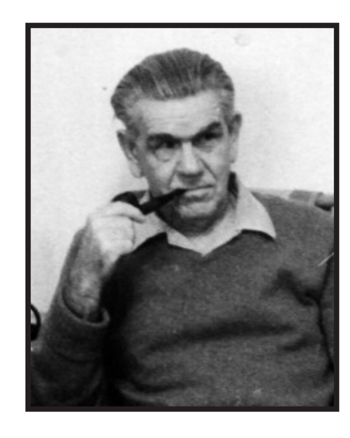
Сегодня рабочее движение – это результат развития экономики и политики, которое впервые нашло свое выражение в английском движении Чартистов (1838-1848), в последующем развитии профсоюзов (1850 гг.) и в движении лассальянцев в Германии в шестидесятые. Профсоюзы и политические партии появлялись в других странах Европы и Америки в зависимости от уровня развития капитализма.

После уничтожения феодализма и становления капиталистической промышленности появилась потребность в управлении пролетариатом и в предоставлении капиталистами определенных демократических привилегий. Последние преобразовывали общество в соответствии со своими потребностями. Буржуазный парламентаризм заменил феодальное политическое устройство. Было создано буржуазное государство. Оно стало инструментом для управления общими интересами капиталистического класса и было приспособлено под его потребности.

Теперь приходится считаться с докучливым пролетариатом, чье участие в борьбе против феодализма было необходимым условием для победы. Однажды впустив пролетариат в историческую борьбу, его уже невозможно было ликвидировать как политическую движущую силу. Но его можно было скоординировать. И это удалось сделать, частично благодаря хитрости, а частично за счет динамики капиталистической экономики. Рабочий класс подстроился и подчинился новому порядку. Были организованы профсоюзы, чьи ограниченные задачи (увеличение зарплат и улучшение условий труда) могли быть реализованы в условиях развивающейся капиталистической экономики. Рабочий класс, играя по правилам буржуазной политики в пределах буржуазного государства (чья деятельность и формы приспособлены в первую очередь под интересы капиталистов) и в пределах этих ограничений, достиг определенного успеха.

Но таким образом пролетариат принял капиталистические формы организации и буржуазную идеологию. Рабочие партии превратились в подобие капиталистических партий и переняли их корпоративизм, а первоначальные нужды класса были подчинены политической выгоде. Революционные цели были заменены спекуляциями и махинациями за политические позиции. Партия стала иметь первостепенное значение, а интересы рабочего класса были вытеснены непосредственными (ближайшими) целями партии. Где революционная ситуация приводила в движение класс, чья тенденция борьба за реализацию революционных целей, там рабочие партии, «представлявшие» рабочий класс и сами «представленные» парламентскими депутатами, кого парламентёрское положение само по себе вынуждало принять статус посредника и торгаша, подчинённого логике капиталистической системы, никак это логику не оспаривали.

Создание рабочих организаций в рамках капиталистической логики привело к принятию специализации деятельности профсоюзов и партий, отражающей промышленную иерархию. Менеджеры,

руководители и мастера видели в президентах, организаторах и секретарях рабочих организаций своих коллег. Массы членов рабочих организаций, как и массы наёмных рабов на производстве, отдали управленческую власть в руки избранных.

Урезание рабочих инициатив продолжалась в быстром темпе по мере того, как капитализм укреплял свою власть. Это продолжалось, пока мировая война не положила конец дальнейшей мирной и «спокойной» капиталистической экспансии.

Восстания в России, Венгрии и Германии способствовали возрождению массовых выступлений и инициатив. Бедность и нищета вынудили массы к выступлениям. Но традиции старого рабочего движения Западной Европы и экономическая отсталость восточной Европы помешали рабочему движению выполнить свою историческую миссию. Поражение народных масс в западной Европе привели к подъему фашизма а-ля Муссолини и Гитлер, а в России тем временем отсталая экономика строила «коммунизм», где разделение труда и неравенство между руководством и классом достигло высшей точки.

Принцип лидерства, то есть идея о том, что руководство должно взять на себя все обязанности по управлению пролетарской революцией, основан на довоенной концепции рабочего движения и является несостоятельным. Задачи революционного и коммунистического переустройства общества не могут быть реализованы без широкого участия масс. Только они могут решить такую задачу.

Спад буржуазной экономики, прогрессирующий паралич, нестабильность, урезание зарплат и обнищание рабочих – всё это вынуждает действовать, несмотря ни на фашизм а-ля Гитлер, ни на замаскированный фашизм Американской Федерации Труда.

Старые организации либо уничтожены, либо добровольно уменьшились до таких размеров, что стали бессильными. Сейчас настоящая деятельность возможна только вне старых организаций. В Италии, Германии и России красный и белый фашизм уже уничтожил все старые организации и поставил перед рабочими задачу поиска новых форм борьбы. В Англии, Франции и Америке старым организациям еще удается получать поддержку среди рабочих, однако, последовательная капитуляция перед силами реакции быстро уничтожит их.

Принципы самостоятельной борьбы, солидарности и коммунизма становятся актуальными для трудящихся во время классовой борьбы. С такой тенденцией массовых объединений и массовых акций теория перегруппировки и реконструкции боевой организации кажется устарелой. Настоящая перегруппировка необходима, но она не может состоять из простого слияния существующих организаций. Необходимо пересмотреть формы борьбы в этих новых условиях. Даже небольшие группы, признающие и пропагандирующие принципы независимого массового движения, намного прогрессивнее, чем большие группы, которые выступают против принципа власти масс.

Есть группы, которые осознают недостатки и слабые стороны партий. Они часто озвучивают критику народных фронтов и профсоюзов. Но их критика ограничена. Им не хватает всестороннего понимания нового общества. Задачи пролетариата не ограничиваются экспроприацией средств производства и отменой частной собственности. Необходимо осознать и решить проблемы социальной перестройки. Следует ли отвергнуть государственный социализм? Что станет основой общества вместо наемного рабства? Что определит экономические отношения между фабриками? Что определит отношения между

производителями и их конечным продуктом?

Сегодня постановка этих вопросов и получение на них ответов очень важны для поиска новых форм борьбы и организаций. С этого момента противоречия между принципами лидерства и принципом независимых массовых выступлений становятся очевидными. Для полного понимания этих вопросов надо осознать, что самая широкая, всеобъемлющая, прямая деятельность пролетариата как класса необходима, чтобы достичь коммунизма.

Одна из первых задач – отмена системы наёмного труда. Одного желания не достаточно. Сохранение этой системы после революции (как это было в России) приведёт лишь к капитуляции перед порождёнными этой системой реалиями. Недостаточно просто захватить средства производства и отменить частную собственность. Необходимо отменить основное условие современной эксплуатации – наемное рабство, и этот процесс поспособствует реорганизации, которая никогда бы не была достигнута без первого шага (отмены заработной платы). Группы, которые игнорируют эти вопросы, испытывают недостаток в понимании смысла важнейших элементов революционной политики, вне зависимости от содержания их критики. Отмена системы заработной платы должна быть тщательно исследована по отношению к политике и экономике. Сейчас мы сделаем некоторые политические выводы.

Первый вопрос – это захват власти рабочими. Акцентировать внимание надо на том, что власть должна принадлежать массам (а не партии или авангарду). Коммунизм не может быть построен или реализован партией. Только пролетариату в целом это по силам. Коммунизм означает, что рабочие взяли свою судьбу в свои руки; то, что они отменили зарплаты; то, что они, с подавлением бюрократического аппарата, объединили законодательные и исполнительные органы власти. Единство рабочих означает не священное (ритуальное) объединение партий или профсоюзов, а единство потребностей и схожесть выражения требований в массовых акциях. Следовательно, все вопросы о действии рабочих должны перекликаться с вопросами о развитии автономного действия масс.

Не правильно считать, что политические партии слабы по вине чьего-то злого умысла или реформизма лидеров. Именно сами политические партии бессильны. Они ничего не сделают, так как они не могут ничего сделать. Из-за экономической слабости капитализм создал свой механизм для подавления и террора, в данный момент политически очень силен. Эти меры вынуждают его мобилизовать свои усилия, чтобы защитить себя. Накопление капитала, огромного во всем мире, сократило прибыль – явление, которое во внешней политике проявляется через противоречия между нациями, а во внутренней политике через девальвацию, сопровождённую частичной экспроприацией среднего класса и понижение прожиточного минимума рабочих; а в целом в централизации мощи больших капиталов в руках государства. Против этой власти небольшие движения бессильны.

Только массы могут бороться с этим злом, ибо только они могут разрушить государственную власть и стать политической силой. По этой причине борьба, основанная на профсоюзных организациях, является объективно устаревшей, и поэтому массовые движения, неограниченные определенными рамками таких организаций, должны заменить их.

Такова новая ситуация, с которой сталкиваются рабочие. Но именно эта новая ситуация является источником фактической слабости рабочего движения. Так как старые методы борьбы (выборы и ограниченные профсоюзы) стали бесполезными, появился новый метод борьбы, правда, разработанный инстинктивно. Но этот метод пока еще сознательно не применялся, а, следовательно, и не стал еще эффективным. Где их партии и профсоюзы бессильны, массы уже начинают выражать свою воинственность посредством диких стачек. В Америке, Англии, Франции, Бельгии, Голландии, Испании, Польше развиваются дикие стачки, и этими стачками массы доказывают, что их старые организации больше не пригодны для борьбы. Дикие стачки, однако, не дезорганизованы, как может показаться с первого взгляда. Они осуждены профсоюзными бюрократами, так как эти забастовки организованы вне официальных профсоюзов. Бастующие сами организуют забастовки, так как это старая истинна, что только организованные рабочие массы способны бороться и победить. Они формируют заслоны пикетчиков для блокировки прохода от штрейкбрехеров, организуют стачечные кассы, налаживают связи с другими заводами. Одним словом, они сами руководят своей же забастовкой, организуя ее со своими же товарищами по фабрике.

Именно в этих самых движениях забастовщики находят свое единение в борьбе. Это происходит в те периоды, когда они берут свою судьбу в свои руки и объединяют законодательную власть с исполнительной, ликвидируя профсоюзы и партии. Многочисленные забастовки в Бельгии и Голландии это продемонстрировали.

Но независимая классовая борьба пока еще слаба. Забастовщики, вместо того, чтобы продолжить их независимую борьбу и расширить свое движение, призывают профсоюзы присоединиться к ним; это является свидетельством того, что при существующих условиях их движение не может больше вырасти, и по этой причине еще не может стать политической силой, способной к борьбе с централизованным капиталом. Но это только начало.

Однако время от времени независимая борьба пытается сделать шаг вперед, например, во время стачки шахтеров в Австрии в 1934 г., забастовок во Франции, Бельгии и США в 1936 г. и Каталонской революции в 1936 г. Эти вспышки волнений служат доказательством того, что новая социальная сила нарастает среди рабочих, руководимая самими рабочими, подчиняет социальные институты массам и движется вперёд.

Забастовки больше не преследуют цель снизить прибыль или нарушить экономическую стабильность. Именно деятельность рабочих как организованного класса придает независимым стачкам важность. При помощи системы фабрично-заводских комитетов и рабочих советов, которые увеличивают свое влияние на всё больших территориях, пролетариат создает органы, которые регулируют производство, распределение и все другие функции общественной жизни. Другими словами гражданский административный аппарат лишен всей власти и это способствует установлению пролетарской диктатуры. Таким образом, классовая организация одновременно с функцией борьбы за власть контролирует и управляет производительными силами всего общества. Это является основой сообщества (ассоциации) свободных и равных производителей и потребителей. И именно в этом кроется опасность, представляемая капитализму автономными классовыми движениями. Дикие стачки, неважно какого масштаба – большого или маленького, являются зародышами коммунизма. Небольшие дикие стачки, управляемые самими рабочими в интересах самих же рабочих, показывают в малом масштабе характер будущей пролетарской власти.

Перегруппировка должна быть проведена с учетом того факта, что условия борьбы делают необходимым объединение «законодательной и исполнительной власти» и концентрирование власти в руках фабричных рабочих. Лозунг «Вся власть боевым комитетам и рабочим советам» нельзя сдавать. Это лицо класса. Это дорога к коммунизму. Задача активистов состоит в том, чтобы передать рабочим осознание необходимости в объединении, в организации для борьбы, в необходимости установления диктатуры пролетариата и в понимании экономической структуры коммунизма после отмены заработной платы.

Активисты, которые называют себя «авангардом» имеют те же слабости, что и массы. Они до сих пор верят (хотя признают революционные методы), что профсоюзы и какая-нибудь партия должны управлять классовой борьбой. Но если решающая борьба действительно близится, то недостаточно утверждать, что профсоюзные лидеры – предатели. Очень важно, особенно сегодня, составить план для формирования классового фронта и способов его организации. Надо обязательно бороться против доминирования партий и профсоюзов. Это переломный момент в борьбе за власть.

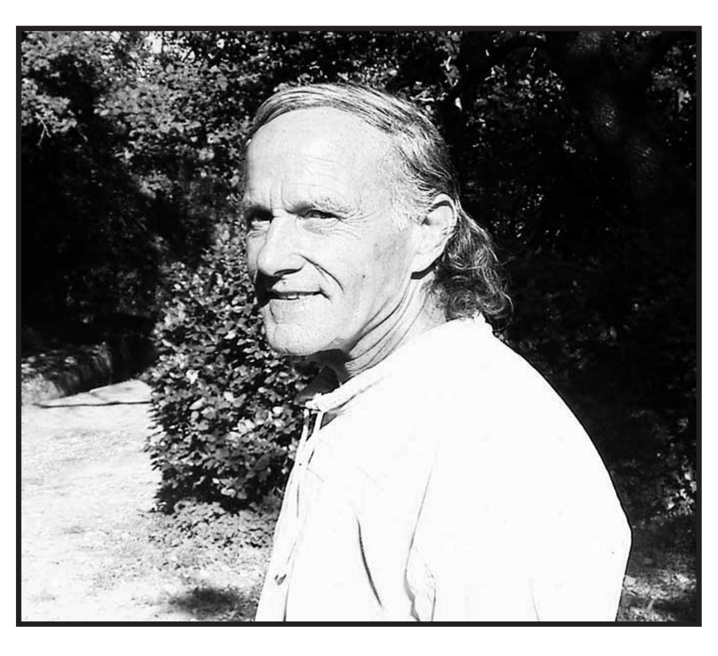
Пол Маттик. 1938.

Источник: libcom.org

ПЕРЕВОД СРС

ОБ ОРГАНИЗАЦИИ

Жак Каматт

Следующее письмо (от 04.09.69) привело к распаду группы, которая начала формироваться на основе позиций, изложенных в «Инварианте».

Часть вопросов, поднятых в письме, была частично рассмотрена, другие же почти не были затронуты. Вот почему необходимо - с учетом потребности более четкого разрыва с прошлым - опубликовать его сейчас. Наша публикация должна позволить читателю оценить проделанную работу и то, что еще предстоит сделать.

Так как оно является одновременно разрывом (и, следовательно, заключением) и новой точкой отсчета, в письме содержатся некоторые неточности, которые могли бы послужить причиной ошибок. В комментарии мы укажем самые важные из них. Кроме того, тогда нам казалось, что можно «конкретно» показать, как оставаться революционером при отрицании группового метода, так что вполне объяснима интерпретация нашего отказа от небольших групп как возврат к штирнеровскому индивидуализму. Как будто единственной гарантией с того момента могла быть только субъектность, взращиваемая отдельным революционером! Вовсе нет. Тогда для нас стояла задача публично отвергнуть определенные восприятия социальной реальности и практику, связанную с ними, так как они были отправной точкой для процесса образования банд. Мы отказалась от движения малых групп, и поэтому мы должны были наладить связи с другими революционерами, которыми были сделаны аналогичные выводы. Сейчас мы имеем дело с производством новых революционеров, которые не задерживаясь переступают ту точку, на которой мы в свое время вынуждены были остановиться. Таким образом, если мы не разорвём с политической точкой зрения в глубинах нашего индивидуального сознания, нам всегда будет мерещиться некий «союз». Главная суть политики – это представление, и каждая группа всегда пытается спроецировать на социальном экране внушительное изображение самой себя. Группы всегда подробно разъясняют, в чем заключается это представление, чтобы определенные лица признали в них авангард для представления иных людей, т.е. класса. Это проявляется в пресловутом «чем-мы-отличаемся-от-всех-других» различных мелких групп, стремящихся к признанию. Все разделения ограничены и часто сводятся к набору представительных лозунгов для маркетинга банды. Любое политическое представление – это экран и, следовательно, препятствие для слияния сил. Поскольку представительство может происходить на индивидуальном уровне так же, как и на уровне группы, обращение к прежнему уровню будет для нас лишь повторением прошлого.

Каматт, 1972

«Мы оба не дадим и ломаного гроша за популярность. Вот, например, доказательство: из отвращения ко всякому культу личности я во время существования Интернационала никогда не допускал до огласки многочисленные обращения, в которых признавались мои заслуги и которыми мне надоедали из разных стран, — я даже никогда не отвечал на них, разве только изредка за них отчитывал. Первое вступление Энгельса и мое в тайное общество коммунистов произошло под тем непременным условием, что из устава будет выброшено все, что содействует суеверному преклонению перед авторитетами».

Маркс — Блосу, 10.11.1877

«Разве в обиходе и деловых отношениях буржуазного общества возможно избежать грязи? Как раз там ее естественное место... Респектабельную подлость или подлую респектабельность платежеспособной (впрочем, и это, как показывает всякий торговый кризис, лишь с весьма двусмысленными оговорками) морали я не ставлю ни на грош выше нереспектабельной подлости, от которой не были вполне свободны ни первые христианские общины, ни Якобинский клуб, ни наш покойный «Союз». Только при буржуазных взаимоотношениях привыкаешь к тому, что теряется чувствительность к респектабельной подлости или подлой респектабельности».

Маркс — Фрейлиграту, 29.02.1860

Утверждение капитала в материальном существовании, а значит и в социальной общности, сопровождается исчезновением традиционных индивидуальных капиталистов, относительным, а иногда и абсолютным, уменьшением пролетариата, и ростом новых средних классов. Каждое человеческое общество, независимо от того, насколько оно мало, обусловлено способом существования материального общества. Современный способ существования проистекает из того факта, что капитал может валоризировать себя — то есть существовать и развиваться — только если отдельные его части в процессе автономизации капитала противостоят общественному миропорядку в соразмерности с всеобщим социализированным эквивалентом - капиталом. Капитал нуждается в этом противостоянии (конкуренции, соперничестве); он может существовать только за счет дифференциации. С этой точки зрения, социальная ткань формируется на основе соперничества конкурирующих «организаций» (банд).

«*Оно воспроизводит новую финансовую аристократию, новую разновидность паразитов в образе прожектёров, учредителей и чисто номинальных директоров; оно воспроизводит целую систему мошенничества и обмана в области учредительства, выпуска акций и торговли акциями. Это — частное производство без контроля частной собственности*».

Капитал, Т.3

«*Экспроприация — исходный пункт капиталистического способа производства; осуществление её является его целью, и, в частности, его целью является экспроприация всех индивидуумов от средств производства, которые с развитием общественного производства перестают быть средствами частного производства и продуктами частного производства и могут быть средствами производства лишь в руках ассоциированных производителей, т. е. их общественной собственностью, как они являются их общественным продуктом. Но эта экспроприация в пределах самой капиталистической системы выражается в антагонистической форме, в форме присвоения общественной собственности немногими; а кредит всё больше придаёт этим немногим характер чистых рыцарей наживы*».

Там же

Как начало производственного процесса (создания стоимости), коммерческое предприятие сдерживает движение капитала, фиксируя его в определенном месте. Поэтому он должен преодолеть эту стабилизацию, утратить свой фиксированный характер. Так возникают предприятия, не имеющие собственности, но которые по-прежнему позволяют в мистифицированной форме получать прибавочную стоимость. Здесь постоянный капитал равен нулю, так что необходимо только совсем небольшое количество капитала, чтобы провернуть «дело». Наконец, есть даже фиктивные предприятия, благодаря которым проходит большинство спекуляций.

«*Сегодня, капитал постоянно выступает в форме «организации». За этим словом-синонимом в славные дни трудовых конфликтов все вместе шли в открытую борьбу, но сейчас это просто лицемерный вымысел об общих интересах бизнесменов, администраторов, техников, неквалифицированных рабочих, роботов и сторожевых псов. Скрываясь за невыразительными и анти-мнемоническими товарными знаками компаний, за терминами типа «элементы производства» и «стимулирование национального дохода», капитал по-прежнему выполняет свои старые омерзительные функции; функции гораздо более недостойные, чем у предпринимателя на заре буржуазного общества, который лично способствовал развитию дела своим интеллектом, мужеством и истинным новаторским духом.*

Организация является не только современным обезличенным капиталистом, но и капиталистом без капитала, поскольку он ей не требуется...

Коммерческая организация имеет свой собственный план. Она не становится надежной фирмой с активами, а лишь «корпоративным фасадом» с фиктивным капиталом. Если кто-то оплатил авансом, это только для того чтобы заслужить доверие правительственных учреждений в которых рассматриваются заявки, предложения и контракты.

Это показывает ложность глупой доктрины о том, что государство или партийная бюрократия представляет собой новый правящий класс, который одинаково зажимает пролетариев и капиталистов. С марксистской точки зрение легко отвергаются такие смешные гипотезы. Сегодня «специалист» – хищник, бюрократ и убогий подхалим.

Организация отличается от рабочей коммуны (либертарной иллюзии, которую невозможно найти в известных нам пределах) тем, что в каждой форме присутствует иерархия функций и привилегий. Не может быть иначе, ведь фирма автономна на рынке и должна приносить прибыль.

Недавние сообщения из России, касающиеся региональной децентрализации и расширения независимости отдельных предприятий, показывают тенденцию к взрывному расширению контрактной системы, с помощью которой государство нанимает для себя организации во всех секторах экономики, организации, которые фактически являются бизнес-бандами, с изменяющимся и неуловимым составом персонала. Они подобны различным жадным формам, которые характеризуют современную строительную индустрию во всех современных капиталистических системах».

А. Бордига. «Экономическая и социальная структура современной России»

Государство не только нанимает себе банды, но и само становится бандой. Тем не менее, оно по-прежнему играет роль посредника.

«*Абсолютная монархия (которая сама по себе – продукт растущего буржуазного богатства, развивается до тех пор, пока она не становится несовместимой со старыми феодальными отношениями) - это необходимость определенного пути для единой силы, что утверждается через эгалитарные формы. Абсолютная монархия должна иметь возможности осуществлять эту власть на всех точках периферии; она нуждается в этой власти, как материальном рычаге всеобщего эквивалента; богатство становится все более эффективным и мощным в своих формах и все более независимым от всех специальных, местных, природных, индивидуальных отношений*».

К.Маркс, Экономические рукописи (1857-1861)

В чистом виде государство появилось с властью всеобщего эквивалента, в момент роста закона стоимости в период простого товарного производства. В фазе формального господства капитала, когда ещё нет доминирования закона стоимости, государство является посредником между капиталом и трудом. Кредитная система была еще слабо развита, и не было возможности использовать фиктивный капитал в больших масштабах. Капитал нуждался в жесткой привязке к золотому стандарту. При переходе к реальному господству, капитал создал собственный всеобщий эквивалент, который не мог иметь такой жесткой привязки к золоту, как это было в период простого обращения. Само государство потеряло свою устойчивость и стало бандой-посредником между различными группировками и между общим и частным капиталами.

Мы можем увидеть такие же преобразования в политической сфере. Центральный комитет партии или какой-либо центральный орган играет ту же роль, что и государство. Демократический централизм является лишь подражанием парламентской форме деятельности, характерной для формального господства. И органический централизм, утвердившийся лишь в отрицательной форме, как отказ от демократии и ее формы (подчинения меньшинства большинству, голосования, съездов и т.д.), на самом деле есть лишь повторение прошлых ошибок в более современной форме. Это приводит к мистификации организации (как это было с фашизмом). Таким образом ИКП (Интернациональная коммунистическая партия) превратилась в банду.

Пролетариат уничтожен, эта тенденция капитала не встречает реального сопротивления в обществе и поэтому может производить себя все более и более эффективно. Реальная сущность пролетариата была отвергнута, и он существует только в качестве объекта капитала. Таким же образом была уничтожена и теория пролетариата – марксизм; сперва Каутский начал её пересмотр, а затем Бернштейн ликвидировал её. Это поражение стало окончательным, и с тех пор все попытки пролетариата воскресить марксизм потерпели поражение. Это всего лишь еще один способ сказать, что капитал преуспел в установлении своего реального господства. Для этого капиталу пришлось поглотить движение, которое опровергает его, поглотить пролетариат, и создать единую систему, в которой пролетариат существует просто как объект капитала. Только кризис может уничтожить такую систему, такой кризис, который описывал в своих работах Маркс. В таком положении дел и следует искать причину исчезновения всех форм политической организации рабочего класса. Их место заняли банды, противостоящие друг другу в жестокой конкуренции, настоящие рэкетиры, соперничающие друг с другом из-за товара, но идентичных по своей сути.

Существование банд происходит из тенденции капитала к поглощению своих противоречий. Антикапиталистические движения поглощаются и воспроизводятся в фиктивной форме. Капитал отрицает, либо стремится отрицать основные принципы, на которых он выстраивается, но в действительности он оживляет их в фиктивных формах. Банда – ясное выражение этой двойственности:

- начальник, менеджер — карикатура традиционной особы (и его клики).
- коллективная форма — карикатура сообщества, основанного на общих интересах.

Таким образом, движение отрицания растворяется в бандах, которые реализуют его внешний облик. Банда также выполняет ещё одно требование капитала: она заменяет все естественные или человеческие предпосылки предпосылками, определяемыми капиталом.

В своих внешних связях политическая банда стремится скрывать существование клики, ведь для успешной вербовки ей нужно иметь привлекательный внешний вид. Она покрывает себя вуалью скромности, чтобы увеличить свою власть. Когда банда обращается к окружающей среде с помощью журналов, обзоров и листовок, она думает, что нужно говорить на уровне масс, чтобы быть понятой. Она говорит о непосредственном, потому что хочет стать посредником. Рассматривая всех за пределами банды как идиотов, она считает своим долгом публиковать банальности и всякую чушь, чтобы привлечь побольше этих идиотов. В конце концов, она сама соблазняется своей собственной чушью и поглощается окружающей средой. Однако, когда новая

банда займет место предыдущей, её первый теоретический вопль будет состоять из описания всех проступков и ошибок тех, кто предшествовал ей. Чтобы снова начать великий путь обольщения, новая банда должна найти новый язык, она должна создать собственный, неповторимый образ.

Оказавшись в банде (или на другом предприятии), человек психологически привязывается к нему. Если он обладает какими-то навыками, способностями, то банда тут же начинает эксплуатировать их, и человеку не нужно усваивать «теорию». В обмен на это ему дается место в правящей клике, его делают мелким лидером. Если же он не показывает выдающихся способностей, то вход в банду обменивается на распространение ее позиций. Даже в тех группах, которые хотят избежать социальной данности, механизм банды, тем не менее, преобладает из-за различной степени теоретического развития членов группы. Неспособность самостоятельно отстаивать теоретические взгляды ведет к тому, что индивиды стремятся укрыться за авторитетом другого члена, который объективно становится лидером, или за группой, которая становится бандой. В отношениях с людьми за пределами группы индивид использует свое членство как средство обособления и дифференциации. Всё это, в конечном счете, делается для того, чтобы оградить себя от признания своих собственных теоретических недостатков. Принадлежать, чтобы исключать, - вот суть внутренней динамики банды, основывающейся на противопоставлении внешнего и внутреннего. Даже неформальные группы деградируют до уровня политического рэкета — это классический случай, когда теория становится идеологией.

Желание принадлежать к банде происходит из желания идентифицироваться с группой, обладающей высоким престижем: теоретическим престижем для интеллектуалов и организационным престижем для так называемых практиков. Коммерческая логика также распространяется и на «теоретическую» сферу. С ростом массы идеологического товарного капитала необходимо создавать глубокую мотивацию, чтобы потребители покупали твой товар. Лучшая мотивация для этого – больше учиться, больше читать, чтобы быть выше, для того, чтобы выделяться из толпы. Престиж и исключительность – это признаки любого вида конкуренции; и политические банды здесь не исключение – они превозносят свою оригинальность, свой престиж, чтобы привлечь внимание. Именно поэтому существует культ организации, и прославляется своеобразие банды. С этого

момента больше нет вопроса защиты «теории», а есть лишь вопрос сохранения организационной традиции (см. ИКП с её идолопоклонством перед Итальянской левой).

Также теория часто используется в политических маневрах, например, для поддержания своего прорыва на руководящие должности или для обоснования смещения нынешнего руководителя.

Оппозиция внешнее-внутреннее и структура банды по максимуму развивают дух соревнования. Теоретическое образование становится, по сути, элементом политического естественного отбора, эвфемизмом разделения труда. В рамках группы одновременно происходит следующее: с одной стороны, теоретизирования о существующем обществе, с другой, под предлогом отрицания этого общества, происходит его гротескное копирование с ещё большей иерархизацией; и все еще больше усугубляется воспроизведением оппозиции внешнее-внутреннее в разделении между центром банды и массой активистов.

Форма политической банды достигает своего совершенства в тех группах, которые утверждают, что хотят заменить существующие социальные формы (такие как культ личности, лидера и демократии). На практике анонимность (понимаемая просто как анти-индивидуализм) означает неудержимую эксплуатацию членов банды в целях производства прибыли для руководящей клики, которая приобретает престиж от всего, что делает банда. Органический централизм становится практикой лицемерия, так как двурушничество организаций демократического централизма воспроизводится и в партиях, отрицающих его.

Кажущееся глубинное единство банды поддерживается угрозой исключения. Тех, кто не соблюдает нормы, выгонят под предлогом клеветнических обвинений, и, даже если они уходят добровольно, их все равно оклеветают. Эта угроза также служит в качестве психологического шантажа для тех, кто остается. Этот процесс прослеживается во всех типах банд.

- В коммерческих бандах, современных формах предприятия, человека выгоняют с работы, и он остается на улице.
- В молодежной банде, человека избивают или убивают. Здесь мы находим восстание в его грубой форме; одинокий человек слаб, ему не хватает защиты и поэтому он вынужден присоединиться к банде.
- В политической банде, исключение под предлогом клеветнических обвинений есть ничто иное, как сублимация убийства. Клевета оправдывает его изоляцию или используется, чтобы заставить его уйти «по собственному желанию».

Конечно, в действительности различные методы переходят из одного типа банды в другой. Коммерческие сделки сопровождаются убийствами, и трупы засчитываются в качестве платежей по счетам.

Таким образом, капитализм есть торжество организации, и формой такой организации является банда. Это торжество фашизма. В Соединенных Штатах рэкет процветает на всех уровнях общества. Тоже самое и в СССР. Теория иерархического бюрократического капитализма в формальном смысле слова, – это абсурд, так как банда есть неформальный организм.

Альтернативой на теоретическом уровне является превознесение дисциплины, требование непорочности активиста (см. пример группы «Rivoluzione Comunista», которая порвала с ИКП в 1964 году по вопросу создания истинной элиты активистов, которые ничего бы не делали, но лишь отстаивали позиции «ультрабольшевизма», в котором Лукач видел альтернативу массовым оппортунистическим партиям типа КПГ, переродившихся в течение двух лет (см. главу «К методологии проблемы организации» в книге «История и классовое сознание»)). Это все равно, что сказать, что на уровне половой жизни альтернативой размножению является пропаганда аскетизма. Абстрагируясь от реальности, такая точка зрения создает пропасть между теорией и практикой.

Все это отражает растущее отделение человека от человеческого сообщества, нищету в марксовом понимании. Создание банды – это учреждение иллюзорного сообщества. В случае молодежной банды, это результат фиксации на элементарном инстинкте восстания в его непосредственной форме. Политическая банда, наоборот, хочет выставить своё иллюзорное сообщество как модель для всего общества. Такое утопическое поведение не имеет никакого реального основания. Утописты надеялись, что всё человечество в конечном итоге будет включено в их общины, но в действительности их общины были поглощены капиталом. Таким образом вступительные слова Устава Первого Интернационала актуальны как никогда: «Освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих».

В настоящее время у пролетариата есть два пути: либо он становится прообразом коммунистического общества и реализует коммунистическую теорию, либо он остается частью существующего общества. Движение Красного мая послужило началом формирования прообраза коммунизма. Пролетариат не может ни в коей мере осознать себя в какой-либо организации, поскольку он уже претерпевает их в других формах. Движение Красного мая четко демонстрирует это.

Когда пролетариат терпит крах, его непосредственной формой существования становится сам процесс капитала. Рабочие партии во времена Маркса были основаны непосредственно движением пролетариата того времени. Они были обречены играть в буржуазный парламентаризм. Сегодня, когда наблюдается уничтожение политики в ходе капиталистического развития, любые «организации», заявляющие о своем пролетарском характере, на деле же являются бандами или кликами, которые при посредничестве государства играют ту же роль, что и все другие группы, находящиеся непосредственно на службе капитала. Мы находимся в фазе малых групп. Во времена Маркса преодоление сектантства могло быть найдено в единстве рабочего движения. Сегодня партии, эти крошечные группы, проявляют не только отсутствие единства, но и отсутствие классовой борьбы. Они делят между собой остатки пролетариата. Они теоретизируют о пролетариате, как он дан непосредственно, и противопоставляют себя его движению. В этом смысле они выполняют требование

стабилизации капитала. Поэтому пролетариату, вместо того, чтобы заменить их, необходимо их уничтожить.

Соответственно, критика капитала должна быть, критикой рэкета во всех его формах, критикой капитала как социального организма; капитал становится реальной жизнью человека и его бытием с другими людьми (см. на эту тему: Маркузе, «Одномерный человек» и Гэлбрейт, «Новое индустриальное государство»). Теория, критикующая рэкет, не может одновременно воспроизводить его. Отсюда вытекает отказ от всех форм групповой активности, иначе — иллюзия сообщества.

Можно сделать следующий вывод: во времена Маркса пролетариат не мог пойти так далеко в отрицании себя — в том смысле, что в ходе революции он должен был выступать в качестве господствующего класса: 1848, 1871, 1917. Тогда существовало четкое разделение между формальной и исторической партиями. Сегодня партия может быть только исторической. Любое формальное движение воспроизводит это общество, а пролетариат, по сути, существует за его пределами. Группа не может претендовать на построение нового общества, не занимая место пролетариата в этом процессе, ведь только он может это сделать. Такие попытки привносят искажения, что в свою очередь порождает теоретическую неопределенность и практическое лицемерие. Не достаточно развивать критику капитала и даже говорить о ненужности организационных связей; необходимо избежать воспроизведения структуры банды, так как она есть естественный, спонтанный продукт общества. Это положение должно лечь в основание критики Итальянской Левой и нашим способом существования после разрыва с ИКП.

Революционер не должен идентифицировать себя с группой, но должен осознавать себя в теории, независящей от группы и являющейся выражением существующей классовой борьбы. На самом деле, лучше понимать анонимность так, а не как отрицание индивидуальности (которое капиталистическое общество осуществляет и так). Если вы намерены порвать с воспроизведением отношения учитель-ученик – еще одной формой противоречия дух-тело, лидер-массы, абсолютно необходимы теоретические знания и стремление к теоретическому развитию. Более того, стремление к теоретическому развитию должно реализоваться автономно и индивидуально, а не с помощью группы, служащей в качестве мембраны между человеком и теорией.

Необходимо вернуться на позиции Маркса по отношению ко всем группам, чтобы понять, что должно быть сделано на практике для разрыва с бандой:

- отказаться от восстановления группы, даже неофициальной (см. переписку Маркса-Энгельса, различные работы по революции 1848 года и брошюры типа «Великих мужей эмиграции»).
- поддерживать сеть личных контактов с людьми, добившимися (или находящимися на пути к этому) высочайшего уровня теории: антивождизма и антипедагогики; партия в историческом понимании — это не школа.[*]

Деятельность Маркса всегда была направлена на выявления реального движения, которое ведёт к коммунизму и защищает завоевания пролетариата в его борьбе с капиталом. Отсюда вытекает и позиция Маркса в 1871 году по «невозможному выступлению» Парижской Коммуны и заявления о том, что Первый Интернационал не был детищем теории или секты. Сейчас необходимо сделать то же самое. Те, кто пожелает выйти с нами на контакт в связи с идеями, изложенными в данном обзоре, чтобы развить их и вывести более подробное, точное и четкое выражение, должны изменить свои отношения в соответствии с принципами, изложенными выше. Те, кому это не удастся, будут склонны к повторению практики банды.

Из этого следует необходимость развития критики концепции «программы» Итальянской коммунистической левой. О том, что понятие «коммунистической программы» никогда не было достаточно точно сформулировано, свидетельствует тот факт, что в определенный момент дискуссия Мартова и Ленина вновь заняла центральное место среди левых. Возникновение полемики стало результатом уничтожения марксовой концепции революционной теории, что является отражением полного разделения между концепциями теории и практики. Для пролетариата, как понимает его Маркс, классовая борьба является одновременно производством и радикализацией сознания. Критика капитала отражает сознание, созданное в классовой борьбе и предвкушающее её будущее. Для Маркса и Энгельса пролетарское движение **=** теория **=** коммунизм.

«***Г-н Гейнцен воображает, что коммунизм есть некая доктрина, которая исходит из определенного теоретического принципа, как из своего ядра, и делает отсюда дальнейшие выводы. Г-н Гейнцен жестоко ошибается. Коммунизм не доктрина, а движение. Он исходит не из принципов, а из фактов. Коммунисты имеют своей предпосылкой не ту или другую философию, а весь ход предшествующей истории и, в особенности, его современные фактические результаты в цивилизованных странах... Коммунизм, поскольку он является теорией, есть теоретическое выражение позиции пролетариата в этой борьбе и теоретическое обобщение условий освобождения пролетариата***».

Ф.Энгельс, «Коммунисты и Карл Гейнцен»

На самом деле, проблемы привнесения сознания извне для Маркса не существовало. В то время не стояло вопросов о развитии активистов или академизма. Кроме того, для Маркса не существовало проблематики самообразования масс, в том смысле как её понимали коммунисты советов (ложные последователи Р. Люксембург и истинные сторонники педагогического реформизма). К позиции Маркса наиболее близка теория классового движения Р. Люксембург, согласно которой борьба находит условия для радикализации в самой себе.

Всё это показывает необходимость преодоления буржуазной формы восприятия и постижения социальной реальности, взяв, опять же как Маркс, гегелевское доказательство посреднического характера любой формы непосредственности; «научной» мысли характерно как раз принятие непосредственного факта как реального объекта познания без восприятия и постижения посредничества, лежащего в его основе. На основе такой гносеологии в капиталистическом обществе социальные явление становится реальностью и наоборот. Реальное бытие пролетариата скрывается, а класс воспринимается в его видимой форме жизни. Поэтому существует проблема сознания, привносимого извне, и, когда пролетариат проявил свое истинное бытие (1905-1917), все были ошеломлены и остолбенели. Итальянская коммунистическая левая, несмотря на ее проницательность в области теории пролетариата, не смогла в 1950 году окончательно разорвать со своим прошлым (1919-1926). Их критика троцкизма, коммунизма советов и т.д. не достигла интегрального восстановления марксовых понятий партии и пролетариата. Из-за этого, их

официальная позиция и реальная сущность колебались между концепцией программы как «марксистской школы» и троцкистской разновидностью ограниченного активизма. Второй аспект стал доминирующим после 1960 года в связи с тем, что «школой» овладела клика гангстеров совершенно чуждых теории и пролетариату. Это стало возможным благодаря, прежде всего, их неизменной неопределенности позиций по проблемам, имеющим жизненно важное значение: вопросу профсоюзов и понятию «авангард пролетариата», от которого в официальных обсуждениях отказывались, но который сохранялся в официальном уставе. Уже после этого произошло воскрешение дискуссии Мартова-Ленина по вопросу об организации, продемонстрировавшее, что это течение однозначно мертво, и в мае 68-го состоялись его официальные похороны.

С тех пор как мы покинули ИКП, мы стремились устранить неопределенность, вызванную нашими попытками выделить позитивные черты у левых. В результате у нас получилось лишь подстегнуть левых к совершенствованию, а сами мы превратились в их самое крайнее крыло (см. статьи в «Инварианте»). И это привело нас обратно к групповой деятельности. Хотя мы и рассматривали нашу группу как «неформальную», тенденция к замещению собой пролетариата все равно возобладала. Нет смысла говорить о приспособленчестве левой, так как их теория с самого начала не была интегральной теорией пролетариата. Таким образом, уже недостаточно сказать, что создание партии в 1943 году было преждевременным шагом; необходимо сказать, что это было шагом абсурдным. Соответственно, необходимо порвать с нашим прошлым и вернуться на позиции Маркса.

Это письмо было написано не как окончательное и исчерпывающие рассмотрение обсуждаемой темы; оно предназначено для разрыва со всем прошлым группы. Подписи, оставленные ниже, нужны для акцентирования этого разрыва и не означают нашего отказа от прошлых позиций на предмет анонимности.

Жак Каматт, Джианни Коллу, 1969

Комментарий автора:

[*] Речь идёт о неуверенной позиции, занятой Марксом в определенный момент своей революционной деятельности в результате глубокого непонимания завершения фазы формального господства капитала. Маркс занимал позицию адекватную только для этого периода. Кроме того, его теоретические позиции по вопросу о партии не такие прочные, как указано в письме. Еще менее приемлемым в выше изложенных утверждениях является то, что они могут привести к созданию новой теории привнесения сознания извне посредством элитарной теории развития революционного движения.

Отказ от любой организации это не просто антиорганизационная позиция. Если оставить все как есть, то вновь будет проявляться стремление к оригинальности, будут продолжаться попытки выделить себя среди других и тем самым занять привлекательные позиции. И формирование банды начнется снова.

К решению о роспуске группы мы пришли в результате изучения становления капиталистического способа производства с одной стороны, и нашей характеристики движения Красного мая, с другой. Мы глубоко убеждены, что революционное движение сейчас на подъеме и что сознание как всегда отстает от действия. Это означает, что революционеры, участвуя в широком движении против капитала, примут определенную модель поведения (разумеется, не сразу), совместимую с решительной борьбой против капитала.

Мы можем предвидеть содержание таких «организаций». Они будут сочетать в себе стремления к человеческому сообществу и к утверждению личности, что является отличительной особенностью текущей революционной фазы. Революция будет направлена на примирение человека с природой, коммунистическая революция будет также восстанием природы (т.е. восстанием против капитала; причем только через новые отношения с природой), потому что только так мы сможем выжить и не допустить второй из двух альтернатив, с которыми мы сталкиваемся сегодня: коммунизм или уничтожение человеческого рода.

Для того, чтобы лучше понять становление организации, чтобы не препятствовать процессу становления, необходимо оставить все старые формы и без априорных принципов войти в огромное движение нашего освобождения, которое развивается в мировом масштабе. Необходимо устранить всё, что может быть препятствием для революционного движения. В данных обстоятельствах и в ходе конкретных действий революционное течение будет структурировано, и структурирование будет проходить не пассивно и спонтанно, а всегда будет направленно в сторону реализации истинного Gemeinwesen и общественного человека, что предполагает примирение людей с природой.

Жак Каматт. 1972

Источник: libcom.org

ПЕРЕВОД СРС

РОЛЬ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Anarchist Federation (UK)

Анархо-коммунистический подход к революционной организации значительно отличается от подхода этатистских партий и групп. Но и в анархических идеях о неформальных группах тоже есть прорехи. Прежде чем осознать необходимость участия революционного индивидуума в революционной организации, нужно сначала описать саму революционную организацию, её структуру, отношения с рабочим классом и теоретическую базу этих отношений, а так же её понимание спонтанного классового действия.

В течении первых пятидесяти лет двадцатого века капитализм значительно изменился. Традиционно капитализм функционировал согласно железным законам спроса и предложения, а теперь свойства произведённого имеют всё меньше значения, а на первом плане оказалось увеличение предельной прибыли. Экономическая необходимость и технологическая неизбежность привели к расторжению связи между капиталовложением и созданием рабочих мест. Наоборот, капиталовложения теперь приводят скорее к потере рабочих мест.

Закончился век национальных государств и их враждующих альянсов, определяющих политику с 1875 по 1995 гг.. и теперь власть капитала способна управлять всей мировой экономикой, свободно перемещая активы и производство в соответствии со своими интересами. Этатистские партии и группы всегда были поборниками национализации, но поскольку капиталовложения более не создают рабочие места, то аргумент в пользу захвата «командных высот» рушится, и остаётся только их уничтожить и найти новые способы организации труда.

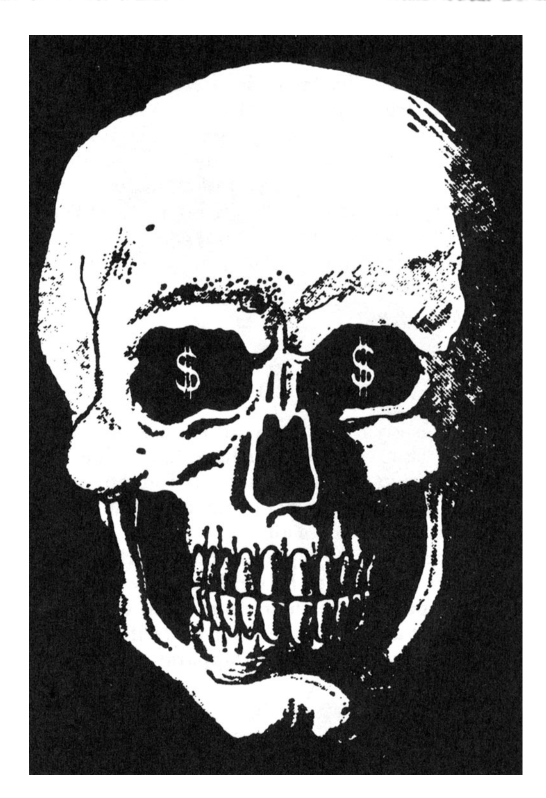
Полная занятость посредством роста — невозможная цель, поскольку рост при капитализме достигается конкуренцией, конкуренция путём производительности, а производительность посредством сокращения труда. Безработицу не устранить расширением рядов неработающих, поскольку капитализм полагается на снижение заработной платы и неизбежное неравенство. Капитализм создавал материальные ценности, но отчасти брал их из прошлого (изобретения, знания и навыки, взятые из докапиталистического общества), а отчасти из будущего (невозмещаемые ресурсы, генофонд, природная деградация).

Работа и занятость — понятия не нейтральные. Работа воспроизводит свои общественные отношения. Наша личная деятельность производительна, только если обладает товарными свойствами. Если её нельзя отоварить, то и она лишается всякой «стоимости», и мы сами. Иногда говорят, что работу можно стерпеть, если она доставляет удовольствие. Однако это не так; фабриканты давно поняли, что машиной управлять легче, чем человеком, и производственная технология постоянно развивалась в направлении притупления мастерских навыков и усмирения трудящихся. То же самое повторяется в процессе потребления, где нам навязывают покупку типовых товаров с простой целью обеспечить равновесие производства и потребления. Свободное пространство в труде сужается, наравне с сужающимся полем занятости. Подрыв социального государства и выпады в сторону получателей пособий и неработающих домохозяек отражают принудиловку на работе, и причина этому кроется в необходимости работы ради сбыта и потребления (вне зависимости от того, сколько именно каждый может себе позволить потребить). Работа представляется главным способом социализации личности, которой никто не должен избежать, а пространства лишённые работы представляются опасными пустынями, населёнными наркоманами, преступниками и девиантами. В будущем нас ждёт лишение человеческих свойств и отчуждение; там технологии и функции общества используются для того, о чём мечтали основатели современного общества — для воспитания слабых, покорных людей.

Помимо деградации, рационализация и ужесточение труда приводят к учащению болезней, душевных заболеваний и неврозов. Всё это будет усугубляться по мере развития технологий и увеличения производительности труда. Фетишизация работы и потребления крайне отрицательно действует на ум и тело человека, особенно в случае его неспособности продолжить цикл потребления из-за отсутствия работы. Неизбежная работа, неизбежное потребление — мы заперты в социальном водовороте, в котором неравенство и несправедливость сохраняются благодаря тому, что иерархия труда порождает иерархию, разрушительно действующую на общество.

От рабочего места до революции

Исторический аргумент о заводах, создающих внутри себя революционный пролетариат, и являющихся средством мобилизации, оказался несостоятельным и привёл человечество к беде. Как же рабочие сами по себе, в жёстко контролируемых цехах, выбирающих лишь между отчуждённым трудом и принудительным отдыхом, могут быть способны на либертарную

революцию? Без свободы индустриальное развитие приводит лишь к управленческому технологическому надзору над трудом, к попыткам управлять неуправляемым, ведя от порабощения к катастрофе.

Но ещё не всё потеряно. Урбанизация создаёт огромную, смещённую, голодную массу обездоленных рабочих по всей планете. При капитализме жизнь становится остервенелой борьбой за выживание, в которой «менее успешные» отметаются на задворки общества, где они либо игнорируются (при наличии у них работы), либо презираются (при отсутствии работы) и наказываются за свою инаковость или попытки отпора. «Прогресс» продолжает пополнять задворки общества постоянно выходящими из употребления людьми и создаёт устойчивую прослойку отчуждённых и обречённых, у которых всё меньше возможностей выбраться из своего положения. Государство периодически поднимает на знамя призрачную угрозу вторжения маргиналов, демонизированных в СМИ. Бедные районы там всегда представляются как «угроза», а на деле они повсеместно делаются жертвами отвратительной тактики «разделяй и властвуй» и полицейских экспериментов. Сначала в мишень попадают явно отличающиеся от других люди, вроде беженцев и иммигрантов. Затем и все те, кто отрицает «современную» мораль. Заметные, «другие», чем-либо отличающиеся: все могут стать мишенью для ненависти и насилия, разжигаемых господами с целью иметь в своём распоряжении деклассированную массу, изолированную от остального общества, запуганного и при этом полезного козла отпущения.

Но угнетение принимает изощрённые формы. Правящий класс подстраивает систему пособий так, чтобы человек мог «вернуться» в общество, проходя через выучку буржуазных норм и морали, а сам правящий класс тем временем усиливает свою полицию и строит тюрьмы. Меры, предпринимаемые для возвращения получателей пособий к трудовой деятельности обременены целым набором этических и моральных ценностей, обслуживающих исключительно страхи среднего класса перед обедневшими слоями рабочих и недоверие правящего класса ко всему, не полностью подчинившемуся его контролю. Иногда низший класс действительно оказывается оттеснённым, пассивным, недееспособным и придавленным жизненными обстоятельствами и культурной инерцией, отвергающим буржуазные ценности и трудовую этику, но, хоть и нехотя, подчиняющимся власти и, в силу своей темноты и наивности, уязвимым к различным политическим истерикам, поднятым хитрыми политиками и властителями умов. Но иногда его ярость и жажда справедливости вырывается наружу, ломая всякие преграды; именно тогда начинается сопротивление и революция. **Значит, «бороться против процесса маргинализации» бесполезно; напротив, его надо ускорять.** Не все «революционные» группы это осознают. Кризис рыночного капитализма на западе и обвал государственного капитализма в Восточной Европе, в Китае и на Кубе на всех уровнях (экономическом, социальном, культурном и сексуальном) воплощается и в кризис революционных организаций так называемой «революционной левой». Эти организации воспроизводят ценности правящего класса через свой авторитаризм, высокую степень централизации, поклонение иерархии и подчинение рядовых членов «всемогущим» и «всеведущим» вождям. По мере углубления кризиса революционные организации вроде бы должны расти и набирать силы, а вместо этого кризис самих левых тоже углубляется, порождая расколы, оппортунизм и коллаборационизм с социал-демократическими агентами капитала, такими, например, как блэровские «новые лейбористы». Социалистическая партия Британии, которая некогда была боевой организацией, теперь старается продемонстрировать свою респектабельность, сдавая анархистов полиции, а некогда влиятельная Рабочая революционная партия раскололась на дюжину фракций. В левой среде всюду процветает коррупция, тайные сделки с диктаторскими режимами и предательские политики и политика предательства. Необходимо создать мощное либертарное движение во всех сферах общества, чтобы трудящиеся могли защищаться от натиска капитализма и создать свободное самоорганизованное общество. Чтобы помочь выстроить такое массовое движение, необходима либертарная революционная организация, организация, борющаяся за координацию всех антикапиталистических сил. Такая организация должна обеспечивать пространство для постоянной политической дискуссии и должна контролироваться всеми своими членами.

Стихийная классовая борьба

«Освобождение рабочих должно быть делом рук самих рабочих» — постановление Первого интернационала

«Рабочий класс способен собственными усилиями достигнуть лишь уровня тред-юнионистского сознания — Ленин, «Что делать?»

Между этими двумя утверждениями — целая бездна теории и практики. Вожди из управленческой прослойки, а так же интеллигенты, часто заявляют, что рабочим нужны вожди и централизованные партии. Это применимо как к фашистам, так и к революционерам вроде Ленина, и к социал-демократам вроде блэровских. Они все стремятся впрячь рабочих в тоталитарное государство в качестве безмолвной массы или морального большинства, выдающего мандаты и обеспечивающего поддержку, но не легитимность (ибо власти она не нужна). Идея рабочего государства канула в небытие, но его заменила его капиталистическая копия, общество потребителей. Они действуют так, потому что им хочется или приходится верить в неспособность рабочего класса самостоятельно совершить революционные изменения и в отсутствие (как они это называют) «стихийности» рабочего класса. Само понятие стихийности рабочего класса оставалось долгое время искажённым и ложно понимаемым.

Нельзя игнорировать исторические факты или, рассматривая их, выносить ложный вердикт (что делают, по собственным причинам, некоторые анархисты) о том, что рабочий класс поднимается на революционное действие без всякой исторической памяти или связи с борьбой в прошлом, без преемственности с агитацией революционных меньшинств прошедших эпох. Напротив, разъяснительная и координирующая работа революционеров, проделанная в течение долгих лет, очень многое значит для революционного процесса. Стихийность рабочего класса – проявление способности этого класса к прямому действию по собственной инициативе и к образованию новых форм борьбы и организации. Такое происходит при каждой большой революционной волне, когда трудящиеся создают комитеты и советы, не подчиняющиеся «авангарду». В Британии, «летучий пикет» и массовое пикетирование появились в процессе последних лет борьбы. «Коммандос карьеров» появились в течение великой забастовки шахтёров 1984-85 гг. Перекрытия трасс и захваты улиц — всё это формы борьбы, появившиеся независимо от воли какой бы то ни было «революционной партии». Рабочий класс всегда предпринимал действие независимо, а зачастую и вопреки воле революционной элиты.

Зачем нам организация?

«Анархизм это организация, организация и ещё раз организация» — Эррико Малатеста

Что такое «организация»? Вопрос довольно широкий, и здесь лучше ограничиться одним типом организации, отвечающим интересам анархистов. Это – «революционная организация». У каждого типа организации есть своя цель, позволяющая её членам добиться того, чего они не могут достичь поодиночке, направляющая энергию и ресурсы в созидательное русло. Однако организации — не чисто рациональные построения. У них есть своя культура, которая часто скрывается за формальными структурами. Если снять покровы с идеологической организации в форме государства, корпораций и партий, то обнаружится иерархия, власть, страх и жадность, которые образуют реальную организацию капиталистического общества.

Именно поэтому некоторые анархисты отвергают не только то «упорядочивание» сознания, которое осуществляется капиталистическим обществом, но и любую форму организации вообще. Федерация анархистов признаёт проблемы организации, но считает её необходимой и для построения, и для функционирования либертарного общества. Важно лишь при этом создать организации, которые будут отражать идеи анархо-коммунизма в своей практической деятельности.

Для того, чтобы создавать действенные организации, нам нужно понимать собственный образ мыслей и друг друга. Значит, мы должны находиться в состоянии интенсивной коммуникации, доверительного общения. Мы должны побуждать к творческому подъёму, ставить достижимые цели, отмечать успехи, переосмыслять снова и снова исходные причины, ради которых мы создавали и действуем в организации. А поскольку организация это дело общее, построенное на взаимности, то всё это не может держаться лишь в одной голове или просто в мыслях, всё это должно воплощаться в действие и ощутимо выражаться в словах и в деле. В то же время мы должны оставаться индивидуальными личностями, способными дать всему независимую и объективную оценку, а не становиться винтиками в огромном механизме. Так какова же цель «революционной организации»? Можно ли её описать? Поскольку необходимость в революции уже есть, революционная организация должна увеличить эту необходимость. Она должна увеличить измеряемый вес и силу всех совокупных факторов, приближающих революцию. Структура организации должна улучшить её способность самовоспроизводства до тех пор, пока её цели не достигнуты. Структура должна повысить прочность организации при отпоре враждебных сил, она должна сплотить членов организации и усилить их волю, и сделать это так, чтобы свести любой возможный урон организации от внешних ударов, перебежек и внутренних конфликтов к минимуму. Она должна быть гибкой, способной принять или отклонить всякую перемену или испытание, способной измениться или распуститься в соответствии с обстоятельствами, и обладающей достаточным чутьём для своевременного осознания такой необходимости. Высокий уровень позитивного общения, взаимного уважения и поддержки, общего целеустремления и солидарности — всё это описывает революционную организацию.

Создание революционной структуры

В свободном обществе, анархисты будут самоустраиваться, а само общество будет саморегулироваться. Создаваемые нами организации будут базироваться на нуждах движения, предварительно обрабатываясь нашими знаниями и нашим восприятием. Организации или свободные союзы, коллективы, коммуны и «семьи» будут текучими и гибкими, но способными сохраняться при всех изменениях. Они будут отвечать индивидуальным нуждам и нуждам социальным. Их структура и культура будут отвечать нуждам, убеждениям и устремлениям их членов. В отличии от современных организаций, им не обязательно культивировать сверхорганизованность, монолитность или же разъединение, конкуренцию, раздробленность, субординацию или конфликт. Создание организаций с революционной структурой и есть само революционное действие. Чем больше мы этим успешно занимаемся, тем больше у нас будет революционного опыта, и тем ближе мы окажемся к победе революции. Но чтобы добиться успеха, нам нужно гораздо больше узнать о природе организаций, о том, что из себя представляет эффективная коммуникация, и как нужно реагировать на требования перемен. Сама Федерация анархистов является одной такой попыткой воплощения идей на практике. Мы не претендуем на то, что у нас есть ответы на все вопросы, но мы убеждены в том, что анархо-коммунизм может пойти вперёд только в качестве основного течения в революционном движении. Работа в нашей организации помогла нам всем увеличить свой вес в классовой борьбе и помогла нам усвоить многие идеи, которые нам бы было гораздо сложнее усвоить поодиночке и в небольших группах. И хотя перед нами ещё долгий путь, постоянно улучшаемая координация однозначно является верным направлением. Мощная революционная организация не возникнет на почве одного только всеобщего согласия. Только в процессе общей деятельности можно добиться единства теории и действия, необходимых для достижения общественной свободы и равенства.

Вопросы сознательности

«Можно с точностью сказать, что ошибки, допущенные настоящими революционными рабочими движениями, оказались во много раз плодотворнее даже самых лучших центральных комитетов.» - Роза Люксембург, «Организационный вопросы русской социал-демократии».

Жизненный опыт трудящихся всё время приводит их к мысли и к действиям, направленным против господствующего порядка. Отсюда появляется «пролетарская сознательность», хотя различные прослойки рабочего класса достигают различных

уровней сознательности. В то же время правящий класс стремится разделить рабочий класс, подрывая основанную на культуре и общем опыте солидарность с помощью контроля над СМИ и образованием, с помощью упрочения расизма и сексизма. Рабочий класс никогда не становится полностью атомизированным, но так же до настоящего момента он не становится полностью сплочённым и единым, сознающим самого себя и свою силу. Анархическая организация всегда должна быть частью рабочего класса. Это создаёт некоторое напряжение. С одной стороны, её сознание более развито («продвинуто вперёд»), но с другой стороны её способность развивать и распространять своё влияние в рабочей среде зависит от того, чтобы не слишком забегать вперёд. Иначе она попадёт в ловушку, и будет отрицать и игнорировать новые формы борьбы и организации, которые, как уже сказано, могут быть полезными другим рабочим, и которые рабочие должны повсеместно усвоить. В этом противоречии кроется некоторая опасность для революционной анархистской организации, и она должна выработать способы действия, учитывающие это противоречие. Мы всегда должны быть готовы учиться у класса, и постоянно пересматривать свою тактику в соответствии с разворачивающейся ситуацией. Революционная организация всегда преобразуется по мере преобразования рабочего класса в процессе революции. Теория и практика должны отвечать конкретным условиям.

Анархистская революционная организация понимает это. Также она осознаёт, что единственная возможная пролетарская революция — это когда народ массовым действием разбивает аппарат правящего класса (полицию, суды, бюрократию итд.) и уничтожает сам этот класс. Любая другая революция приводит к образованию нового правящего класса. Чтобы добиться такой пролетарской революции, от анархической организации требуется выполнение нескольких задач.

Задачи организации

Признавая, что революция может быть совершена только в результате самоорганизованной деятельности рабочего класса, анархистская революционная организация и сама имеет перед собой ряд задач. Она должна действовать в качестве пропагандистской группы и неустанно доносить ту идею, что рабочий класс должен уничтожить капитализм и установить либертарное коммунистическое общество. Она так же должна демонстрировать, как это может быть сделано, подавая примеры самоорганизованной деятельности. В целях поднятия уровня классового сознания, она должна изучать историю классовой борьбы прошлого и распространять извлечённые из неё уроки среди остальных трудящихся. Когда происходят важные события, революционная организация должна распространять о них новости через свои связи с организациями в других странах. Но организация — не только пропагандистская группа. Прежде всего она должна активно работать во всех низовых пролетарских организациях, вроде групп рядовых профсоюзников, ассоциаций жильцов, групп сквоттеров и безработных, а также меньшинств. Она должна выстроить связь между трудящимися в профессиональных союзах и трудящимися вне них, воздвигая движение с фундамента.

Открыто действовать мы можем только в сферах, находящихся за пределами прямой досягаемости влияния капитала: в своих районах, на кампаниях сопротивления и демонстрациях, на освобождённых территориях (напр. сквотах) и через гражданские либертарные инициативы. Именно здесь мы можем восстановить связи с безработными, с нищими, с «асоциальными элементами». Когда труд становится

независим от найма, а свобода заключается в деятельности, а не в заработке, тогда должны исчезнуть преграды между революционерами и пролетариями, закладывающими основы самоорганизованного общества. Необходимость взять жизнь в свои руки, прилагать свои навыки к добрым делам, выбирать способы взаимодействия и сотрудничества, достичь равновесия между принятием и отдачей, доверять свою жизнь другим — всё это это является по-человечески насущным для нас и осуществимо только в работе на личном и местном уровне, но никогда – в самом обезличенном обществе. В свободном обществе неизбежно распространится менее масштабное производство. Революцию может возглавить и пробудившийся пролетариат, вырвавшийся из трудовых тюрем, но точно так же её может начать и радикализированное население в целом, призывая рабочих присоединиться. По-настоящему революционный потенциал можно измерить по степени стыковки рабочей борьбы на производстве с борьбой за его пределами. Революция воссоединит рабочих и не рабочих как людей, а не как классы, её совершат и поведут не профсоюзы, а группы единомышленников, разделяющие общие представления о труде, окружающей среде и общественных отношениях. Эти группы будут скорее свободными союзами, построенными на взаимоуважении, чем союзами, созданными по экономической необходимости. Свободное общество будет обществом, где нет социального принуждения личности к работе. Но в то же время в нём нужная работа будет делаться, потому что должна делаться. Разграничение между тем, что мы называем работой, и игрой будет исчезать, пока вся наша деятельность не будет направлена на самостоятельно избранные задачи. Сознательная жизнь каждого будет наполнена самовыражением через деятельность и отдых, в обществе, в которое каждый вносит в качестве вклада своё бытие и дела, понимая, что каждый другой делает так же.

Организация должна стремиться к работе в узких политических кружках, радикализируя их и склоняя к отречению от реформизма и от авторитарных революционеров. Она в тоже время должна помнить об уважении к независимости и автономии пролетарских движений, и (в отличие от других) не пытаться подчинить их революционной организации. Но это не означает отказа от пропаганды своих идей в этих движениях. Организация должна стимулировать массовую активность во всех этих кружках и в недрах класса как целого, работая над развитием самостоятельной деятельности и самоорганизации в каждом случае классовой борьбы и в каждом аспекте жизни. Однако эти организации должны оставаться пролетарскими, а не межклассовыми, ибо последние скрывают классовые противоречия и подразумевают общность интересов между рабочим классом и правящим классом. Полная эмансипация не настанет без полного уничтожения капитализма. Рабочий

класс сможет достичь освобождения только выстраивая подобные организации в процессе классовой борьбы. Чтобы увеличить вероятность революции, рабочие массы должны объединиться в мысли и действии. Образование в обществе самоуправляющихся и автономных групп увеличит вероятность революции, показывая нам, какова могла бы быть жизнь без государственного контроля и вне железного закона прибыли и конкуренции. Агенты и апологеты правящего класса будут нам противиться. Будут и стычки соседских групп с местными советами, и профсоюзников с рабочими, и творцов с культурными элитами, контролирующими финансирование и т.п.. Неофициальная, несанкционированная и независимо организованная деятельность скорее способствует развитию уверенности в себе и различных навыков, чем бюрократизированные или устроенные реформистами мероприятия. Кампаниям, в которых выдвигаются прямые требования, подогреваемым народным гневом, легче избежать полумер и хилых компромиссов. Движения, обеспечивающие высокий уровень солидарности и вызывающие отклик среди многих слоёв, будут иметь больший вес, чем отдельные вспышки борьбы.

Сама революционная организация должна базироваться на массовом участии и принятии решений. Она должна организовываться федеративно, поскольку только федерализм может помешать бюрократическому вырождению, и стимулирует всеобщее участие. Анархическая организация должна осознавать, что социальная революция не может победить без борьбы на производстве и без захвата средств производства. Но это не отодвигает борьбу и в других сферах общественной жизни (с безработицей, против сексуального неравенства и расизма, в деле защиты окружающей среды и культуры) на второй план. Всё направления борьбы с капитализмом взаимосвязаны; отрицание одной стороны системы может привести к полному отвержению всей системы. Бойцы революционной организации, участвующие в узких группах, должны стремиться точно указывать, в каких моментах классовая система вызывает и/или закрепляет проблемы, с которыми сталкиваются различные социальные группы.

Жизненно необходимо построить «либертарный фронт» из всех этих движений и групп. Таким образом революционная работа отчасти состоит из связывания воедино всех направлений борьбы, выведении из латентного состояния всех антикапиталистических и либертарных тенденций. Революционные бойцы-анархисты должны стараться объединить всех, чья борьба носит всемирно-значимый характер, и постоянно вовлекать радикализировавшиеся элементы, выстраивая массовое движение. Революционная организация — средство коммуникации и оружие рабочего класса, а не способ подчинения анархистам массовых движений. В противоположность авторитарным и лефтистским идеям о своей руководящей роли, анархическая организация должна советом и примером бороться за руководящую роль своих идей в рабочей среде. В период реакции народ обычно принимает консервативные идеи и ценности. В этот период организация должна поддерживать затухающий огонь революционных идей. Многие левые организации, сосредоточившись только на контроле, часто бывают застигнуты врасплох быстротой развития революционного процесса, отвагой и полётом воображения революционных масс. Анархическая организация должна помнить об этой опасности и не оказаться тормозом революции или сопротивления. По мере продвижения революции, реакционные силы всегда настаивают на этатистских мерах и на полумерах, а революционная организация должна от этого защищать передовые стремления масс. Благодаря ясному пониманию иерархического общества, авторитаризма и концепции самоуправляющегося общества революционная организация обладает превосходством над «революционными» партиями, построенными на авторитарных принципах власти и элитаризма. Борьба будет низовая: война идей и тактических принципов против власти и бюрократии с применением революционно-анархической теории и практики.

Построение революционной организации

Конечной целью анархистов, и Anarchist Federation не будет исключением, является достижение анархизма или, в нашем случае, анархического коммунизма. Но как этого добиться, имея в распоряжении лишь горстку анархистов и бессилие их организаций? Очевидно, что приоритетным направлением должно стать создание массовых движений и организаций, повышение осведомленности и степени приобщения масс к идеям и методам анархизма. Но есть шанс, что ориентация на вербовку членов может привести к пассивному, формальному, т. е. «бумажному» членству и деградации. Необходимо же, в первую очередь, движение, основанное на самоорганизации (оно на практике может быть множеством движений), активное, сознательное и добровольное. Если равенство для нас не просто красивое слово, то просвещение и коммуникация не должны быть прерогативой лидеров, но результатом активности группы внутри рабочего класса, который можно не только чему-нибудь “научить”, но и у которого многому можно “научиться”. Мы должны явственно проявлять активность как анархисты, везде, где только возможно, от повседневной борьбы до широких, “политических” кампаний. Анархо-коммунисты верят в борьбу до победного конца, с использованием самых актуальных и наиболее эффективных методов. Если это борьба на рабочем месте, мы выдвигаем на первый план войну с боссами, если это, к примеру, социальное движение, то мы боремся за максимально возможный результат, не идя при этом ни на какие компромиссы. Всё то, что мы советуем и предлагаем, должно быть искренним и исходить из наших убеждений, иметь целостный характер. Нас, анархистов, уважают за нашу принципиальность даже те, кто с нами не согласен; разоблачая ложь и манипуляции левых, мы склоняем на свою сторону людей. Даже если люди не вступают в революционную организацию, но принимают и применяют на практике некоторые наши идеи, это будет способствовать созданию культуры сопротивления.

С чего начать?

Но откуда возьмутся эти люди? С чего начать? Во-первых, с друзей и знакомых, симпатизирующих нашим идеям. Вначале дискуссии, затем постепенно – к совместным действиям. Во-вторых, рабочее место, общественные движения, политические мероприятия, где соприкасаются люди, недовольные существующими порядками и левая политика. Начав с этого, небольшая группа сможет развивать некие звенья, которые затем начнут расширяться в сеть, привлекая тех, выявлять тех, кто готов работать и сражаться за общие цели. Задача группы – привлечение как можно большего числа людей, налаживание устойчивых контактов с отдельными людьми и группами. Также имеет смысл наладить контакты с теми людьми из других стран, чьи цели и тактика сходны с нашими. Хорошо функционирующая группа рождает энтузиазм. В ней личная радость от успешной деятельности дополняется необходимостью в осмыслении и тщательном планировании. Демонстрации и выступления масс могут быть очень воодушевляющими, напоминая, что сопротивление не угасает ни на секунду и всегда даёт возможность донести наши идеи до широкого круга людей. Также это хорошая возможность продемонстрировать силу и практичность наших идей, в то же время развивая их на опытной основе. Наша пропаганда должна черпать силы в правдивости и открытости, предлагать практические пути

решения социальных вопросов и конфликтов, будучи при этом прочно обоснованной теоретически и идеологически. Нужно уметь отвечать требованиям момента: при необходимости – «зажечь» людей, воодушевить, поднять их на борьбу. В тоже же время мы должны быть готовы к серьезной дискуссионной теоретической работе. Аналогично, когда есть необходимость донести до людей наши идеи в письменной форме, нам бывает необходимо простое и понятное всем издание, способное охватить широкую аудиторию, а бывают нужны и более детальные и сфокусированные брошюры, дающее более подробную информацию.

Культура сопротивления

Учитывайте сегодняшнюю обстановку. Общественные движения несут на себе отпечаток этого неестественного общества, основанного на ненавистной работе, иерархическом положении, семье, отчуждении, потребительстве и на таких разрушительных идеях, как патриотизм, сексизм, ксенофобия, корыстный индивидуализм. Истинный смысл общественного движения и его культуры осуществляет себя лишь тогда, когда мы сопротивляемся, когда наш класс действует в своих интересах. Чем больше мы сопротивляемся, тем сильнее становится наше движение и его культура, тем выше вероятность восстания и социальной революции. И это притягательно. Многие левацкие партии путают активность с прогрессом. Они безнадёжно погрязают в политике решения отдельных проблем, тем самым паразитируя на эксплуатации и борьбе с ней. Анархисты должны соединять различные виды борьбы, а не быть поглощенными чем-то одним. Важнейшая задача - наладить связи: между причиной и следствием, борьбой и протестными кампаниями, идеями и теорией, между людьми. Если поблизости есть группа анархистов или либертарных коммунистов, вы должны быть вовлечены в их работу, индивидуально или коллективно. Не принуждайте людей принимать свои идеи, поскольку или вы внесёте раскол в группу, или вас исключат, или вы обескуражите и нагоните скуку на людей, которые будут отчуждены от идеи и практики революции. Не будьте слишком напористы, не продвигайте негибкие формулы. Взгляды людей меняются во время борьбы, а не через прослушивание речей или ознакомление со сражающей наповал теорией.

На рабочем месте

Всем известно, что основа работы — эксплуатация – и начальники беспощадны к тем, кто ставит ей палки в колёса. Однако оспаривать необходимость пропаганды анархических идей и организованности на рабочем месте смысла нет, это очевидно. Здесь больше чем где-либо еще недовольство и возмущение способны произвести эффект на класс начальников. Будьте осторожны. Необходимо хорошо знать место работы и ещё лучше – людей, которые с вами работают. Дружба на работе намного более надежный источник поддержки, чем какие-либо временные союзы с активистами на рабочем месте. Необязательно называть себя революционером, чтобы быть хорошим классовым бойцом. Как правило, рабочее место, где есть профсоюз предлагает немного лучшие условия труда, но следует понимать, что во время конфликтов с работодателем профсоюз заведомо не на стороне рабочих. И именно это мы должны донести до тех, с кем мы работаем. Цель анархистов – не участие в профсоюзной политике (хотя некоторые анархо-сидикалисты думают по-другому!); наша задача – продвижение идей сопротивления и наиболее эффективной тактики среди тех, с кем мы работаем, что часто подразумевает конфронтацию с профсоюзом и разоблачение его руководства.

Там, где профсоюз отсутствует, уровень недовольства и

возмущения обычно явно высок, есть множество возможностей раздуть пламя сопротивления, но, как правило, там меньше солидарности и есть опасность быть выданным начальству. Здесь относительно легко завоевать рабочих, но есть опасность того, что дальнейшее продолжение борьбы пойдет по двум путям: присоединение к профсоюзу и ведение переговоров с начальством или начало изолированной забастовки, скорее всего обречённой на неудачу, за исключением того случая, когда боссы не подготовились к ней. Широкий охват и надежные связи с общественными движениями и другими рабочими — вот, что необходимо для вероятного столкновения. Это приводит к необходимости формирования группы сопротивления на рабочем месте. Не следует путать их с «группами рядового состава» ('rank-and-file groups'), появляющихся на непродолжительное время там, где руководство плохо исполняет свои функции, или там, где есть амбициозные лидеры или фракции, поддерживающие сопротивление снизу, а затем обезвреживающие несогласных, достигнув с их помощью своих задач. Группы сопротивления на рабочем месте действуют вне профсоюза, однако те, кто в них входит могут быть его членами. Эти объединения выступают против работы, начальников, профсоюзов и капитализма, отстаивая при этом классовую войну и практикуя методы прямого действия. Они не «революционные профсоюзы», но способ консолидации наиболее боевых рабочих для прямого действия. Они не механизм для коллективного ведения переговоров, но средство обострения борьбы с боссами. Они не заинтересованны в радикализации профсоюзов или сдвига влево его руководства. Они не подзаконны и полуподпольны. Членство в них определяется не теорией, но желаемой целью – уничтожением власти и влияния хозяев и начальников.

Коллективное действие

Вопреки распространенному предрассудку, поддерживаемому как масс-медийными карикатурами, так и нелепыми персонажами небольших групп самопровозглашенных «анархистов», анархизм не является ни «здоровым индивидуализмом», ни индивидуалистическим бунтом. В то время как некоторые анархисты заявляют, что реализация индивидуальной свободы является центральным пунктом любой подлинно революционной политики, мы не ставим знак равенства между этим фундаментальным правом и правом индивидуума на выражение своего эго в полном отрыве от общественного окружения. Мы считаем, что только коллективное действие способно что-то изменить, именно оно необходимо анархизму намного больше, чем активность изолированных и атомизированных индивидуумов. Это настолько очевидно, что не требует доказательств, однако, индивидуализм по-прежнему считается фундаментом анархизма, тогда как фактически он противостоит ему. Не стоит, конечно, думать, что социальные анархисты, особенно анархо-коммунисты, против индивидуальности, это далеко не так, но индивидуализм капиталистического общества может быть наилучшим оправданием для бесстыдного эгоизма и, что хуже всего, идеологии, поощряющей самую отвратительную конкуренцию и эксплуатацию. Капитализм любит (и всячески славословит) индивидуализм, уничтожая при этом саму индивидуальность. При этом, капитализм боится коллективного действия. Сила профсоюза базируется именно на возможности его членов действовать коллективно. Способность профсоюза мобилизовать и контролировать действия — решающий фактор в сохранении доверия к нему, как посреднику между рабочим и начальником. В противном случае, ни его члены, ни начальники не склонны воспринимать его всерьёз.

Индивид подобен пальцу человеческой руки. Сам по себе он не особенно силён и действен, но совместно с другими составляет кулак. Рабочий класс, независимо от специфики общественного движения или рабочего места, настолько легко контролируется и эксплуатируется, насколько он разобщен, и в следствие этого разобщения, слаб. Организуясь коллективно, он имеет потенциал к согласованным действиям против капитала. Рабочее место дает дорогу таким индивидуальным действиям, как например, саботаж, прогулы и «воровство». Но подобные действия, даже будучи организованы в стороне от посторонних глаз, будут эффективны лишь при коллективном их выполнении. Индивидуальные действия способны изменить отношения и ситуацию внутри класса но не между классами, и лишь на некоторое время. Понятно, что манипуляции правящего класса в сфере социальных отношений вызовут изменения с гораздо большей вероятностью, чем усилия одного или нескольких индивидов.

Но если не взаимодействие, то что? Как говорил Малатеста: «Моя свобода-это свобода всех».

Коллективные действия воодушевляют на борьбу также тогда, когда люди проникаются ощущением, что они далеко не бессильны, а полны сил добиться перемен. Одним из самых заметных примеров последних лет было движение против подушного налога конца 1980-ых - начала 90-ых. Если бы протест против него проявился в виде индивидуальных неплательщиков, изолированных друг от друга одиночек, отказывающихся платить, а не в форме общественного движения, тогда бы он быстро сошел на нет, поскольку государство легко бы разобралось с каждым по отдельности.

Взаимопомощь как основа человеческого общества и всех социальных отношений и организации явно превосходит в качестве организационного принципа конкуренцию или регулируемое взаимодействие (контракт). Кропоткин в своих работах убедительно показал, что взаимопомощь была присуща самым успешным биологическим видам (включая хищников и человека): «Те виды.., которые волей или неволей отказываются от нее, обречены на вымирание; тогда как животные, умеющие наилучшим образом объединяться, имеют наибольшие шансы на выживание и на дальнейшую эволюцию». Индивидуальный успех покупается за счет группы, он разрушителен и ресурсозатратен. «Видов живущих обособленно или небольшими семьями относительно немного, их численность ограничена» — ресурсы необходимые им для существования на отличном от примитивного уровне чрезвычайно велики. Менее трудная жизнь для одних означает более трудную для других. Совокупность общественных отношений, основой которых является принцип взаимопомощи, — это солидарность, которая превращает естественное побуждение сотрудничать и делиться в силу, внушающую страх правительствам. Именно с её помощью новые возможные социальные отношения набирают достаточную силу для преобразования общества и закрепляют принцип взаимопомощи в отношениях и социальных институтах, стремясь сохранить свою силу.

У анархистов, действующих в одиночку, возможности ограничены. Чувство изоляции, вызываемое капитализмом у отдельного бунтаря, способно привести к разочарованию и отчаянию. Коллективное действие в форме анархической группы достигнет гораздо большего, когда сеть активистов по всей стране постоянно держит друг друга в курсе событий и всегда готово оказать поддержку. Кто знает, на что мы способны? Почему бы не принять личное решение поучаствовать в коллективной активности с Anarchist Federation?

Сила (и слабость) прямого действия

Прямое действие может быть способом привлечения внимания к притеснениям или несправедливости. Оно может выступать как метод противодействия уничтожению окружающей среды или наступлению правящего класса, актом солидарности с социальной группой или отдельной личностью, подвергшейся наступлению. Однако, не являясь при этом частью политической стратегии, направленной на достижение радикальных перемен, оно будет явлением оборонительным и преходящим по своему характеру, намного уступающим силам капиталистов и много превосходящим возможностям правящего класса. Прямое действие может иметь положительный результат даже в рамках капитализма. Принуждая государство нести всё более высокие расходы (экономические, политические, социальные) как, например, когда оно пыталось протолкнуть политику «одних дорог» («roads-only policy”- политика направленная исключительно на строительство дорог, в ущерб развитию системы общественного транспорта- прим.пер.) прямое действие будет иметь свой эффект. Однако же тогда это не привело к сколько-нибудь значительным сдвигам в сторону разумной и жизнеспособной транспортной политики.

Как одна из разновидностей политического протеста, прямое действие имеет перспективы, но, не являясь при этом одним из элементов всеобщей классовой борьбы, оно не будет представлять реальную угрозу правящему классу в долгосрочной перспективе. Прямое действие вряд ли вырвется за пределы того маргинализированного и замкнутого гетто, в которое СМИ и полицейское государство загнали его.

Преимуществом прямого действия является то, что оно базируется на деятельности, а не просто на идеях. Оно требует высокого уровня обоюдной коммуникации и взаимодействия, достижения единогласия в вопросах целей, тактики, желаемых результатов и организационных изменений. Базируясь на таких идеях, как автономность и инициативность, прямое действие не имеет проблем со спорами и распрями внутри руководства,

которые ослабляют борьбу и сводят взаимодействие к наименьшему знаменателю: лидеры единолично определяют возможности и направления деятельности всех остальных; понятно, что подобное единство иллюзорно и бесплодно. Большинство сегодняшних маршей и демонстраций тому пример. Коллективное сознание не может развиться без коллективного же действия. Перемен не происходит, так как толпа не выступает против того, что её разделяет, она по-прежнему остается собранием атомизированных индивидуумов. Напротив, когда протест проходит при натиске со стороны государства, тогда люди действуют сообща, чтобы защитить себя и остальных при отсутствии контроля со стороны вождей, тогда они способны развить новые уровни сознания и выйти из этого боя вдохновлёнными и окрепшими. Слабость прямого действия состоит в нестабильном, непродолжительном характере сотрудничества, причина этого – отсутствие массового протестного движения, отсутствие культуры сопротивления.

Без политической стратегии, делающей прямое действие одним из видов оружия в арсенале растущего антигосударственного протеста, оно потерпит неудачу. Свидетельством этой слабости является относительная популярность движения за ненасильственное прямое действие (NVDA). Оно не ищет конфронтации с властью, предлагая взамен принципиальный пацифизм, делая себя легкой добычей для полиции, вместо того, чтобы своими действиями парализовать их волю к действию через страх. Опасность однонаправленной кампании заключается в отчуждении её участников от борьбы за полное освобождение, что неминуемо маргинализирует их или интегрирует обратно в капитализм.

У прямого действия ограниченное число целей, и коль скоро эти цели достигнуты хотя бы частично или временно, вся энергия и возмущение сходит на нет. Некоторые анархисты возразят, что так капитализм постоянно требует от нас чтобы мы оставались пассивными потребителями и производителями, права и свободы будут неминуемо урезаться и, следовательно, борьба против этих явлений имеет будущее. В действительности, из-за отсутствия четкой программы и изолированности тех, кто отстаивает индивидуалистичную, замешанную на морали, либеральную версию прав человека (сравните их с теми, кто борется коллективно и на широком фронте) движение будет сохранять свой фрагментарный характер.

Успех прямого действия зависит от всестороннего анализа слабостей врага. Отдельные типы прямого действия, бьющие по этим слабостям, должны быть достаточно гибкими, чтобы уметь приспособиться к изменяющимся условиям. Но нужно понимать, что подобная гибкость лишь тактика, и не должна ограничивать нас, ведя к бесконечным «изобретениям велосипеда». Каждый новый эпизод борьбы, каждая новая протестная кампания, каждая новая точка конфронтации должны восприниматься как часть непрерывно расширяющейся сферы сопротивления. Но завоёванные позиции нужно удерживать и расширять. Местные социальные центры и центры взаимопомощи создают необходимое пространство для людей активно вовлеченных в сопротивление в целях знакомства и совместных действий на постоянных, долговременных основах.

Такое взаимодействие преодолевает разделение, порождаемое капитализмом.

Создание культуры сопротивления там, где прямое действие могло бы быть более эффективным, требует перемен в сознании (например, радикализации людей) и постоянного изменения в общественных отношениях. Можно ли, например, участием в сквоттерском движении или дорожной кампании в полной мере и навсегда преодолеть отчуждение и атомизацию? Ведут ли перемены в сознании к более широкому сопротивлению? По этой причине мы становимся вовлечены в борьбу других, так как очень часто их борьба есть в тоже время и наша; анархисты должны всегда пытаться повысить сознательность и преобразовать общественные отношения посредством просвещения, наведения мостов, позитивного общения, создания доверительности, укрепления людей на тех направлениях, что (возможно) ведут к росту числа постоянно борющихся на широком фронте.

Если революция началась

Левые группы традиционно призывают к свержению капитализма посредством всеобщей стачки. Но под ней они подразумевают массовую, всеобщую экономическую забастовку, вызываемую очередным кризисом капитализма. Пока существует авангардная партия, или в случае синдикалистов, политизированный профсоюз, готовый превратить эту борьбу против экономических неурядиц во всеобщую политическую стачку против правящего класса, всё будет отлично, говорят нам. Не зная дороги, они стремятся вести за собой целый класс и поведут его, как и раньше, по пути катастрофического авторитаризма или контрреволюции. Это не значит, что победа революции невозможна, но лишь указывает на необходимость заблаговременного учета ряда возможных обстоятельств. Легко представить волну захватов земель, перекрытий дорог, студенческих выступлений, вставших заводов, потребительских бойкотов и демонстраций, запрудивших улицы крупных городов, которые вполне способны сломить волю правящего класса к сопротивлению. Не следует также забывать о движениях безземельных сельских бедняках таких как «Сем-Терра» (Бразилия) и в Чиапасе (Мексика), восстающих против безрадостного будущего.

Такие движения ищут союзников среди городского пролетариата, среди рабочих, раздавленных чудовищной махиной капитализма.

На всей планете растет недовольство неравенством доходов, коррупцией политической и общественной элиты, приватизацией коммунального сектора и наступлением на такие жизненно необходимые вещи, как вода, земля, жилье и энергоснабжение. В некоторых странах экономический упадок становится пищей для консервативных или реакционных движений стремящихся создать или увековечить миф национального единства.

Но во многих других местах возмущение исходит непосредственно от трудящихся всех сфер при поддержке разгневанных неимущих и направлено оно против правящего класса и международного капитализма. Всеобщие и социальные стачки, бойкот, «вторжение» в крупнейшие города и другие места, имеющие символическое для власти значение, демонстративные неплатежи и экспроприация капитала посредством захвата и разрушения заводов, кража электричества, еды или топлива – всё это показывает, что господство капитализма и правящего класса совершенно не надёжно.

Имеется опасность, что, так как такая революция не цель, а средство, она не будет процессом объединения или результатом этого самого объединения. Отдельные группы могут уклоняться от некоторых действий или проявлять нерешительность в их выполнении. Они могут довольствоваться промежуточными результатами и сопротивляться дальнейшему развитию борьбы.

Победа революции не может быть результатом соединения программ и тактик разношерстных протестующих и агитационных групп, вовлеченных в противостояние с правящим классом. Успех её заключается в развитии революционного сознания, смещающего точку приложения сил с краткосрочных целей в сторону революции.

Революционное сознание, охватив значительную

часть пролетариата, признавшего необходимость свержения капитализма и перехода к анархо-коммунистическому обществу, сподвигнет его к объединению в одну или несколько революционных организаций.

Отдельные элементы других классов или слоёв, осознав необходимость победы рабочего класса, будут действовать параллельно с этими организациями. Общей целью станет подготовка условий и организация всеобщей политической забастовки: массовые действия на предприятиях, массовые общественные выступления, забастовки и бойкоты, чтобы в первую очередь парализовать волю правящего класса к борьбе, а затем, посредством захвата и экспроприации, лишить его средств к сопротивлению.

Без массовой организации или федерации анархические группы будут лишь отдельной тенденцией в революционном движении, наряду с другими. Анархо-коммунисты в условиях новых, независимо организуемых производств и территориальных сообществ столкнутся с необходимостью противодействия авторитарным группам и тенденциям.

Действуя внутри рабочего класса, они должны способствовать вовлечению его в функционирование новых структур на началах равенства. Они должны противодействовать попыткам любой партии или организации, стремящихся взять власть от имени рабочего класса. Если они попробуют использовать силу для разрушения завоеваний рабочего класса, тогда анархические организации должны быть готовы сразиться с ними физически.

Из этого следует, что в революционный период анархическая организация должна призывать и содействовать вооружению трудящихся с целью защиты и формированию рабочего ополчения. Анархические организации не должны распускаться после начальной, повстанческой фазы революции. Анархо-коммунисты продолжат борьбу до полного достижения анархо-коммунизма. Лишь по достижении этого идеала организация постепенно растворяется и в конце концов исчезает полностью.

Заключение

В этой короткой брошюре обозначено наше видение путей возникновения революционной ситуации и роли в ней индивидов, движений, организаций. Это одна из немногих брошюр Anarchist Federation, которая стремится быть надёжным источником информации в данной области. Здесь отчётливее, чем где-либо еще, мы формулируем нашу мысль. Мы уважаем тех, кто посвятил себя сопротивлению власти и капиталу, тех, кто принимает участие в группах и организациях революционной направленности, что является важной предпосылкой перехода к свободному обществу. Мы надеемся, что написанное будет способствовать лучшему пониманию необходимости организации всех, кто стремится к освобождению, а также важности построения массового революционного движения по всему миру. Мы не отстаиваем идею одной партии, организации и даже движения, признавая разнообразие сопротивляющихся групп и культур. Но у всех этих движений цель должна быть одна – упразднение капитализма и государства – и одним способом: экспроприации правящего класса путём передачи производительных сил общества в наше пользование, на наших же условиях. На этом пути и обретается свобода.

Anarchist Federation. 2009

ПЕРЕВОД СРС

Краткая биография Амадео Бордиги

Амадео Бордига родился в Резина (Неаполь) 13 июня 1889г. Уже в 1907г. он начинает посещать социалистические организации Неаполя. В 1910г. он вступает в Итальянскую социалистическую партию. Два года спустя он создает в Неаполе кружок Карла Маркса с целью борьбы с реформистскими тенденциями в партии. В эти годы он ведет интенсивную кампанию против милитаризма и войны в Ливии в газете "L'Avanguardia", которую со временем и возглавил. На съезде провинции Реджио-Эмилия Социалистической партии он оказывается в руководстве течения молодых революционеров, которое выступает как Революционная фракция интрансиджентов (непримиримых). В 1914г. она проводит жесткую оппозицию войне в колонках газеты "Il Socialista", отвергая лозунг "ни вступления, ни саботажа", принятый ИСП, и тут же сталкивается с партийным аппаратом. Интервенционисты вышли из организации.

В 1916г. Бордига призывается в армию, но ему удается избежать отправки на фронт. Его деятельность серьезно ограничивается контролем полиции. В июне 1918г. он женится на Ортенсии Де Мео, активистке социалистической партии, уже участвовавшей с ним в создании Кружка Карла Маркса и от которой у него будет двое детей. В декабре он основывает газету "Il Soviet", издание, которое станет вскоре жизненным центром полемики с реформистами, а затем органом борьбы за новую партию, уже фактически существующую в течении. В том же году на XV съезде ИСП он отстаивает необходимость поддержать тезисы Ленина о международной революции и становится инициатором создания Фракции коммунистов-абстенционистов [антипарламентаристов].

В 1920г. он участвует во II Конгрессе Коммунистического Интернационала [см. его тезисы рядом]. Он вносит свой вклад в определение "21 условия" вступления в Коминтерн, представленных затем Лениным, и выступает в защиту необходимости не связывать силы партии в избирательных и парламентских кампаниях, отныне не только бесполезных, но даже вредных на Западе для революционных целей.

К середине октября он представляет "Манифест коммунистической фракции" Миланскому совещанию Фракции, названной впоследствии также "чистыми коммунистами". В дискуссии о возможном отделении от ИСП участвовали также Грамши и Террачини в качестве представителей туринских социалистов. Начинается его сотрудничество в редакции газеты "Il Comunista", которая начала выходить с ноября месяца. Многие статьи явно носили подготовительный характер к выходу из ИСП.

29 ноября он представляет резолюцию Коммунистической фракции Национальному совещанию в Имола, призывая к "четкому разрыву" с социал-демократией. В январе 1921г. на национальном съезде ИСП в Ливорно он заявляет в ходе своего выступления о решительной невозможности совместного существования революционных сил, реформизма и максимализма. Коммунистическая делегация отделяется и в другом помещении создает Коммунистическую партию Италии, секцию Коммунистического Интернационала. В феврале он переезжает в Милан в качестве "руководящего деятеля" новой партии, которая принимает решение создать в этом городе свое руководство. Он усиливает свою активность в различных направлениях деятельности новой партии. В этот период он совершает частые поездки в новые партийные организации, регулярно пишет для четырех периодических изданий: "Il Soviet", "Il Comunista", которые он возглавил, "L'Ordine Nuovo", которая становится органом партии, и "Rassegna Comunista", который стал ее теоретическим журналом. Под его руководством партия немедленно организует как профсоюзную сеть, так и подпольную военную, в то время как в силу дисциплины в Интернационале он должен отставить в сторону абстенционизм и участвовать в выборах.

В плане тактики и принципов он начинает писать статьи теоретического и практического направления, из которых с очевидностью вытекает, что уже в начале 1921г. он устанавливал проблемы, не безразличные для Интернационала. В статьях, которые он пишет в течение 1921г., выясняются все расхождения, еще не явные (т.е. не являющиеся объектом непосредственной полемики), между руководством КПИ и Интернационалом: проблема революции на Западе; тактика действий с другими политическими силами (Единый фронт); оценка фашизма; природа Интернационала (т.е. всемирная Коммунистическая партия или федерация национальных коммунистических партий).

В декабре он участвует в качестве посланника Интернационала на съезде Коммунистической партии Франции в Марселе. В 1922г., через две недели после фашистского Марша на Рим, открывается IV Конгресс Коммунистического Интернационала (с 5 ноября по 5 декабря), на котором Бордига выступает с докладом о положении в Италии.

Весной его арестовывает полиция, обвиняя его в "заговоре против государства". В июне арестованные руководители были заменены в руководстве партии. Организационная и политическая ответственность перешла к Тольятти и Террачини. После процесса и освобождения из тюрьмы он приглашается Интернационалом к возвращению на свой пост в Исполнительном комитете партии, но он отказывается (22 декабря), объясняя, что существует несовместимость между его позициями и позициями Коммунистического Интернационала: директивные обязательства вынудили бы его, в порядке дисциплины, поддерживать позиции, с которыми он не согласен, а это повлекло бы за собой ложь по отношению к организации. В январе 1924г. он выпускает в Неаполе ежемесячный журнал "Prometeo". Его цель – предоставить голос партийной Левой.

В мае месяце проходит конференция в городе Комо, на которой огромным большинством партия высказывается в пользу тезисов Левой. Бордига отказывается выдвигать свою кандидатуру на выборах. Он участвует в V Конгрессе Коминтерна и представляет тезисы по тактике, предупреждая против правого ревизионизма, угрожающего русской партии. Тезисы вновь отвергаются. На следующем подпольном съезде в Неаполе он сталкивается с новым руководством, ориентирующимся на позиции Коминтерна.

В 1926г. с 21 по 26 января он участвует в III съезде КПИ в Лионе (подпольном). В следующем месяце открывается работа VI расширенного Пленума Исполкома Интернационала в Москве. В обоих случаях Бордига делает последнюю страстную попытку защиты марксистских тезисов. 22 ноября он был осужден без суда на три года ссылки и немедленно арестован, в то время как фашисты разграбили его дом. Он был отправлен сначала на Устику, а затем на Понса, маленькие островки в 7-8 квадратных километров, где он оставался до 1929гг. Во время ссылки он организует школу для заключенных и вместе с Грамши регулярно проводит лекции по научным дисциплинам.

В 1930г. его исключают из партии по обвинению во фракционистской "троцкистской" деятельности. По возвращению из ссылки он посвящает себя работе инженером, не занимаясь больше вопросами политики. Впрочем, это было бы и совершенно невозможно, потому что полиция контролировала его 24 часа в сутки с помощью шести чиновников, которые периодически меняли друг друга. В архивах полиции осталась схема этого контроля, который продлился до 1943г., когда в Неаполе война закончилась в результате высадки англо-американских войск.

В послевоенный период он создает Интернационалистскую коммунистическую партию (Центральный орган – газета "Battaglia Comunista") и продолжает политическую деятельность, прежде всего, через статьи, которые публиковались в новом журнале "Prometeo" под псевдонимами Альфа и А. Орсо. В 1951-52гг. в партии происходит раскол. Та часть, которая осталась с Бордигой, позже получила название Интернациональной Коммунистической партии [Центральный орган - Programma Comunista]. В 1968г. из-за болезни он уединяется в своем доме в Формии. Через год его поразил апоплексический удар, из которого он вышел лишь с трудом и частично. Он умер 23 июля 1970г.

Биография представляет перевод (с небольшими дополнениями) с итальянского текста.

Источник: revarchiv.narod.ru

Тезисы о роли коммунистической партии в пролетарской революции

Амадео Бордига

Приняты Вторым Съездом Коммунстического Интернационала, 1920

Мировой пролетариат находится перед лицом решающих испытаний. Эпоха, в которой мы живем, - это эпоха открытой гражданской войны. Приближается решающий час. Практически в каждой стране с развитым рабочим движением пролетариат с оружием в руках противостоит жестоким вызовам.

Рабочий класс сейчас нуждается в сильной организации больше, чем когда-либо. Он должен неутомимо трудиться для того, чтобы подготовиться к решающему сражению, не теряя драгоценного времени.

Если бы во времена Парижской Коммуны (1871) рабочий класс имел хотя бы маленькую дисциплинированную коммунистическую партию, то первое героическое восстание французского пролетариата было бы гораздо успешнее и многих его слабостей и ошибок можно было бы избежать. Вызовы же с которыми столкнется пролетариат сейчас, в другой исторической ситуации, будут куда более судьбоносные, чем в 1871-ом.

Поэтому Второй Мировой Съезд Коммунистического Интернационала обращает внимание революционных рабочих всего мира на следующее:

1. Коммунистическая партия — это часть рабочего класса, а именно наиболее передовая, наиболее классово-сознательная и, следовательно, наиболее революционная его часть. Через процесс естественного отбора коммунистическая партия была сформирована из лучших, наиболее сознательных, преданных и дальновидных рабочих. Коммунистическая партия не имеет интересов отличных от интересов рабочего

Коммунисты во время захватной забастовки в Турине, Италия. 1920

класса в целом. Коммунистическая партия отлична от рабочего класса в целом тем, что она обладает знанием об историческом пути рабочего класса в его полноте и старается всегда защищать интересы рабочего класса как целого, а не интересы отдельных групп или профессий. Коммунистическая партия – это организационный и политический уровень, который наиболее передовая часть пролетариата использует для того, чтобы вести пролетарские и полу-пролетарские массы по правильному пути.

2. До тех пор, пока пролетариат не возьмет власть, не установит раз и навсегда своё господство и не обезопасит себя от от буржуазной реставрации, коммунистическая партия будет иметь в своих рядах только меньшинство рабочих. До захвата власти и в переходный период в благоприятных условиях коммунистическая партия может оказывать существенное идеологическое и политическое влияние на всю пролетарскую или полупролетарскую часть населения, но она не может объединить их в своих рядах организационно. Только после того как диктатура пролетариата лишит буржуазию таких могущественных средств влияния как пресса, школы, парламент, церковь, административная машина и т. д., только после этого окончательное поражение буржуазного порядка станет очевидным и только тогда все или практически все рабочие начнут вступать в ряды коммунистической партии.

3. Необходимо четко различать понятия партии и класса. Члены «христианских» и либеральных профсоюзов Германии, Англии и других стран бесспорно являются частью рабочего класса. Более менее многочисленные группы рабочих, которые до сих пор следуют за Шейдманом, Гомперсом и им подобным, также являются частью рабочего класса. В определенных исторических обстоятельствах вполне возможно, что рабочий класс будет включать очень много реакционных элементов. Задача коммунистов не адаптироваться под отсталую часть рабочего класса, а поднять весь рабочий класс до уровня коммунистического авангарда. Путаница в понятиях партии и класса может привести к величайшим ошибкам и неразберихе. К примеру, ясно, что несмотря на настроения и предрассудки определенной части рабочего класса во время империалистической войны, рабочая партия должна была любой ценой сражаться с этими настроениями и предрассудками, отстаивая исторические интересы пролетариата, которые требуют от пролетарской партии объявлять войну войне.

С начала империалистической войны в 1914 г. партии социал-предателей во всех странах, поддержав буржуазию «своих» стран, всегда объясняли, что они действуют в соответствии с волей рабочего класса. Даже если бы это было правдой, они забыли, что задачей пролетарской партии при таком положении дел должно быть выступление против настроения большинства рабочих и защита исторических интересов пролетариата несмотря ни на что. Таким же образом, в начале века русские меньшевики того времени (так называемые «экономисты») отвергли путь открытой политической борьбы с царизмом на той почве, что политический класс в целом еще не созрел до понимания необходимости политической борьбы.

Аналогично, правое крыло Немецких Независимых, когда действовало нерешительно и неадекватно, всегда настаивало на «воле масс», не понимая того, что партия существует именно для того чтобы вести массы и показывать им путь.

4. Коммунистический Интернационал твердо придерживается убеждения, что коллапс старых «социал-демократических» партий Второго Интернационала ни при каких условиях не должен трактоваться как коллапс пролетарских партий вообще. Эпоха прямой борьбы за диктатуру пролетариата даёт рождение новой мировой партии пролетариата: Коммунистической Партии.

5. Коммунистический Интернационал решительно отвергает мнение о том, что пролетариат может совершить революцию, не имея собственной независимой политической партии. Любая классовая борьба – это политическая борьба. Цель такой борьбы, которая неизбежно перейдёт в гражданскую войну, – это завоевание политической власти. Политическую власть нельзя удерживать, организовывать и использовать иначе, чем через политическую партию. Если пролетариат имеет в качестве лидера организованную и опытную партию с четко определенными целями и практической программой немедленных мер как для внутренней, так и для внешней политики, то только тогда завоевание политической власти окажется не случайным эпизодом, а точкой отсчета для долгого коммунистического устройства общества, построенного пролетариатом.

Также сама классовая борьба требует централизации и единого руководства наиболее распространенными формами пролетарского движения (профсоюзами, кооперативами, заводскими советами, образовательной работой, выборами и.т.п.). Только политическая партия может быть таким координирующим и направляющим центром. Отказ от создания, и укрепления такой партии, и подчинения себя ей подразумевает неприятие единого управления разными боевыми силами пролетариата, действующими на разных полях сражений. Классовая борьба пролетариата нуждается в концентрированной агитации, которая освещает разные стадии борьбы с одной точки зрения и направляет внимание пролетариата в каждый данный момент на выполнение определенных задач силами целого класса. Это не может быть сделано без централизованного политического аппарата, то есть без политической партии.

Поэтому объективно пропаганда, ведомая революционными синдикалистами и сторонниками Индустриальных Рабочих Мира (ИРМ), против необходимости независимой рабочей партии помогала и помогает только в поддержке буржуазии и контрреволюционных социал-демократов. В этой пропаганде против коммунистической партии, которую они хотят заменить профсоюзами или бесформенными «общими» рабочими союзами, синдикалисты и ИРМ близко подходят к общепризнанному оппортунизму.

После поражения революции 1905-го г. в России меньшевики многие годы отстаивали идею так называемого рабочего съезда, который должен был заменить революционную партию рабочего класса. Желтые «лейбористы» всех мастей в Англии и Америке проповедуют рабочим создание бесформенных рабочих союзов или размытых чисто парламентских объединений на замену политической партии и в тоже время проводят полностью буржуазную политику. Революционные синдикалисты и ИРМ стремятся бороться против диктатуры буржуазии, но не знают как. Они не видят, что без независимой политической партии рабочий класс – это тело без головы.

Революционный синдикализм и индустриализм представляют собой шаг вперед только в сравнении со старой, затхлой и контрреволюционной идеологией Второго Интернационала. Но в сравнении с революционным марксизмом, то есть с коммунизмом, синдикализм и индустриализм – это шаг назад. Декларация «левых» коммунистов германии (КРПГ) на учредительном съезде в апреле о том, что они создают партию, но «не партию в традиционном смысле этого слова», – это идеологическая капитуляция перед реакционными взглядами синдикалистов и индустриалистов.

Рабочий класс не может завоевать победу над буржуазией одной лишь только всеобщей забастовкой, только тактикой «сложенных рук». Пролетариату необходимо прибегнуть к вооруженному восстанию. Тот, кто осознал это, понимает, что необходима организованная политическая партия, аморфных рабочих союзов недостаточно.

Революционные синдикалисты часто говорят о большой роли, которая может быть сыграна решительным революционным меньшинством. Реальное же решительное меньшинство рабочего класса, являющееся коммунистическим, желающее действовать, имеющее программу, ставящее своей целью организацию борьбы масс, – это в точности коммунистическая партия.

Оккупация фабрики в Милане. 1920.

6. Важнейшей задачей подлинно коммунистической партии является поддержка самого тесного контакта с широкими массами пролетариата. Ради этого коммунисты должны действовать в объединениях, которые имеют большие пролетарские группы среди своих членов, даже не будучи партийными организациями. Например, объединения инвалидов войны разных стран, комитеты «руки прочь от России» в Англии, пролетарские лиги арендаторов. Российский пример так называемых «непартийных» рабочих и крестьянских конференций особо важен. Они организованы практически в каждом городе, в каждом рабочем квартале, а также в деревне. В выборах в конференции принимают участие широчайшие массы даже отсталых рабочих. На повестку дня ставятся наиболее неотложные вопросы: снабжение едой, жилье, военная ситуация, школы, текущие политические задачи и т.д. Коммунисты оказывают активнейшее влияние на эти «непартийные» конференции с большим успехом для партии.

Коммунисты считают своей важнейшей задачей продолжение систематической работы по организации и обучению внутри этих широких рабочих организаций. Но для того, чтобы успешно вести её, для того чтобы не дать врагам революционного пролетариата захватить влияние над широкими рабочими организациями, передовые коммунистические рабочие должны иметь свою собственную независимую сплоченную коммунистическую партию, которая всегда действует организованно и которая способна при любом повороте событий и при любой форме, принимаемой движением, заботиться о непреходящих интересах коммунизма.

7. Коммунисты ни коим образом не избегают непартийных массовых рабочих организаций даже тогда, когда они имеют откровенно реакционную природу (желтые или христианские профсоюзы и т. п.). Они не отказываются от участия в них и их использования. Внутри этих организаций коммунистическая партия должна постоянно вести свою пропаганду и неуклонно убеждать рабочих, что идея беспартийности как принципа умышленно поддерживается среди рабочих буржуазией и её лакеями для того, чтобы отвадить их от организованного выступления за социализм.

8. Старое «классическое» деление рабочего движения на три формы — партию, профсоюз и кооператив — очевидно устарело. Пролетарская революция в России создала базовую форму диктатуры пролетариата: советы. Новое деление, применяемое нами: 1) партия; 2) рабочие советы; 3) объединения производителей (профсоюзы). Но и советы, и революционные профсоюзы должны постоянно и систематически руководиться партией пролетариата, то есть коммунистической партией. Организованный авангард рабочего класса, коммунистическая партия, которая должна направлять борьбу всего рабочего класса экономически, политически, а также в сфере образования. Она должна быть животворящим духом среди профсоюзов, рабочих советов и всех других форм пролетарских организаций.

Возвышение советов как исторической основы диктатуры пролетариата никоим образом не умаляет лидирующую роль коммунистической партии в пролетарской революции. Когда немецкие «левые» коммунисты говорят (см. обращение к Немецкому пролетариату от 14 апреля 1920-го года, подписанное «Коммунистической Рабочей Партией Германии») что: «партия также должна максимально адаптироваться к советской идее и принять пролетарский характер» (Kommunistische Arbeiterzeitung № 54), то они путано выражают идею о том, что коммунистическая партия должна раствориться в советах и что советы должны заменить коммунистическую партию. Эта идея ошибочна и реакционна в своей основе.

В истории русской революции был период, когда советы были оппозиционны к пролетарской партии

и поддерживали политику агентов буржуазии. Тоже самое верно и для Германии. И тоже самое возможно также и в других странах.

Для того, чтобы советы смогли выполнить свою историческую роль, необходима сильная коммунистическая партия. Такая партия, которая не просто «адаптирует» себя к советам, а способна гарантировать то, что советы не «адаптируются» под буржуазию и белогвардейскую социал-демократию. Такая партия, которая через свои фракции в советах может вести их за собой.

Кто бы не советовал коммунистической партии «адаптироваться» под советы, кто бы не видел в этой адаптации усиление «пролетарской природы» партии, он оказывает и партии, и советам весьма спорную услугу, и не понимает значения ни партии, ни советов. Чем сильнее будет партия, которую мы создадим в любой стране, тем быстрее восторжествует «Советская идея». Многие «независимые» и даже правые социалисты теперь льстят «Советской идее». И мы будем способны защитить «Советскую идею» от искажения этими элементами только тогда, когда мы будем иметь сильную коммунистическую партию, которая будет способна оказывать решающее влияние на политику советов и вести их за собой.

9. Коммунистическая партия необходима рабочему классу не только до захвата власти и во время него, но и после передачи власти рабочему классу. История коммунистической партии в России, которая находится у власти почти 3 года, показывает, что роль коммунистической партии после захвата власти рабочим классом не только не уменьшается, а напротив, чрезвычайно усиливается.

10. Сразу после завоевания власти пролетариатом партия останется, как и прежде, только частью рабочего класса, но это будет именно та часть рабочего класса, которая организует победу. Два десятилетия в России и несколько лет в Германии коммунистическая партия сражалась не только с буржуазией, но и с теми «социалистами», которые были агентами буржуазии среди пролетариата. Она брала в свои ряды наиболее дальновидных, стойких и продвинутых бойцов из рабочего класса. Преодоление трудностей, противостоящих рабочей диктатуре сразу после победы возможно только тогда, когда есть такая дисциплинированная организация лучшей части рабочего класса. В организации новой пролетарской Красной Армии, в реальном разрушении буржуазного госаппарата и его заменой зачатками нового госаппарата пролетарского, в борьбе против узко-цеховых тенденций среди рабочих, в борьбе с локальным и региональным «патриотизмом», в расчистке пути к созданию новой трудовой дисциплины — во всех этих областях Коммунистическая партия имеет решающее слово. Своим примером её члены должны вдохновлять и вести большинство рабочего класса.

11. Потребность в политической партии пролетариата исчезнет только с полной ликвидацией классов. На пути к этой окончательной победе коммунизма, возможно, что историческое значение трех сегодняшних базовых форм пролетарской организации (партия, советы, объединения производителей) поменяется, и постепенно кристаллизуется единый тип рабочей организации. Но коммунистическая партия только тогда полностью сольётся с рабочим классом, когда за коммунизм не нужно будет драться, и весь рабочий класс станет коммунистическим.

12. Второй Съезд Коммунистического Интернационала не только вновь подтверждает в целом историческую миссию Коммунистической Партии. Он указывает международному пролетариату хотя бы в общих чертах, какая Коммунистическая Партия нам нужна.

13. Коммунистический Интернационал придерживается мнения, что коммунистическая партия должна быть построена на фундаменте железного пролетарского централизма, в особенности в период диктатуры пролетариата. Для того, чтобы успешно вести рабочий класс в тяжелой и продолжительной гражданской войне, коммунистическая партия должна установить железную военную дисциплину в своих рядах. Опыт коммунистической партии, которая три года руководила рабочим классом в российской гражданской войне показывает, что без строжайшей дисциплины, без полной централизации, без полнейшего товарищеского доверия всех партийных организаций в партийном центре, победа рабочих невозможна.

14. Коммунистическая партия должна быть построена на принципах демократического централизма. Базовые принципы демократического централизма заключаются в том, что вышестоящие партийные органы должны быть избраны нижестоящими, что все распоряжения вышестоящих органов являются категорической и неминуемой обязанностью для нижестоящих, и что должен быть сильный партийный центр, чей авторитет несомненно и беспрекословно признается всеми партийными руководителями на период между съездами.

15. Ряд коммунистических партий в Европе и Америке в результате «осадного положения», введенного буржуазией против коммунистов, были вынуждены вести нелегальную жизнь. Должно быть понятно, что при таком положении дел выборный принцип не может строго соблюдаться, и ключевым партийным органам должно быть дано право на кооптацию членов, как это было сделано одно время в России. Под «осадным положением» коммунистическая партия не может применять демократический референдум по поводу каждого серьезного вопроса (как предлагается группой Американских Коммунистов). Вместо этого она должна делегировать своим центральным органам право принятия в критической ситуации важных решений за всех членов партии.

16. В настоящее время защита «широкой автономии» местных партийных организаций только ослабляет ряды Коммунистической Партии, подрывает её способность к действию, и поддерживает мелкобуржуазные, анархистские и подрывные тенденции.

17. В тех странах, где буржуазия или контрреволюционная социал-демократия еще у власти, коммунистические партии должны научиться систематически комбинировать легальную и нелегальную деятельность. Легальная работа всегда должна быть под реальным контролем нелегальной партии. Коммунистические парламентские фракции как в центральных, так и в местных государственных учреждениях должны быть под полным контролем партии, независимо от того, легальна партия в данный момент или нет. Депутаты, которые каким-либо образом отказывают подчиняться партии, должны быть из неё исключены.

Легальная пресса (газеты или издательства) должны быть полностью и безусловно подчинены всей партии и её центральному комитету. Уступки в этом вопросе недопустимы.

18. Основой всей организационной работы коммунистической партии должно быть создание коммунистических ячеек везде, где она находит хотя бы в малом количестве пролетариат или полупролетариат. В каждом совете, в каждом профсоюзе, в каждом кооперативе, на каждой фабрике, на каждом собрании арендаторов, там где есть хотя бы три человека, симпатизирующих коммунистам, немедленная должна быть сформирована коммунистическая ячейка. Только строгая организация коммунистов позволит авангарду рабочего класса вести целый класс. Все ячейки коммунистической партии, работающие в непартийных организациях, должны быть безусловно подчинены партийной организации в целом, независимо от того, легальна партия в данный момент или нет. Коммунистические ячейки всех типов должны подчиняться друг-другу в строго иерархическом порядке так строго, как это возможно.

19. Практически повсеместно коммунистическая партия росла как городская партия. Это была партия индустриальных работников, живущих преимущественно в городах. Для облегчения и ускорения победы рабочего класса коммунистическая партия должна стать партией не только городов, но и деревень. Коммунистическая партия должна распространять свою пропаганду на сельскохозяйственных рабочих, средних и беднейших крестьян. Она должна уделять особое внимание организации коммунистических ячеек в деревне.

Международная организация пролетариата будет сильной только тогда, когда во всех странах, где коммунисты живут и сражаются, сформулированные здесь идеи о роли коммунистической партии, будут решительно проводиться в жизнь. Коммунистический Интернационал приглашает на свой съезд каждый профсоюз, признающий его принципы и готовый порвать с желтым Интернационалом. Коммунистический Интернационал будет организовывать международные секции красных профсоюзов, которые признают коммунистические принципы. Коммунистический Интернационал не отказывается от сотрудничества с любыми непартийными рабочими организациями, которые готовы вести серьезную революционную борьбу против буржуазии.

Но в тоже время Коммунистический Интернационал не перестает подчеркивать для рабочих всего мира следующее:

1. Коммунистическая Партия – это основное орудие освобождения рабочего класса. Сейчас мы должны в каждой стране иметь Коммунистическую Партию, а не «группы» и «течения».

2. В каждой стране должна быть только одна Коммунистическая Партия

3. Коммунистическая партия должна быть построена на принципах строжайшего централизма, и в эпоху гражданской войны военная дисциплина должна преобладать в её рядах.

4. Где бы не была пролетарская или полупролетарская масса, Коммунистическая Партия должна там иметь организационную ячейку.

5. В каждой непартийной организации должна быть ячейка Коммунистической Партии, строго ей подчиняющаяся.

6. Придерживаясь твердо и неуступчиво программы и революционной тактики коммунизма, Коммунистическая Партия должна всегда иметь как можно более тесную смычку с широкими рабочими организациями и избегать как сектантства, так и беспринципности.

Амадео Бордига

Источник: «communiste program», No. 2, March 1976, Translated from the «Protokoll des II Weltkongresses der Kommunistischen Internationale», Hamburg, 1921.

http://libcom.org/

ПЕРЕВОД СРС

Онорато Дамен – антиавторитарный марксист

Два года назад исполнилось 30 лет со дня смерти итальянского левого коммуниста, непримиримого борца с фашизмом и основателя Интернационалистской коммунистической партии – Онорато Дамена. Он был одним из самых ярких представителей левокоммунистического движения, но к сожалению, ни он, ни его учение практически неизвестно в России.

Онорато Дамен родился в Италии в провинции Асколи-Пичено в 1893г. В юности он вступил в Социалистическую партию Италии (PSI), где практически сразу занял непримиримую позицию против продажности и коррупционности её руководителей Турати и Модильяни. В начале Первой мировой войны он был призван в армию и направлен на фронт, где начал вести антивоенную пропаганду, и был приговорён к двум годам военной тюрьмы за «публичное оскорбление армии и подстрекательстве к дезертирству», после освобождения работал в Палате Труда в Болонье, Каса-дель-Пополо и Гранароло, а также в газете «La Lotta» в Фермо. В начале своей политической деятельности Дамен был близким соратником создателя компартии Италии — Амадео Бордиги. Вместе с ним он сперва создал «абсентеистскую фракцию» в PSI, а затем в 1921г. с участниками этой фракции и компартию Италии.

Дамен был постоянным объектом травли фашистов за свои «большевистские» идеи. В 1921г. он участвовал в перестрелке с фашистами, в ходе которой один из них был убит. Несмотря на то, что Дамен был признан невиновным в убийстве, он был осужден на три года и отбывал наказание в тюрьме во Флоренции. После чего отправился во Францию, где по указанию Бордиги работал редактором журнала L'Humanité, выходившим на итальянском языке. В 1924г. он вернулся в Италию и избрался депутатом в одном из районов Флоренции. Он один из первых заметил авторитарное перерождение компартии Италии и Коминтерна, постоянно критиковал её новое руководство во главе с Антонио Грамши (Бордига в то время находился в заключении, а в Коминтерн назначили верных Москве людей, в частности Грамши. Это было связано с сопротивлением Бордиги и Дамена, навязываемой Коминтерном линии «единых фронтов» с буржуазными социалистическими партиями для участия в парламентских выборах. Компартия Италии противопоставляла этому политику «единых фронтов снизу» за объединение рабочих), а также Бордигу за пассивное наблюдение и неучастие в сопротивлении политике Москвы.

В 1925г. Дамен был инициатором создания Комитета Соглашения (Comitato d'Intesa) для сопротивления преобразования компартии Италии в верного проводника линии Коминтерна.

В 1926г. он был отправлен в ссылку на о. Устика, где его снова арестовали и вместе с флорентийскими коммунистами осудили «за заговор против государства». Суд приговорил его к 12 годам лишения свободы, которые он провёл в тюрьмах Салуццо, Палланца, Чивитавеккья (где был организатором восстания) и Пианоза. В 1929г. Дамен был исключен из Компартии. Его освободили лишь после падения Муссолини в июле 1943г. Бывший соратник Дамена Бордига после отсидок отошёл от политической деятельности и работал инженером в Неаполе.

Дамен продолжил свою революционную деятельность и нелегально вместе с соратниками начал издавать журнал "Prometeo" (существующий до сих пор). Выступал он как против нацизма, так и против либерального антифашизма. Всему этому Дамен противопоставлял мировую коммунистическую революцию: «Рабочие! Против лозунга национальной войны, которая вооружает итальянских рабочих против английских и немецких пролетариев, мы противопоставляем лозунг коммунистической революции, которая объединяет трудящихся всего мира против их общего врага — капитализма. Prometeo №1, ноябрь 1943г.»

В то же время он основал Интернационалистскую коммунистическую партию (PCInt) (которая существует в Италии до сих пор в составе Интернационалистской коммунистической тенденции) и начал бороться с «большевистской» политикой итальянской компартии, которой руководил ставленник Сталина — Пальмиро Тольятти (прославившийся резнёй и расстрелами анархистов во время Гражданской войны в Испании). Реакция итальянских сталинистов не заставила себя долго ждать, и их боевиками в 1945г. были убиты два коммуниста-интернационалиста и товарища Дамена: Марио Аквавива и Фаусто Атти (известный тем, что во время фашистского режима тайно помогал в организации «автономных пролетарских групп», сопротивляющихся фашистским властям и призыву в армию).

Бордига к этому времени вновь вернулся к политической деятельности и вошёл в созданную Даменом PCInt, где начал продвигать авторитарную линию в конце концов приведшую к расколу и выходу из состава PCInt бордигистской группы Programma Comunista. Онорато Дамен продолжил свою революционную деятельность в составе PCInt. Умер в октябре 1979г.

В чём же состоят противоречия между линиями Бордиги и Дамена и какую пользу может принести учение Дамена современному антиавторитарному коммунистическому движению? Бордига продвигал линию так называемого «органического централизма», т.е. отказ от любых форм демократии в организации, полное подчинение «единственно верной линии» (что в конце концов привело к появлению большого количества бордигистских групп, грызущихся между собой), другой же его авторитарной ошибкой было отрицание стихийного революционного творчества пролетариата, он считал, что партия — это и есть класс. Дамен же, напротив, стоял на антиавторитарных позициях, он считал, что партия не должна захватывать власть, что именно большевистская линия в конце концов привела к чудовищному поражению пролетариата и к созданию тоталитарного монстра — СССР. Дамен считал, что захватывать власть мог только сам угнетённый класс и что единственным коммунистическими и пролетарскими органами власти могли быть только Советы, но никак не «пролетарское государство». Однако он был уверен, что без классовой коммунистической организации, которая состояла бы из сознательных пролетариев коммунистов, которая бы не была бы впереди идущим авангардом, управляющим массами, а была бы частью пролетариата, коммунистическая революция невозможна.

«Коммунистическая партия не должна захватывать власть даже для того, чтобы осуществлять её во имя пролетариата потому, что пролетариат не делегирует другим свою историческую миссию, не передаёт генеральной доверенности, даже своей партии.» (Тезисы тенденции Дамена на съезде PCInt в 1952г.)

Дамен также считал, что старые коммунистические партии (ныне полностью сталинистские и троцкистские) и профсоюзы уже не могут являться инструментами для достижения коммунизма. Они потеряли свою былую революционность и на сегодняшний день полностью интегрированы в буржуазное общество, являются его необходимыми и органичными "придатками".

Также стоит отметить, что в созданной Даменом PCInt не было ни «профессиональных революционеров», ни ЦК, ни каких либо руководящих органов, т.е. устройство организации было антиавторитарным и либертарным, т.к. Дамен считал, что революционная организация является «коммунизмом в миниатюре» и поэтому не должно быть никакого назначаемого руководства. Дамен взял из марксизма самое лучшее, но не законсервировал его, а продолжал и развивал дело своих великих учителей Карла Маркса и Фридриха Энгельса.

Николай Катин

Дамен о Бордиге — Предисловие CWO

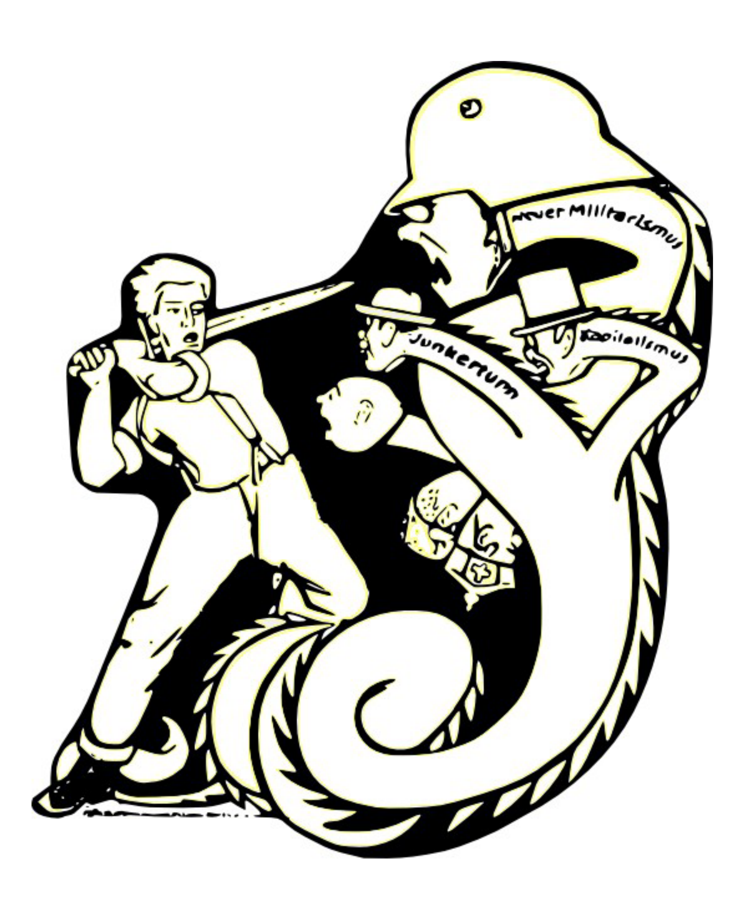
(CWO: Communist Workers' Organisation, входящая в Internationalist Communist TENDENCY)

Сегодня (21 января 2011) исполняется 90 лет со дня основания «Коммунистической Партии Италии, секции Третьего (Коммунистического) Интернационала» [КПИ] в Ливорно (январь 1921). Это дает нам подходящий повод начать запоздалый проект по переводу на английский язык коллекции произведений Онорато Дамена о вдохновителе этой партии в ее первые дни - Амадео Бордиге. Мы начинаем публикацию некролога, написанного Даменом о Бордиге после его смерти: «**Амадео Бордига — Вне Мифа и Риторики**». Как известно среди левых коммунистов, Бордига вместе с левыми были вытеснены из руководства основанной ими партии в результате маневров союза Грамши-Тольятти совместно с Коммунистическим Интернационалом, который уже превращался в проводника советской внешней политики.

Дамен и Бордига пошли разными путями после этого. Оба они попали в тюрьму на Устике (остров к северу от Сицилии), где к ним присоединился Грамши (таким образом создававший известную «партийную школу»), но после освобождения Бордига удалился в частную жизнь. Дамен продолжил бороться как против сталинистов (он был исключен из КПИ в 1933-м году), так и против фашистов, которые, то заключали его в тюрьму, то подвергали его внутренней ссылке вплоть до 1943-го. В этот период он даже организовал тюремный бунт в Civitavecchia. Именно Дамен вместе с теми, кто вернулся из изгнания из Франции и Бельгии создали в 1943-45 Интернациональную Коммунистическую Партию, единственную партию, однозначно выступившую против всех империалистических армий во Второй Мировой Войне. Изначально организованная тайно, партия выросла на волне забастовок и роста пролетарского сознания вплоть до тысяч членов во всей Италии (и с ответвлениями во Франции, Бельгии и США). Однако с началом послевоенного бума и созданием Итальянской Республики (с капиталом США в качестве крестного отца) партия столкнулась с падением числа членов. Бордига никогда не принимал все позиции партии (как Дамен ясно дал понять здесь) и, следовательно, не присоединился к ней. Теперь он считал, что любые попытки сохранить партию, которая пыталась оставаться связанной с рабочим классом, были невозможны. Он начал утверждать, что партия должна вернуться к исследовательской работе, а не пытаться оставаться в контакте с более широкой частью класса. Хотя были и другие значительные политические разногласия (по СССР, по природе внутренней организации партии, по профсоюзам, по национальному вопросу и по отношению партии и класса), это послужило началом к дебатам между ними. К большому сожалению, это закончилось расколом 1952 года и созданием Бордигистской Коммунистической Программой и Интернациональной Коммунистической Партией. Почти после 60 лет есть несколько Бордигистских Интернациональных Коммунистических Партий, каждая из которых утверждает, что является единственным представителем рабочего класса, но есть только одна Интернациональная Коммунистическая Партия (Battaglia Comunista), которая сегодня находится в основе нашей тенденции.

Мы надеемся, что публикуя больше сочинений Дамена, как мы должны сделать в этом году, мы подчеркнем тот вклад, который он сделал не только для нашей тенденции, но также и для международного рабочего класса.

Communist Workers' Organisation

Примечание переводчика с итальянского:

Нам очень помогает тот факт, что полный текст книги «Амадео Бордига — Вне Мифа и Риторики» был недавно переведен на французский язык, и скоро появится в напечатанном виде. Английский перевод был сделан на основе перекрестных ссылок французской и итальянской версий. Подзаголовки появляются только в английской версии, и сноски расширены по сравнению с французской версией (с дополнительными материалами из итальянской версии). Несмотря на это мы знаем, что некоторые аргументы могут показаться неясными для современных читателей. Мы надеемся, что постепенно сделаем их яснее, так как переведем больше произведений Дамена. А пока мы приветствуем любые комментарии и вопросы, которые могут возникнуть из уже опубликованных материалов).

Источник: leftcom.org

ПЕРЕВОД СРС

АМАДЕО БОРДИГА — ВНЕ МИФА И РИТОРИКИ

Онорато Дамен

Наша партия никогда не делала фетиш из Бордиги. Даже когда он был жив, мы открыто не соглашались с некоторыми его принципами, но в основном с тем, как его идеи были искажены многими из его эпигонов, использовавших его имя. Таким образом, наша позиция является наиболее адекватной как для того, чтобы говорить о его активистской деятельности высокого уровня и о его неустанной работе в качестве организатора, равно как и о его ограниченности.

Следовательно мы отказываемся от принятого в «некрологе» примирительного тона, от которого со своей привычкой острить отказался бы и сам Бордига, назвав это глупостью, мы намерены показать, что из его революционной теории должно быть принято и сохранено, и что, как мы считаем, не находится в исторической преемственности с международной коммунистической левой, и в частности с тем, что известно как «итальянская левая».

Чем мы обязаны Бордиге

Мы обязаны Бордиге теорией абстенционизма [антипарламентаризма—прим.СРС], тактике, сформулированной в период наихудших форм парламентаризма, основанных на патронаже, коррупции и работе «мальчиков на побегушках» в системе, проросшей на почве южноевропейского социализма. Это привело к формированию Фракции абстенционистов внутри Итальянской Социалистической Партии (ИСП), которая создала теоретико-практические предпосылки для возрождения марксисткой мысли, деградировавшей в условиях демократического вырождения, а также для серьезной борьбы против парламентаризма - основы продажной и испорченной парламентской демократии.

Мы обязаны Бордиге возрождением теоретической основы научного социализма на том фундаменте, что завещали Маркс и Энгельс, активируя лучшее, наиболее политически сознательное в Социалистической партии. Это был разгром недостатков социал-демократии, приведших партию на кресла Палаццо Монтечиторио (1), у которой был Каутский в роли Папы Римского, подменивший революцию эволюцией и диктатуру пролетариата диктатурой Джолиттейского парламента (2).

Мы обязаны Бордиге правильной теорией взаимоотношения между партией и классом, от которых зависит успех революции. Мы можем констатировать, не боясь преувеличений или противоречий, что определение этих взаимоотношений является неизменным пунктом в марксизме, представляющим собой удачный сплав опыта «Итальянской Левой» и тем, что привело Ленина к победному результату в Октябрьской Революции. И мы должны добавить, что то, что Бордига вывел для «партии и класса», не только послужило марксисткой точкой отсчета для партий, сформированных в результате Октябрьской Революции в период после Первой Мировой войны, но это по-прежнему остается классикой, и останется таковой до следующей волны пролетарских революций. Игнорировать или ослаблять эти условия, даже если это делается во имя Бордиги или в качестве некоторого неопределенного приближения к бордигизму, означало бы подрывать значение революционной партии и ее постоянную роль инициатора в рабочем классе.

Мы должны вернуться к Платформе, разработанной на съезде в Имоле (3), который создал основы для формирования Коммунистической Партии Италии на съезде в Ливорно (4), чтобы следовать за формирующими шагами партийного движения, из живого опыта которого Бордига больше и лучше, чем кто либо другой, извлек объективные и субъективные факты, чтобы разработать свою теорию взаимоотношения партии и класса.

Органический централизм? Демократический централизм? Можно было бы назвать это диалектическим централизмом, в большей согласованностью с тогдашним Бордигой, который нам представляется хоть и не лучшим, но зато самым последовательным. Поскольку диалектический централизм начинается с давления снизу, пусть и иррационального, которое получается и рационализируется руководством и возвращается к рядовым членам, чтобы реализоваться в действии конкретным политическим способом.

Приписывание теории органического централизма и её разработку Бордиге, который никогда не признавал своего авторства за ней, лишь из-за его антидемократической концепции, приведёт нас к абсурду и выставит Бордигу в нелепом свете. Он же, с другой стороны, взял на себя ответственность и не только формальную за Римские тезисы (5), которые в той части, где касаются прямой и косвенной тактики, выдвигают

явное ленинистское требование принимать в интересах революционной партии уступки, предлагаемые демократией.

Насколько важен был для него так называемый «подсчет голосов» в качестве символа демократического метода, легитимировавшего существование в центральных комитетах большинства и меньшинства, механически связанных этим голосованием? Автор этих строк помнит, как сам Бордига отреагировал на решения, принятые на последнем собрании в Неаполе. Надо было решить, распускать ли «договорный комитет» (6) по безоговорочному предложению Зиновьева, Первого Секретаря Коммунистического Интернационала. Будучи в меньшинстве, Бордига, который принял роспуск «sic et simpliciter» с чувством глубочайшей грусти, потому что это был первый раз, когда он был в меньшинстве (по его собственным словам) в левой группе, носившей его же имя. Сверх того, непочтительно, если не сказать смешно, то, каким образом «Programma Comunista» ставит Бордигу рядом с Лениным, превознося его как «реставратора марксизма на еще более высоком уровне, не благодаря его личным достоинствам, но с учетом исторической ситуации, где он устранил последнюю связь с любым остатком, даже непроизвольным, внешней или формально-лингвистической демократии».

Мы подчеркнули этот момент, чтобы показать их полную путаницу в идеях и методах. Теоретический проект бордигизма сейчас парит в небесах, не связанный с реальностью, в безумстве субъективного идеализма, вдалеке от серьезной марксистской методологии и полностью чужд работам и реальным теоретическим основам Бордиги. Тогда можно понять, почему определение и легитимизация именно органического централизма в том, как работают основные части и чем живет революционная организация, никогда не было заботой Бордиги, и не осуществлялось им на практике в его активистской жизни. Следствием этой теории является то, что вместо Центрального Комитета, избираемого на съезде посредством демократического централизма, мы бы имели, например, постоянных комиссаров, которые бы делали и отменяли бы действия, согласно критериям, оставленным в наследство от сталинизма.

Тем не менее необходимо признать, что легко заметить во многих произведениях Бордиги в его личных позициях, догадках и более или менее умных полемически оригинальных идеях такие, которые он никогда не доводил до конца каким-либо глубоким теоретическим развитием, основанным на тщательном анализе накопленного рабочим движением за его долгую историю.

Именно так обстоит дело с «органическим централизмом», который некоторые сомнительные марксистские эпигоны пытаются криво и субъективно истолковать, что как показано на практике, наносит непоправимый урон организации и верности ленинского опыта. Этот урон неизлечим.

Мы обязаны Бордиге отменой политической традиции Социалистической Партии, где программа минимум, то есть тактика, была всем, а программа максимум, то есть стратегия — ничем, сводившаяся к простым и ритуальным фразам о гипотетическом, неясном завоевании власти рабочим классом с помощью закона эволюции (теории, любимой реформистами, о «спелых грушах, которые падают сами по себе»). Любой поворот порой имеет парадоксальный аспект, где абсолютное отрицание заменяется на утверждение тоже почти абсолютное. Это справедливо и для Бордиги: термин «тактика» исчез из его работ и заменился термином «стратегия». И это производило впечатление сведения диалектики к двум фиксированным противоположным пределам, хотя для автора это было, грубо говоря, способом слома реформистской традиции в политической мысли и на практике. Постановка акцента на стратегии дала возможность для диалектического преодоления ограниченных и сиюминутных тактических вопросов о настоящем в более полное и более реальное видение стратегических событий в будущем.

Из личного опыта мы можем привести два эпизода, которые особенно значимы для понимания того как тактический момент становится диалектически действующим в рамках классовой стратегии. Мы имеем в виду установки, созданные самим Бордигой, вскоре после того как новый альянс Грамши-Тольятти выбросил его из руководства партией в Ливорно, что было мотивировано их желанием участвовать в парламентском цирке изнутри, а не снаружи, в условиях глубокой неразберихи, вызванной убийством Маттеоти (8). Это был не моральный вопрос, говорил Бордига, и речь не шла об уходе из парламента вслед за Авентинцами (9), страдающими от демократических иллюзий по поводу возможности победы на фашизмом лишь посредством буржуазной морали, оскорблённой зверским убийством и ратующей за оборону парламента как гаранта истинной демократии, или даже за защиту королевских устоев и прерогатив Савойской монархии (10). Эта линия дирижирования неохотно принималась партийным центром, медленно путём зигзагов она изобреталась и разрабатывалась в доме Бордиги и отозвалась эхом в речи Гриеко, выступавшим перед палатой депутатов – того самого Гриеко, который до сих пор оставался избранным учеником Бордиги, но который всего спустя несколько месяцев станет злейшим врагом итальянских левых (11) [как видно, остававшиеся тогда парламентские иллюзии сильно повредили рабочему движению — прим. СРС].

Эта линия оказалась незаменимой для антифашистской тактики партийного руководства. Верно следуя политике Советского государства, руководство в итоге вынудило партию встать на его сторону в грянувшей империалистической войне, криво и вульгарно обосновывая свою искажённую версию ленинской теорией империализма. Своими действиями партия подорвала собственную позицию революционной партии, отрицающей империалистическую войну и взывающую к войне классовой, – позицию, которую по сей день последовательно отстаивают только левые коммунисты.

Второй усвоенный нами тактический урок в рамках стратегической цели развернулся в самом эпицентре внутрипартийного кризиса (12). Начиная с основания партии, смысл её деятельности заключался не в критике, направленной извне на идеологическую фальшь и оппортунизм ИКП Тольятти, а в создании революционной партии внутри итальянской левой во то время, когда таковой объективно не было. Появились разногласия насчёт роли профсоюзных и фабричных организаций, которые мы считали необходимыми для революционной партии, поскольку они нужны не только для связи с рабочими массами, но и для набора кадров, способных выполнять партийные задачи – что стало бы левым социал-демократизмом, неприемлемым для партийной политики.

Бордига так и не вступил в нашу партию (13), но достаточно серьёзно сотрудничал с нами в теоретическом плане, и решил вмешаться в дискуссию. Он отстаивал точку зрения, согласно которой нужны промежуточные ячейки (профсоюзные организации), связывающие партию с классом. Они должны быть как бы ремнями передачи, без которых партия лишится способа связи с классом, организованным в профсоюзы, не имеющие ничего общего с интересами революционной партии, для борьбы за свои требования. Но наличие таких промежуточных ячеек между партией и классом обуславливает постоянную возможность партии взывать к рабочим массам на борьбу за революционные интересы. Эта борьба определяет условия существования партии, проверяет верность её установок и делает возможным её рост наравне с политическим ростом класса в целом. Через эти ячейки партия может

готовить политические рычаги и кадровый состав для участия в повседневной борьбе, тем самым расширяя и углубляя его, возводя конкретное и насущное в степень универсального. То есть это углубление и расширение объективных возможностей роста революции в надстройке.

Вмешательство Бордиги оказало мало влияния в среде товарищей, чувствующих отвращение к деятельности профсоюзов с враждебностью неофитов, но когда произошёл раскол в международной организации, произошёл и известный нам полный разворот, причём без всяких критических дискуссий, обычно вызываемых такими событиями.

Необходимо было пересказать эти два случая, чтобы показать, как осторожно Бордига со всей итальянской левой брался за решение сложной задачи создания революционной тактики как в теории, так и на практике, и развенчания мифа о недееспособном Бордиге и всех левых. В этом мифе есть доля правды, неустанно повторяемая Грамши с Тольятти во время их гнусных и беспрестанных выпадов против руководства КПИ в 1923г (14), и эта правда в том, что левые всегда однозначно отрицали тактику как таковую. Иначе говоря, левые однозначно отказывались от поддержки тактики, отчуждённой от всякой классовой стратегии – ту тактику, с помощью которой Грамши и Тольятти превратили партию в организацию компромисса, преследующую невменяемую цель мирного достижения итальянского социализма.

До этих строк мы объективно оценили оставленное нам наследие Бордиги, совокупность его мыслей и уроков. Все эти уроки были усвоены в период чуть ли не самой жестокой борьбы за всю историю революционного движения. Этот опыт несомненно коренным образом изменил итальянскую левую и партию революции. Однако наша оценка останется незаконченной, если мы не обратим внимание на объективные недостатки мысли и личности Бордиги. Нельзя об этом умалчивать по сентиментальным или оппортунистическим причинам, и следует высказать наше отношение тем трудам и установкам нашего товарища, которые идут в разрез с нашей традицией.

Недостатки Бордиги

У диалектики Бордиги не хватает глубины в силу того, что его образование базировалось на классическом научном подходе и предполагало целостное рациональное мировоззрение, в то время как социальная и тем более революционная действительность зачастую строится иррациональными импульсами(16). Метод, основанный на математических постоянных и распространённый в науке, далеко не всегда гармонирует с диалектическим подходом противоречия и движения, и это обретает немалое значение в анализе революционной политики и динамики. Нам предстоит именно в свете этого пренебрежения марксистским диалектическим методом определить несостоятельность болонского съезда 1919г. в плане определения ясности по вопросу непосредственных действий социалистической партии.

Партия практически умерла как партия революции, но зато вела бурную деятельность в качестве парламентской партии, и внутренние разногласия по этому поводу, обсуждаемые на съезде, должны были вылиться либо в резкий раскол революционного крыла с парламентским, либо в кооперации революционного крыла с существующей партийной структурой и выжиданию подходящего момента для откола. Тогдашние условия толкали на создание слаженной компартии, способной помочь пролетариату в борьбе, пока революционная альтернатива была мыслима. К 1921г. ситуация в Ливорно изменилась под натиском фашистской реакции, и пролетариат оказался в оборонительном положении. Сам Бордига, ставший тогда основной фигурой, ответственной за теорию и политическую стратегию абстенционистских левых, упустил ключевой момент для создания революционной партии в Болонье. Подобный исторический ход требовал платформы свободной от тактических промахов вроде абстенционизма возведённого в абсолют, платформы подобной ленинской платформе, объединяющей все левые силы в борьбе за пролетарскую революцию. В такой партии абстенционизм мог бы занять немаловажную роль в качестве противоядия парламентизму, но роль не решающую и не абсолютную.

Грамотный диалектический подход не ставит вопрос в ключе противоречий парламентизма и абстенционизма, а в ключе классовых исторических мотивов во всей их экономической и политической полноте. Пролетариат, класс угнетённых, против буржуазии, класса угнетателей.

Данный период личной и политической жизни Бордиги закончился выпадением левых сил из всех ключевых партийных организаций и концом главенства самого Бордиги. Однако осознание Бордигой утраты III-им интернационалом роли центра мирового революционного движения стало главной причиной его психополитической травмы, мучающей его ещё 40 лет до конца его жизни(17), комплекса неполноценности, не дающего забыть уничтожение интернациональной организации, внезапно обрушившейся на головы верящих в её силу, верящих со скорее слепой, нежели рациональной уверенностью.

Политические действия Бордиги, его постоянный отказ от политически ответственных позиций должен восприниматься с учетом этого. Многие важные политические моменты, такие, как, например, Сталинизм и конфликт Сталина с Троцким, остались совершенно без внимания. Тоже самое произошло с нашими отделениями во Франции и Бельгии, с идеологией и политикой партии Ливорно, со II мировой, и, наконец, с союзом СССР и имперских держав. Ни одного предложения, ни одного даже слова не удостоилось всё это у Бордиги, несмотря на большую сложность и большее значение этих событий по сравнению с I мировой. А ведь I мировая дала Ленину достаточно материала для марксистского анализа империализма, сконцентрированного и изложенного в «Империализме как высшей стадии...» и «Государстве и революции», анализа, ставшего опорой теоретической доктрины Октября.

Нам пришлось дожидаться окончания войны и пройти опыт фашизма прежде, чем у нас восстановился контакт с выжившими товарищами и членами организации. Сначала восстановился контакт с Бордигой, который высказал нам свои мысли о важнейших вопросах и о своих планах. Это был не тот случай когда мы просили Бордигу встать в центре партии, даже если бы его поддержка в качестве анонимного советника и сочувствующего оставалась непоколебимой в условиях неблагоприятного политического климата.

Его формулировки отличались от наших даже при одинаковом методе и анализе. Он настаивал на том, что советскую экономику лучше называть государственным индустриализмом, а не государственным капитализмом, что Октябрьскую революцию лучше называть антифеодальной революцией, и что экономика только кренилась к капитализму. Однако он говорил всё это неуверенно, и последующие его поправки это подтверждают. Но тогда зачем нужна была идеологическая маскировка, столь тонкая и столь противоречащая его прошлому и им же составленным пунктам платформы итальянских левых? Мы не хотим погрязать в психополитической трагедии, в которой главная эмоция – страх, страх перед разрывом с прошлым, созданным его сознанием, умом и творческим усилием, шедевром политической жизни, ярко прожитой в начале 20-х.

У названия «государственный капитализм» есть классовая подоплёка, а у «государственного индустриализма»

её нет. Таким образом, Бордига оставил для себя всё без изменения в приемлемом для него состоянии.

Поэтому мы считаем позитивным возвращение сейчас к тем дебатам с более зрелым и проницательным опытом, которого не могло быть у нас в 1940-е. Запоздалое и неубедительное обоснование теории государственного индустриализма всплыло очень кстати у того же автора в Programma Comunista No. 3 (February 1966). Приведём цитаты из статьи «Новый устав предприятий в России»:

«*Первое замечание: признание государственных предприятий «несущими звеньями» означает признание наличия негосударственных предприятий, и следовательно «частную» деятельность в общем смысле слова. Это подтверждает нашу критику госкапа и нашу теорию государственного индустриализма. Существуют другие звенья, другие фирмы которые соревнуются на рынке.*»

Обоснование, которое даёт сам автор не только подтверждает наш анализ, но и чётко демонстрирует факт того, что его неточность в описании природы советской экономики была его неизбежной частью. Такая формулировка была тогда полезна («тогда», потому что именно тогда обнаруживаются этому доказательства) для отрицания однозначно классовых наименований наподобие «государственного капитализма», на которых базировалась вся теория и политическая философия Интернациональной коммунистической партии со дня её основания.

Предлагаемые им теоретические изыскания граничат с банальностью, особенно если он этим стремился создать новую экономическую категорию, не виданную ранее ни в истории капиталистической экономики, ни в различных социалистических образованиях.

Однако эта фаза капиталистической экономики чётко описана в «Анти-Дюринге» Энгельсом:

«*Переход обширных учреждений по производству и распределению в собственность трестов и государства указывают на непригодность буржуазии к этой фазе. Все социальные функции капиталиста теперь исполняются наёмными служащими*» (стр.385, 1954 Москва).

Это вовсе не спор о значениях, это важнейшее политическое решение, способное направить революционную партию по верному пути вопреки всем препятствиям, возведённым в мире послевоенным обществом. Факт наличия государственных предприятий в качестве ключевых звеньев в экономической цепочке означает наличие негосударственных предприятий, и, следовательно, частной деятельности, характеризующей всю совокупность неравного развития капитализма вплоть до фазы максимальной зрелости. Это явление принадлежит также к низшей фазе социализма, усиливающей мощь «своего» госкапитализма и диалектически преодолевающей его, избавляясь от капиталистических и докапиталистических пережитков, ещё существующих в государственных предприятиях, протащенных сквозь революцию в процессе исторического развития общества.

Ленин говорил именно о таком государставенном капитализме, в котором социалистическая составляющая должна была усилиться и возобладать в условиях революционной власти диктатуры пролетариата.

Однако сущность госкапитализма, с которым нам приходилось иметь дело во время II мировой и в начале послевоенного периода, обладала совершенно иными чертами, которые нам необходимо здесь разобрать.

Сталинский государственный капитализм двигался не в сторону социализма, а в сторону укрепления традиционного капитализма в виде сильно централизованных государственных предприятий, созданных притягиванием частой индустрии весом государства, созданного Октябрьской революцией.

Во вступлении СССР во II мировую не было ни одной социалистической предпосылки, однако были тысячи предпосылок буржуазных, порождённых капитализмом с империалистическим оттенком, чему свидетельствует хотя бы Ялтинская встреча Сталина, Рузвельта и Черчилля. Исход войны дал СССР долю победных трофеев. Та же тактическая циничность ранее позволяла СССР сговориться с Гитлером (будто немецкие легионы несут социализм) и участвовать в разделе Польши, а затем сделать полный разворот и объединиться с союзниками (будто буржуазные империи могут построить социализм).

До сих пор, экономика СССР сохраняет свои основные черты, унаследованные из сталинских преобразований. Хрущёвская оттепель, в которой было больше теории, чем практики, и целеустремлённость технократов мало что изменили за исключением отдельных отраслей. Однако события оттепели и последних десятилетий вообще открывают нам некоторые интересные узлы в сети кризисов в общественной надстройке политических, экономических и военных аппаратов.

Нужно начертить чёткую линию между «ленинским» периодом и периодом «сталинским», продолжающимся с тех пор без особых потрясений.

«Ленинская» эпоха, начиная с октябрьской революции и продолжившаяся до введения НЭПа отличается рабочим госудаством, коренящимся в Советах, компартии и РККА. Пролетариат осуществлял собственную диктатуру, несмотря на всевозможные трудности и препятствия, такие как глобальное отступление сил пролетариата и провал европейских революций. Рассчитывая тактику продвижения в социалистическом направлении в перспективе, диктатура делала временные уступки классовому врагу. В общей картине «ленинской» эпохи, государственный капитализм является просчитанным риском, временным эпизодом тактического отступления ради объективных требований рыночной экономики, которые, однако, сулили немалую опасность. Рынок управлялся диктатурой пролетариата, и в нём игра спроса и предложения, функции капитала и прибыли и назначение прибавочной стоимости регулировались общими интересами самой социалистической экономики.

Эти фундаментальные причины, воспринятые революционным авангардом с момента начала вырождения, были основой его борьбы. Это с начала выражалось в открытым осуждении, а затем путём организационных и политических отколов – сначала левого крыла (18 [Фракция Интернациональной коммунистической левой]), а затем

партии (19). По ходу своего самоосознания в качестве партии, партия заново открыла революционный коммунизм и интернационализм.

Мы не прячем того, что по ходу разбора упомянутых нами проблем мы выстроили последовательную политическую линию, которая должна быть представлена на суд такой, какой она есть. Нельзя её топить в абстракциях и мистификациях.

Это была наша главная схватка, пускай и безотрадная. Отдавая должное, мы признаём за Бордигой логическую последовательность в его мышлении, начиная с молчаливого обструкционизма в центральном комитете (20) после Лионского съезда 1926г. (21) и кончая его письмом/завещанием, адресованным ни кому иному, как Террачини (22).

Наш трактат был возможно лишён сентименальности и гуманизма, но здесь для нас важна марксистская оценка исторической роли личностей, и мы уверены, что правильно растолковали значения учения Бордиги. Для него самого интересы революционного действия всегда были важнее какого-либо побочного идеологического воздействия. А последнее включает в себя и разложившийся бордигизм.

Онорато Дамен. 1970

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Палата депутатов Италии (нижняя палата парламента)

2) Джованни Джолитти (1842-1928), пятикратный премьер министр Италии между 1892-1921гг. «Твёрдая рука» в Италии в довоенные годы, он был символом прихода во власть поколения, не прошедшего через Рисорджименто - борьбу за объединение Италии. После «красного двухлетия» 1920-1921гг. он отдал фашистам 35 депутатских кресел в парламенте, таким образом дав волю крайне враждебным пролетариату силам.

3) Общенациональный съезд коммунистической фракции ИСП 28-29 ноября 1920г.

4) Учередительный съезд компартии Италии в январе 1921г.

5) Тезисы, одобренные вторым съездом КПИ в марте 1921г.

6) Создан в апреле 1925г. с целью борьбы против зиновьевской большевизации КПИ. Декларацию комитета подписали Бордига, Бруно Фортичиари, Онорато Домен, Франческа Гросси, Уго Гироне, Фортунато ля Камера, Марио Ланфранчи, Марио Манфреди, Оттрино Перроне, Луиджи Репосси и Карло Венегони. Все они были ключевыми фигурами в руководстве КПИ и в историческом левом крыле партии. Комитет был распущен при вмешательстве Коминтерна в июле 1925г.

7) Пальмиро Тольятти (1893-1964гг.) – Бывший ординовист, ушедший в лагерь сталинизма. Под псевдонимом Эрколь стал палачом рабочего класса в Испании 1936-1939гг. Стал генсектм КПИ после ареста Грамши, отправленного на острова близ Сицилии и воссоединившегося с Даменом и Бордигой. Вернулся в Италию уже как глава переименованной ИКП, оставшись на посту до смерти в 1964г.

8) Джакомо Маттеотти (1885-1924гг.) секретарь ЕСП (Единой Социалистической Партии, отколовшейся от ИСП). Был убит в июне 1924г. фашистской бандой вскоре после осуждения Муссолини.

9) 27-го июня 1924г. убийство Маттеотти послужило причиной протеста со стороны некоторых депутатов «демократической» оппозиции, которые отказались занимать свои места и назвались «Авентинским блоком» в честь плебейского восстания 449г. до н.э. против государства патрициев в древнем Риме. В течении нескольких недель правительство Муссолини стояло на грани обвала перед лицом народного негодования. Бордига и левокоммунистическое течение отвергли такой абстенционизм. Он потребовал от партии последнего рывка путём «революционного парламентаризма».
Левый коммунист Репосси вернулся в парламент и от имени КПИ осудил бандитов Муссолини. Итальянские левые считали, что хотя парламент уже перестал быть историческим инструментом рабочих, он всё ещё мог послужить средством для противодействию всем буржуазным группировкам, от демократов до фашистов. Итальянские левые хотели показать, что фашизм можно остановить лишь борьбой за пролетарскую революцию [К сожалению, сомнительный вывод — прим. СРС].

10) В 19-м веке Италия объединилась под савойской династией Пьемонт-Сардинии.

11) Руггиеро Гриеко (1893-1955гг.) сперва состоял абстенционистской фракции, но после большевизации повернулся к сталинизму. А Дамен здесь немного ошибается. В палату депутатов вернулся не Гриеко а Репосси. Луиджи Репосси (1882-1957гг.) был избран в члены исполкома КПИ в 1921г. В 1929г. был исключён из партии, так же как и Бордига, Дамен и Фортичиари после него в интервале 1930-1933гг. После войны занимался энтризмом в ИКП Тольятти. Бордига ему этого не простил и не пожелал его видеть даже при смерти.

12) В 1952г.

13) Бордига не стал всупать в ИКП в периоде 1944-1952гг. но написал череду статей «О нити времени» в издание «Прометео».

14) В мае 1924г. на тайном съезде КПИ в Комо левые всё ещё значительно преобладали над правыми и центром (Таска, Грамши). Впоследствии левых устранили от руководства в периоде 1923-1926гг. Бюрократическими мерами при поддержке Коминтерна и его агентов вроде Жюля Эмбер-Дро и Мануильского.

15) Узкая политика легализма, реформизма и постоянного соглашательства с капиталом.

16) Бордига был инженером и активно поддерживал свой интерес ко всему научному и рациональному.

17) С его исключения и КПИ в 1930г. до его смерти в 1970г.

18) Фракция Интернациональной коммунистической левой в 30-х годах печатала, помимо прочих изданий, «Билан» и «Прометео» во Френции и в Бельгии

19) Осонованная в 1943г. Международная Коммунистическая Партия.

20) Бордига отказался от речей в ЦК после Лионского съезда, так как считал эту деятельность бесплодной. Его избрали в ЦК вопреки его воле.

21) Третий съезд КПИ не состоялся в Италии и прошёл в Лионе 20-26-го января 1926г. К тому времени фракция левых уже потерепела поражение как в КПИ так и в Коминтерне. Грамши этого доблися путём запугивания работающих в партии делегатов тем, что они могут потерять работу если те отдадут голос за левых. То же самое случилось с Бордигой и Венегони, которых поставили перед выбором – либо занимать свои места в ЦК как представителям левых, либо уходить из партии. Бордигу выбрали в делегаты КПИ в шестой исполком Коминтерна (февраль-март 1926г.).

22) Умберто Террачини (1895-1983гг.) основал вместе с Грамши «Ордине Нуово». Состоял в первом исполкоме КПИ в 1921г. наряду с абстенционистами Бордигой, Репосси, Фортичиари и Гриеко. В 1947г. поддержал внутреннюю оппозицию в ИКП, которую левые восприняли лишь как его личную попытку занять место Тольятии. Письмо Бордиги к Террачини было отправлено 4-го марта 1969г.

Источник: www.leftcom.org

ПЕРЕВОД СРС

Предисловие к статье «Централизму в партии — Да! Централизму вне партии — Нет!» от CWO

(CWO: Communist Workers' Organisation, входящая в Internationalist Communist TENDENCY)

Мы приводим здесь отрывок из книги «Bordiga, validita e limiti d'una esperienza nella storia della "sinistra italiana"» («Бордига, преимущества и недостатки опыта в истории итальянской коммунистической левой») сборника сочинений Онорато Дамена, одного из главных создателей Интернационалистской Коммунистической Партии, основанной в 1943 году. Все тексты посвящены расколу, произошедшему в этой партии и приведшему в конце концов к образованию в 1951-ом году бордигистской «Интернациональной коммунистической партии» часто ассоциируемой с названием издаваемого ей журнала Programma Comunista. Далее в тексте мы будем их называть «программщиками».

Публикация работы, посвященной специфическим разногласиям прошлого, представляет собой определенную сложность, так как очевидный для нас предмет этих разногласий может быть смутно понимаем представителями молодого поколения, в особенности теми кто живет за пределами Италии. Мы попытались преодолеть эти трудности, добавив несколько поясняющих замечаний.

Амадео Бордига является всемирно известной фигурой. Его имя всегда ассоциировалось с борьбой за создание Коммунистической Партии Италии (PCd'I) после русской революции 1917 г. Дамен также был частью левого крыла Итальянской социалистической партии (PSI), но из-за тюремного заключения в послевоенные годы (за пропаганду революционного пораженчества во время Первой Мировой Войны), его роль в основании коммунистической партии была ограничена. Тем не менее оба приняли участие в Ливорнской конференции 1921-го года, приведшей к расколу PSI и формированию PCd'I. Дамен был арестован и несколько раз подвергался нападениям со стороны фашистов и государства. В 1923 году он был на некоторое время направлен Коминтерном во Францию для публикации материалов на итальянском языке для рабочих-иммигрантов. По возвращении в 1924 году, он обнаружил, что Бордига (который был арестован в 1923 году) был отстранён Коминтерном от руководства PCd'I и заменён на Антонио Грамши в рамках процесса «большевизации» (т.е. подчинение всех компартий Москве). Дамен был против такого перерождения партии, и критиковал Бордигу за практически полностью пассивное принятие подобного положения вещей (Бордига на формальных основаниях возражал, что хоть левые и имели большинство в Италии, в рамках Третьего Интернационала в целом они составляли меньшинство). Дамен вместе с Франческой Гросси, Бруно Фортичиари, Луиджи Репосси и другими организовал в 1925 году т.н. Комитет Соглашения (Comitato d'Intesa), для противодействия тому что Коминтерн навязывал Партии. Бордига подписал Платформу этого комитета, но Коминтерн и руководство Партии потребовало его роспуска. Дамен был арестован фашистским правительством и заключен в тюрьму на острове Устика в 1926 году, куда вскоре также попали Бордига и Грамши. Эти трое вскоре основали партийную школу, в которой каждый проводил занятия по экономике, политике и истории.

В конечном счёте Бордига был освобожден. И он (в 1930 году), и Дамен (в 1929 году) были исключены из PCd'I. С этого момента Бордига вернулся к своей профессии инженера и жил в Неаполе, отказавшись от дальнейшей политической деятельности. Дамен же по прежнему вёл непримиримую борьбу против сталинизма и фашизма. Он неоднократно подвергался арестам, пока его окончательно не амнистировали в 1943 году, после падения режима Муссолини. В том же году волна забастовок охватила северную Италию. И в этом же году Сталин официально объявил о роспуске Коммунистического Интернационала (для закрепления союза с США). Это чисто формальное событие (Коминтерн давно отверг курс на Мировую Революцию), Дамен использовал как призыв к созданию Интернационалистской Коммунистической Партии (PCInt.). С Бордигой контактировали, но он отказался присоединиться к новой партии по причинам, которые Дамен указывает ниже. В сущности он призвал своих сторонников войти в «Итальянскую Коммунистическую Партию*» (обратите внимание — уже не «Коммунистическую Партию Италии», рассматривающую себя как Итальянское отделение Интернационала). Партия Тольятти к тому времени уже была **национальной** Коммунистической партией, вступающей в союзы со всеми видами буржуазных группировок для восстановления парламентской демократии после войны).

Дамен продолжал бороться против сталинистов, которые, в свою очередь планировали его убийство (и действительно убили двух активистов PCInt. – Марио Аквавива и Фаусто Атти). Бордига к этому времени изменил своё отношение к деятельности Дамена, и призвал своих сторонников поддержать PCInt. Однако сам туда не вступал до момента фактического раскола, спровоцированного им в 1951 году. Дамен в своём тексте указывает на некоторые разногласия с Бордигой в отношении угрозы фашизма и классовой природы СССР, но основная тема текста — это то как партия должна быть устроена изнутри.

В тезисах представленных «Левыми» на Лионском съезде PCInt (после окончательной победы фракции Грамши-Тольятти в компартии Италии) было отмечено, что дисциплина в партии должна строиться с помощью «органического централизма».

«Решение состоит не в бестолковом росте иерархического авторитаризма, первоначальный смысл которого потерян как по причине незавершённости (при всей своей грандиозности) исторического опыта в России, так и потому что, даже в рамках «Старой гвардии», хранительнице большевистских традиций, разногласия решались такими путями, которые не могут быть признаны априорно лучшими. Но решением не будет также и систематическое применение принципов формальной демократии, не имеющей в марксизме никаких иных полезных функций, кроме как удобной иногда организационной практики.

Коммунистические партии должны достигнуть органического централизма, который максимально сближая руководство с партийной базой, естественным образом устранит любую группировку, чья деятельность способна привести к расколу в партии. Как говорил Ленин, это не может быть достигнуто формальными и механическими иерархическими методами, а только через правильную революционную политику»

Бордига (и многие другие бывшие члены Коминтерна) вернулся к этой формулироке на дебатах, которые разделили PCInt. Дамен же утверждал что «органический централизм», как его определял Бордига — это путь для установления диктатуры внутри партии. На самом деле Бордига хотел идти ещё дальше,

чем это предполагали Лионские тезисы (которые все же призывали к голосованию и «формальной демократии», если необходимо). Теперь Бордига доказывал, что партия:

«*... преследует цель восстановления связей с эксплуатируемыми массами на постоянных и более широких основах, устраняя из своей структуры одну из изначальных ошибок московского интернационала,* **путём освобождения от демократического централизма и любого механизма голосования, одновременно с очищением идеологии каждого члена от каких-либо уклонов в сторону демократической, пацифистской, автономистской или либертарной тенденции.** [наше выделение - CWO]».

Дамен не отказывался полностью от органических аспектов централизма, но повторял, что хоть демократический централизм и несовершенен, это единственный разумный способ поддержания отношений между членами всемирной пролетарской партии и её выборными руководителями, «между свободой и властью». Иными словами, решения по определенным вопросам, неизбежно должны выноситься посредством голосования членов. Он также утверждал, что этот механизм необходим партии для надлежащей подготовки её членов к революционной борьбе. Его защита демократического централизма, не имеет ничего общего со сталинизмом, который прятался за этим термином, являясь «чистым» централизмом без всякого «демократизма». Он утверждал, что презрение Бордиги к демократии в партии не только приближает его к сталинизму, но также то, что оно уже имело серьёзные последствия для его сторонников после первого раскола в 1952 году. Бордигисты успели разделиться несколько раз (в частности, как утверждает Дамен, из-за попыток сохранения органического централизма), и каждый осколок считал себя подлинным воплощением пролетарского авангарда. Один из бывших учеников Бордиги, Жак Каматт, который порвал с ним в 1966 году, чтобы основать журнал Invariance, также не признавал демократический централизм (ошибочно считая его сходным с буржуазной демократией), но отзывался еще более жестко о попытках следования «органическому централизму»:

«Центральный комитет партии или центр любой группировки играет точно такую же роль, что и государство. Демократический централизм является лишь пародией на парламентаризм, скрывающий чье-либо доминирование. А органический централизм, утвердившийся в форме отрицания, как отказ от демократии и ее формы (подчинение меньшинства большинству, голосование, съезды и т.д.), на самом деле есть лишь повторение старых ошибок в более современном виде. Это приводит к наделению организации сверхъестественными свойствами (как это делается в фашизме). Таким образом ИКП (Интернациональная коммунистическая партия) превратилась в банду. (Сентябрь 1969)» (см. «Об организации» стр. 25)

После смерти Бордиги в 1970 году, от Programma Comunista отделились не только Invariance, но и многие другие. Выросло много новых международных коммунистических партий, различимых только по их публикациям (поскольку все они сохраняют одинаковое название, и все объявляют себя истинной партией). Il Partito Comunista, например, была создана в 1974 году, Il Comunista в 1982, после «большого взрыва» в течении бордигистов, породившего ещё больше мелких групп, каждая из которых объявляла себя единственной. Дамен указывает в этом тексте, что все эти расколы являются результатом попыток подавления внутренних дискуссий посредством так называемого «органического централизма».

Communist Workers' Organisation

ПЕРЕВОД CPC

Централизму в партии — Да! Централизму вне партии — Нет!

Онорато Дамен

Для начала обратимся к вопросу о централизме, который «программщики» при всем желании, никогда не были способны в полной мере охарактеризовать как «органический». Связанный с интерпретацией наличного исторического опыта, он просто не может быть сведён к формальным и схоластическим абстракциям. Эти недалекие «левые коммунисты» утверждают, что так как в ленинском интернационале не было «истинно коммунистических партий», использование в нем демократических механизмов было продиктовано лишь конкретной исторической ситуацией. Очевидно, что тот Интернационал, который в отличие от Третьего состоит из партий «истинно коммунистических», должен использовать внутренние механизмы, отличные от демократического централизма, умершего вместе с Лениным. Мы не включаем в свой анализ то, что произошло в последствии в сталинскую эпоху, поскольку это не имеет ничего общего с пролетариатом и целями революции.

Но допускать, как это делают «программщики», возможность существования организации в состоянии химической чистоты, а также того что интернационал «истинных коммунистических партий» противостоит «неистинному интернационалу» Ленина из «неистинных партий», значит впасть в метафизику. Вместо того чтобы через призму диалектического материализма сформулировать вопросы целого ряда исторических событий, они делают поверхностные механистические умозаключения, всё более походящие на идеализм прошлого.

Предположение о том что коммунистические партии и соответствующая им международная организация могут существовать в «истинном» виде, пусть даже и выражая простое стремление к этому, не является результатом какого-либо серьёзного марксистского исследования. Это удивительно напоминает определенный мистицизм, достигший своего расцвета в канун двадцатилетия фашизма.

Конечно, Интернационал Ленина имел свои недостатки из-за незрелости исторического периода, который последовал за распадом Второго Интернационала, а также общего кризиса поразившего капиталистический мир. Каждая пролетарская организация воспроизводит, хотя и более продвинутым способом, и в обратной пропорции, особенности исторического периода, в котором она была сформирована. И совершенно

очевидно, что те негативные аспекты, которые присутствовали в Третьем Интернационале, будут присутствовать, хотя и проявляясь по-разному, в будущей международной организации, что убедительно показывают объективные условия, в которых действуют различные группы левых коммунистов, стремящихся сегодня сделать свой вклад в восстановление международной пролетарской партии.

Среди этих групп, больше всего страдает от нетерпимости и кризисов бордигистская "Communist Programme", где демократический централизм распространен в высокой степени, как видно из взрывных циклов их внутренних противоречий. Сегодня «программщики» (для полемического удобства), хотели бы отмежеваться от Третьего Интернационала, как состоящего из «мутных» партий. Но вот как Бордига ранее отзывался о ленинском интернационале, явно противореча своей нынешней позиции:

«После восстановления пролетарской теории, практическая работа Третьего Интернационала была направлена против группировок, созданных оппортунистами всех стран, путём исключения из рядов мирового авангарда всех реформистов, социал-демократов и всевозможных центристов. Это обновление происходит во всех старых партиях и является основой новой революционной партии пролетариата. Ленин своей железной рукой решал сложную задачу устранения всех слабостей и неопределенностей.»

Истинная сила бордигистов в их противоречиях!

Как может эта группа, со своей структурой аристократической и интеллектуальной элиты, со своим отфильтрованным и дистиллированным марксизмом, созданным в кабинетной тишине, а не в шторме классовой борьбы, опровергать точность того, что мы говорим? Итак, как мы можем решить, с ленинской честностью, вопрос о двух ликах централизма?

В период империализма и пролетарской революции, ни одна организация революционной партии по-видимому не может существовать, если она не построена на базе жесткой централизованной структуры. Эта особенность, вероятно, наиболее резко отличает ее от парламентских партий. Поэтому, если централизм является императивным требованием, обусловленным классовым конфликтом, то атрибуты «демократический» и «органический» означают лишь субъективные выражения полемических терминов, которые не оказывают ровным счетом никакого влияния на сущность этого централизма. И кто может с абсолютной точностью сказать, насколько широко органы, вовлеченные в централизацию, используют инструменты демократии (активное участие и контроль со стороны рядовых членов), в какой степени центры власти базируются на авторитаризме лидера и Центрального Комитета?

Для бордигистов из «Программы» данная проблема поставлена в терминах, позаимствованных из контрреволюционной практики сталинизма. Таким путём они пытались, в конечном счёте, объяснить свою странную теорию, получившую название «органического централизма». Мы воспроизвели её выше теми же словами, которыми она сформулирована.

Но мы должны прояснить раз и навсегда те отношения, которые должны существовать между центром и рядовыми членами, для того чтобы партия была построена и действовала в соответствии с ленинскими принципами. Между рядовыми членами и партийным центром существует непрерывная диалектическая взаимосвязь. В контексте теоретической и политической платформы на основе этой взаимосвязи уже подразумевается, что партийное руководство отвечает за тактические действия. Ленин ни в теории, ни на практике никогда не защищал никакой иной способ функционирования организации. И как тогда мы можем понять организационную формулу ЦК или лидера который полагается только на себя, на свои возможности, связанные с «набором» уже спланированных возможных ходов (выделение наше — Дамен) соотнесенных с не менее предсказуемыми результатами, в то время как «так называемые рядовые члены могут быть направлены с пользой на выполнение обозначенных руководством действий»?

Это означает совершенно тоже самое, что и политика ЦК при Сталине, когда все рабочие элементы были устранены из диктатуры пролетариата. Это глубокий и неустранимый разрыв между членами партии и её руководящим центром, и, как результат, поворот к открытой реставрации капитализма. Это также означает, что и ЦК российской компартии и сам Сталин были привязаны к «набору» возможных ходов, которые были хорошо спланированы заранее, и которые потом осуществлялись с одинаковой точностью как на словах, так и на деле, как мы все знаем. То, что мы осуждаем, так это катастрофические последствия, которые происходят в революционной по общему мнению партии, когда её центральный орган работает за пределами ограничений и контроля членов организации.

Но, если быть ближе к нашему опыту, гораздо чаще приходится обличать именно тех, кто постулирует или допускает это смехотворное разделение между рядовыми кадрами, призванным лишь исполнять спущенные из центра поручения и собственно центром, наделенным силами предсказания и ворожбы, что естественно, нас не слишком вдохновляет. И здесь мы имеем дело с товарищами подготовленными и с долгим членством, а потому обладающими большим опытом, уважением и доверием всей партии.

Не было ли руководство коммунистической партии Италии (PCd'I), через декларации Бордиги Коминтерну, связано набором возможных вариантов, когда оно отрицало возможность прихода к власти фашистов, как раз в то время, когда они проводили Мартовское шествие на Рим? И не была ли эта вопиющая ошибка в предвидении совершена «в соответствии с более менее предсказуемым результатом» посредством рискованной для партии тактики нападения ради нападения?

И кто сделал «научный» анализ российской экономики, указывая антифеодальный характер Октябрьской революции, после чествования её как социалистической? Разве Бордига не утверждал (в Lenin nel cammino della rivoluzione), что «Революция в России будет осуществлена рабочим классом для

самого рабочего класса»? И далее: «Советская власть победила, диктатура пролетариата, предсказанная Марксом, вышла на арену истории в своём величии».

Как мы должным оценивать того, кто, будучи самым видным деятелем партии и «левого коммунизма», отказался от членства в Интернациональной Коммунистической Партии во времена ее формирования, потому что считал ошибкой бороться непосредственно против “национальной коммунистической партии” (PCI)i, так как в партии Тольятти состояли рабочие? А затем, когда произошел наш раскол, согласился войти в PCd'I, показав, что оставшееся ему верным охвостье политически инертно и сузилось до секты невнятно повторяемых формул.
Каков был его вклад в развитие критического анализа природы второй мировой войны и роли России в этой войне в качестве крупного империалистического игрока, когда он отверг наше определение государственного капитализма, чтобы рассуждать о России как о ложной форме «индустриального государства»?
Список вопросов можно продолжить, но мы сказали достаточно, чтобы показать насколько необоснованным, сомнительным и объективно опасным является его требование поставить Центральный Комитет или ту или иную личность вне партии или над всей партией, независимо от его достоинств, навыков предвидения, задач развития нашей теории и лидерских качеств.

Ленин в своём самом решительном обличии, Ленин «Апрельских тезисов», принял отчаянное решение – «идти к матросам» вопреки ЦК партии Большевиков, чьи позиции основывались на недопонимании ситуации и компромиссах. Тогда Ленин не использовал ни органический, ни даже демократический централизм, а действовал как главная опора грядущей революции, будучи единственным, кто понял и поддержал требования рабочего класса. И это было следствием того, что он твердо стоял на классовой почве, так как мыслил и действовал в рамках классовой борьбы, имея живое предчувствие хода истории, которая учит нас, что революция любит действие и ненавидит трусов, опоздавших хотя бы на день.

В этой постоянной диалектической связи между членами и руководством партии, в этой необходимости интеграции свободы и власти, и лежит решение проблемы, которой профессиональные спорщики посвятили, вероятно, слишком много внимания.

Любая революционная партия, являющаяся таковой не только на словах, должна рассматривать проблемы классовой борьбы в нынешнем историческом контексте, где доминируют насилие и авторитаризм. Для того, чтобы все более и более превращаться в жизнеспособное орудие борьбы, она должна быть организована только на основе железного единства. Поэтому её ряды должны быть защищены от ударов контрреволюции. Революционная партия должна не пародировать буржуазные партии, а адаптировать свою организационную структуру к объективным условиям революционной борьбы.

Элементарный тактический принцип революционной партии заключается в том, что она должна брать в расчет особенности той среды, в которой она действует и следить за тем, чтобы ее члены были надлежащим образом подготовлены для выполнения своих задач. Мы не видим необходимости в разногласиях по поводу централизма. Они появляются только тогда, когда мы начинаем говорить в терминах «демократический» и «органический». Использование или, что еще хуже, злоупотребление термином «органический» может привести к авторитарному вырождению, нарушающему диалектическое отношение существующее между руководством и рядовыми членами. Опыт Ленина по-прежнему актуален, и очень важно понять что мнимое противоречие между «демократическим» и «органическим» централизмом следует рассматривать с одного и того же угла зрения.

Онорато Дамен

*Итальянская Коммунистическая Партия была создана под руководством Тольятти и была откровенно сталинистской. Его партия отбросила старое название – «Коммунистическая партия Италии» - в знак того, что у нее больше нет притязаний на интернационализм.

Источник: leftcom.org

ПЕРЕВОД СРС

Центральная часть флага интернационалистской коммунистической партии... в черно-бело-серых тонах.

Бордига против Паннекука: партия, класс и коммунизм.

Antagonism.

Амадео Бордига

Антон Паннекук

2001 год. Прошло более 10 лет с падения берлинской стены, а объявленный тогда «Конец истории» кажется теперь не просто идеологией, но не заслуживает даже упоминания. В Европу возвращается открытая война, но уже не как изолированный эпизод, а как эпидемия, подобно древней болезни, неуязвимой для современных антибиотиков. Глобальная экономика катится к кризису. Многие политические институты международного капитализма (Большая восьмёрка, МВФ, Всемирный банк) более, чем когда-либо утрачивают доверие и вызывают протесты. В то же время развитие капитала, вопреки ожиданиям многих, не привело к росту строительства всё более крупных фабрик в старейших капиталистических странах, напротив, закрываются не только фабрики, но и целые отрасли промышленности. Вследствие этого наблюдается снижение процента населения, соответствующего архетипу рабочего марксистской или синдикалистской традиции. Это привело к тому, что многие рассматривают класс, как старомодную идею. Разговоры о «партии» считаются тем более бесполезными от того, что они ассоциируются с парламентаризмом (всё больше и больше людей не участвует в голосовании, не понимает зачем это нужно и правильно делают) или с ленинизмом (в то время как большевистское наследие СССР и Восточной Европы ушло в прошлое).

Тем не менее, разделение общества на классы остаётся фундаментальным. Концентрация власти и богатства вместо того, чтобы уменьшаться, увеличивается в виде капитала, контролируемого крошечным меньшинством. Каковыми бы ни были трудовые, культурные и личностные изменения, больше чем когда-либо выросло число людей, которые могут теперь выжить, только обменивая свою жизнь на зарплату и попадая в зависимость от капризов экономики. Хотя революционное движение может также состоять из лиц с происхождением из других классов, упразднение капитализма немыслимо без массового движения класса обездоленных, пролетариата, материально заинтересованного в переменах. На данный момент, как в большинстве исторических периодов, лишь небольшое меньшинство противостоит капитализму на революционной основе. Определяют ли они себя как «движение», «организацию», «партию», или даже если они отрицают любую формальную организацию, вопрос об отношении радикального меньшинства к остальному пролетариату является краеугольным. Именно к этому вопросу обращаются Бордига и Паннекук в нижеследующих текстах.

Две статьи представленные здесь («Партия и Класс» Паннекука и «Партия и Класс» Бордиги — есть на сайте СРС), обе озаглавленные «Партия и класс» были написаны в разное время, в разных местах и представляют собой два разных и в чём-то противоположных взгляда на отношения между коммунистической организацией, сознательностью и классом. Фактически они также представляют две разных точки зрения на то, что такое класс. Эти вопросы остаются важными и противоречивыми. К ним так или иначе обращались все радикальные тенденции, по крайней мере косвенно. Это касается даже тех тенденций, что отвергают идею революционной партии. К примеру, многие анархисты классовой борьбы пытаются решить проблему, называя свою партию «революционной организацией», полагая, что изменив имя, они изгнали дьявола. После этого они могут путать свою собственную организацию с организацией класса. Итальянские и немецкие левые коммунисты имели дело с этими вопросами напрямую, но каждые по своему.

В 1921 г., когда Бордига писал «Партию и класс», как текст Итальянской Коммунистической Партии, революционеры всего мира смотрели на Россию, как на первый пример

пролетарской революции. Несмотря на то что как итальянские, так и германо-голландские левые уже расходились с большевиками в вопросах «тактики», и Ленин уже осудил и тех, и других, обе тенденции относили себя к тому же движению. К тому времени, когда Паннекук написал свою статью на ту же тему, и немецкие, и итальянские левые уже осознали капиталистическую природу «Советской» России. Тот факт, что статья «Партия и класс» Бордиги была написана в 1921 г., в его самый «большевистский» период, а статья Паннекука двадцать лет спустя, в его самый «советский» (ретекоммунистический — прим. пер.) период подчёркивает различия между этими двумя тенденциями. Это облегчает сравнение их различий, но, возможно, затемняет их скрытое сходство.

Работу Бордиги и итальянских левых можно рассматривать по крайней мере в определённой степени как один из полюсов постоянной диалектики в коммунистическом движении. Теоретический и организованный коммунизм основывает свои идеи и практику на реальном движении пролетариата в его антагонистической борьбе против капитала. Теоретический коммунизм является попыткой вынести лучшее из уроков пролетарской борьбы. Однако, эта попытка содержит неизменное противоречие. Усвоение уроков, вынесенных из предыдущей борьбы, выражается в тенденции к более последовательной теории, проявляясь в принципиальной программе. Но приверженность этой программе обязательно влечёт за собой критическое отношение к пролетарской борьбе. В результате принципиальные коммунисты всё более отдаляются от реальной борьбы пролетариата. «Бордигизм» в некоторых из своих проявлений, как принципиальное движение, основывающееся на «неизменной» программе, является одним из чистейших примеров этого полюса.

Паннекук и немецко-голландские левые представляют противоположный полюс этой диалектики, как и движения подобные «автономизму». Эти тенденции стремятся сохранить свою теорию в контакте с новейшей борьбой пролетариата и изменениями в организации капитала. К сожалению, это ведёт к постоянной ревизии политических позиций (или скорее к отказу от любой позиции), либо к иммедиатистскому (ситуативному — прим. СРС) или спонтанеистскому (основанному на спонтанности — прим. СРС) рабочизму.

Необходимо преодолеть всё фальшивое противостояние между программой и спонтанностью. Коммунизм является как самодеятельностью пролетариата, так и жёсткой теоретической критикой, выражающей и предвосхищающей её.

Происхождение левых

Если немецкие и итальянские левые в своих последних инкарнациях представляют собой два возвращающихся момента в классовой борьбе, возникает вопрос, почему так происходит. Помимо всего прочего, оба движения зародились в одно и то же время в европейских государствах, переживших революционный шок после I Мировой войны. Каковы же материальные отличия, приведшие к различиям в подходах? Итальянских и немецких левых можно рассматривать как продукт истории пролетарского движения в их странах и социал-демократических партий, из которых они вышли.

И Бордига, и Паннекук уже боролись против «ревизионизма» (реформизма) до Первой мировой войны, а голландские радикалы уже сформировали свою собственную партию. Ключевые различия между итальянской и немецкой социалистическими партиями заключались в их отношении к I мировой войне, и эти различия отражали уровень сплочённости их обществ. И Германия, и Италия относительно недавно объединились в национальные государства. Италия была относительно слабой силой с постоянно колеблющейся иностранной политикой. Это означало, что в целом в Италии отношение к войне было сильно неоднозначным. Германия была намного сильнее, располагая современной промышленной экономикой и централизованным государством с мощной армией. Поддержка военных целей государства была здесь намного убедительнее. Лидеры немецкой СДП поддерживали войну, им противостояло в первую очередь небольшое леворадикальное крыло, увеличивавшееся по мере нарастания войны. После того, как им не удалось победить во внутрипартийной борьбе, левым пришлось отколоться и сформировать свои собственные организации. Акцент Паннекука на классовом «духе», переживающем определённые организационные формы, зародился именно на этом моменте, так же как и акцент ретекоммунистов на отколах. С другой стороны, Итальянская Социалистическая Партия выступала против войны, хотя и вяло, и с постоянными колебаниями, (только диссидентское меньшинство из окружения Муссолини поддерживало её и откололось, чтобы основать фашизм). Левые откололись на организационном уровне только после принципиального раскола между революционерами и «максималистами»[1], чтобы сформировать свою собственную коммунистическую партию в 1921 г. Возможно, отсюда берёт начало упор итальянских левых на организационное постоянство и программу. Схожим образом можно различить материальные мотивы их историй в очень различном отношении к демократии. Борьба Бордиги против масонов в Итальянской Социалистической Партии, являвшихся демократическим элементом внутри партии, но ни в коем случае не марксистами, стала началом борьбы против демократии как таковой. С другой стороны, поддержка Паннекуком самых боевых рядовых борцов против ревизионистских лидеров стала исходной точкой спонтанеизма и демократизма.

Антон Паннекук

Паннекук был коммунистом из Нидерландов, активным как в голландской, так и в немецкой социал-демократических партиях, и позже в Коммунистической Партии Голландии, и в Группе Интернациональных Коммунистов. Он был влиятельным в левом коммунистическом движении, особенно в Германии, но не только. Его работу следует рассматривать как теоретизацию немецко-голландского революционного пролетарского движения, его силы и слабости, а не просто продукт интеллектуала одиночки. Труд Паннекука является примером особой, возвращающейся тенденции в радикальных движениях. Эта тенденция характеризуется такими терминами, как ретекоммунизм, рабочизм, «на самом производстве», ситуативностью и упором на спонтанности. Эти аспекты появляются снова и снова в разных контекстах и в разных движениях: в Рабочей Автономии, в ситуационистских идеях, у Индустриальных Рабочих Мира, в некоторых течениях анархизма, и в немецком, голландском и британском левом коммунизме.

Первый Интернационал заявлял, что «Освобождение рабочих может быть делом лишь самих же рабочих». Это прямодушное заявление, которого придерживаются почти все современные марксистские тенденции, но в действительности интерпретируют слегка по разному. Должны ли какие-то группы рабочих или даже отдельные работники освободиться сами, или класс должен освободиться как одно целое? Всякая ли борьба группы трудящихся может воссоздать коммунистическую программу, или развитие классовой сознательности требует более широкого обсуждения и опыта? Коммунисты советов верили в «самих рабочих» и имели тенденцию предполагать, что коммунизм скрыто присутствует во всех видах борьбы на рабочих местах. Эта вера породила набор естественных

последствий. Она сформировала основу их критики политических групп – в чём их положительная роль, если рабочие могут воссоздать коммунистическую критику в любой борьбе? Она сформировала основу их демократизма и самоуправленчества – поскольку рабочие от природы являются коммунистами, отдать власть рабочим означало уничтожить капитал. Наконец, она послужила опорой для их рабочизма – если борьба на рабочем месте является по существу коммунистической, тогда ей можно подчинить всё остальное.

В их вере в то, что рабочие станут революционерами спонтанно, чисто на основе своего индивидуального опыта и тот факт, что саму эту веру поддерживает и пропагандирует меньшинство политически активных ретекоммунистов (например) содержится основное противоречие. Концепции ретекоммунизма были разработаны не спонтанно, а через конфронтацию с Марксом, Люксембург, Каутским, Лениным, через чтение и политические дискуссии, а не только через участие в стачках или в стачечном движении. Противоречие между спонтанностью и сознательным меньшинством не переставало оставаться проблематичным для немецких левых и находило своё разрешение в ликвидации. Теория отняла у ретекоммунистов существование.

Сознательность развивается неровно; зачастую она развивается сначала у меньшинства, и это меньшинство может сыграть положительную роль, «оно вносит ясность», по словам Паннекука. Это меньшинство является «органом самопросвещения рабочего класса». Но может ли подобное «самопросвещение» быть просто переменой в сознательности, как это подразумевал он? Наверняка, оно является «озарением» также в тактике и в действии. Т.е. меньшинство, формирующее материальную партию (см.ниже), может также быть классовым лидером в смысле определения курса, который самые боевые элементы класса считают наилучшим. В этом смысле партия становится «органом класса» (Бордига) и любые различия между коммунистическим меньшинством и массами пролетариата исчезают

Партия и класс по Паннекуку

Когда Паннекук заявляет, что «Старое рабочее движение организовано в партии», ясно, что когда он использует слово «партия», он имеет ввиду в первую очередь формальные организации. Он проводит различие между партией и классом, и он не считает «историческую» или материальную партию продуктом класса.

По Паннекуку, «Рабочие должны ... думать и решать сами за себя». Но рабочие, как лица занятые на тысячах отдельных предприятий, думают, действуют и решают индивидуально, или в лучшем случае большей частью, в кружках. Только когда рабочие начинают объединяться как «класс в себе», действуя согласованно на политическом уровне, они могут начать думать, действовать и решать вопросы коллективно и последовательно, предвосхищающая коммунизм. При нормальных обстоятельствах единственный вид согласия, к которому они приходят, - это буржуазное гражданство.

Для Паннекука «классы - это объединения людей на основании их экономических интересов». Но в чём значение экономических интересов? Зачем обращаться к одному классу, к рабочим, а не к другому, скажем, к крестьянам? Или зачем делать выбор в пользу нашего класса, а не нашего пола, нации, цвета кожи или цвета глаз? Важен коммунизм, классовая борьба, антагонизмы в этом обществе, которые стремятся разрешиться в коммунизме. Класс определяется в первую очередь классовой борьбой, борьбой отчуждённых, пролетариев против отчуждающих сил: капитала, его государства, отношений наёмного труда, изоляции, и т.д.

Экономические интересы являются идентифицирующим элементом, но не определяющим; исходная точка это борьба, практический антагонизм. Ретекоммунизм совершает ошибку, ставя излишнее ударение на объективных условиях, на классе самом по себе. Остановка на этой исходной точке заканчивается рабочизмом, демократизмом и спонтанеизмом. Бордига в статье «Партия и класс» совершает противоположную ошибку, ставя излишнее ударение на субъективных условиях, на классе в борьбе, классе для себя[2]. В результате этого излишнего ударения на субъективном элементе его анализ сворачивает к идеализму и переоценке политического начала в тактике. Класс следует воспринимать в его диалектическом единстве, как класс в себе и для себя, а его экономические условия как основание для его антагонистической позиции в обществе. Положение рабочих, как элементов производства, не является определяющим моментом для классовой борьбы и коммунизма, а образует часть его материальной основы.

Паннекук указывает на ошибочную точку зрения старого рабочего движения: «Во время подъёма социал-демократии казалось, что она будет постепенно объединять весь рабочий класс ... потому что марксистская теория заявляла, что схожие интересы порождают схожие точки зрения ...». Идея, которую атаковал Паннекук, действительно была ошибочной. Она рассматривала весь «класс в себе» (определённый, по Паннекуку, экономическими интересами), который развивается в «класс для себя» (определённый своей борьбой против капитала), и поступала так формально, а не на деле, ставя во главу угла организационное единство и лишь затем единство в революционной борьбе. В реальности некоторые из тех, чьи экономические интересы лежат в плоскости коммунизма, будут оставаться контрреволюционерами до конца. Паннекук прав, рассматривая рабочий класс, как основной источник движения к коммунизму. Тем не менее, он всё ещё придерживается механистического идеала, согласно которому все трудящиеся – или все рабочие, занятые физическим трудом – станут социалистами все вместе, а это нонсенс. Паннекук атакует ошибочную стратегию, основанную на этой исходной точке, но не затрагивает саму эту исходную точку. Общество, по его словам, действительно развивается в «конфликтах и противоречиях», и поэтому революционная борьба начинается до того, как все рабочие станут коммунистами. Здесь Паннекук придерживается демократической, социологической, рабочистской точки зрения, не соответствующей реальности.

Паннекук полагает, что современные партии хотят подменить собой класс и фактически править рабочими (чему противостоит Бордига). Но Паннекук допускает возможность политических группировок «в совершенно другом смысле ... чем сегодня». Он правильно ставит ударение на необходимости классовых действий, как во время революции, так и после неё, благодаря которым буржуазия потерпит поражение и будет

гарантирована победа (с формальной партией или без неё). Он также ссылается на необходимость массового участия, как метода развития сознательности. Здесь он повторяет аргумент Маркса из «Немецкой идеологии»:

«Как для развития этой коммунистической сознательности на массовом уровне, так и для успеха самого дела, люди должны измениться на массовом уровне, и это изменение может случиться только в ходе практического движения, революции; следовательно, эта революция необходима не только потому, что правящий класс невозможно свергнуть иначе, но также потому, что класс, который свергнет её, только в революции сможет очиститься от вековой грязи и стать пригодным для построения нового общества».

Самоуправление

Одним из общих элементов коммунизма советов является требование «самоуправления предприятий» (Паннекук). Этот продукт демократического рабочизма немецких левых, является одним из слабейших элементов данного направления. Ретекоммунисты видели свою цель во взятии фабрик рабочими и их самоуправлении. Результатом стал близорукий взгляд на революцию, ищущий перемен в управлении, а не тотального преобразования общества.

Самоуправление, т.е осуществление управления предприятием самими рабочими, занятыми на нём, меняет только собственность предприятия и его менеджмент. В капиталистическом обществе, где разные предприятия действуют в соответствии с рыночными механизмами в качестве элементов единого общественного капитала, неважно является ли предприятие частной собственностью, акционерной компанией, государственным предприятием или собственностью своих работников. Точно так же иерархичность или демократичность менеджмента не меняет природы предприятия, как элемента капиталистического общества. Самоуправление становится пролетарским самоуправлением, собственной эксплуатацией. Хуже того, в качестве меры, применяемой рабочими в убыточных, неудачных компаниях для того, чтобы предотвратить их закрытие и своё собственное увольнение, самоуправление часто приводит к более высокому уровню эксплуатации, чем в обычном бизнесе. Трудящиеся «свободно выбирают» (под давлением рынка) трудиться больше за меньшее вознаграждение для того, чтобы предприятие функционировало. Самоуправление действует таким образом в качестве управленческого орудия против капиталистического кризиса. Капиталистическая природа самоуправляемых предприятий была продемонстрирована не только теоретически, но ясно выявлена тем фактом, что самоуправление время от времени применяется капиталистическими группами[3].

Проблема с самоуправлением уже поднималась Бордигой в 1920 г., хотя и с государственнической перспективы.

«Фабрика будет захвачена рабочим классом – и не только занятой на ней рабочей силой, которая была бы слишком слабой и некоммунистической, – только после того, как рабочий класс как целое захватит политическую власть. До тех пор пока он этого не сделает, Королевская гвардия, военная полиция, и т.д. – иными словами, механизм силы и подавления, которым располагает буржуазия, её политический аппарат власти – позаботится о том, чтобы разрушить все иллюзии». [4]

Практический результат перспективы самоуправления был показан во Франции в 1968 г. Движение началось с захватов университетов, которые были преобразованы революционерами в социальные пространства (а не коллективные университеты). По словам двух участников движения:

«Эскалация доходила до формирования общих собраний населения в захваченных университетах. Захватчики организовывали свою собственную деятельность.»

«Однако, люди «социализировавшие» университеты не рассматривали фабрики, как СОЦИАЛЬНЫЕ средства производства; они не понимали, что эти фабрики были созданы не занятыми на них рабочими, а поколениями трудящихся». [5]

Те, кто держался данного взгляда «поддерживали» рабочих, но были озабочены подменой деятельности рабочих своей собственной. Рабочие таким образом должны были освобождаться в изоляции, фабрика за фабрикой:

«Когда они говорили, что захватить фабрики «должны сами рабочие», «подмена» фактически произошла, но она была противоположной той «подмене», которой боялись анархисты. Активисты подменили бездействие (вернее бюрократическое действие) рабочих бюрократий, бывшее единственным «действием», которого хотели рабочие, своим собственным действием». [6]

«21 мая, на второй день захвата, перед активистами комитетов действия были захлопнуты фабричные ворота, а делегаты от профсоюзов защищали входы от "провокаторов"». [7]

В 1984-85 гг. забастовка британских шахтёров вновь подняла вопрос о предприятии и классовой борьбе как на практике, так и в теории. Аргументы группы Wildcat были следующие:

«Любая борьба на рабочем месте может попасть в ловушку корпоративности, если она остаётся борьбой на рабочем месте. ... В забастовке шахтёров ... пик наступил, когда к ним присоединился весь рабочий класс одного региона – например, защищая шахтёрские посёлки от полиции. «Территория» включала в себя рабочие места, а зачастую стратегически очень важно нарушать, захватывать и/или уничтожать их. Например, захваты рабочих мест являются важной возможностью для подрыва роли рабочего места, как «предприятия», отдельного от всего остального общества – когда на предприятие приглашают других пролетариев, кроме тех, что обычно там работают, экспроприируют ресурсы, такие как печатное оборудование и коммуникации, проводят раздачу полезных продуктов со складов предприятия....». [8]

Настоящий пик классовой борьбы происходит, когда рабочие выходят с предприятий и борются на территории общества. Примеры включают в себя Парижскую Коммуну 1871г., Кронштадт 1921г. Они находятся в резком контрасте с деятельностью всевозможных леваков, всегда стремящихся проникнуть на фабрики.

Профсоюзы, фабричные организации и советы»

Третий Интернационал считал, что рабочее движение развилось от разделения на партию, профсоюзы и кооперативы к разделению, «к которому мы приближаемся повсюду», – на партию, советы и профсоюзы. На самом деле, реальное движение в странах, где оно было самым продвинутым, в России и Германии, развивалось иначе. Реальной формой движения стало разделение на партию, советы и фабричные организации. Фабричные организации приняли форму фабричных комитетов в России, фабричных советов в Италии и Betriebsraete, а позже Unionen в Германии. Различие между фабричными организациями, с одной стороны, и рабочими советами, с другой, было смутным как в теории, так и на практике, но лучше всего проявилось в полемике Бордиги с Грамши. Грамши с энтузиазмом бросился на поддержку движения фабричных советов в Турине, приняв его за начало движения советов. Бордига подчёркивал разницу между фабричными советами, организованными на отдельных предприятиях, и рабочими советами, объединявшими весь пролетариат по территориальному признаку. Он правильно считал, что фабричные организации не смогут сыграть ту же радикальную роль, что и советы, что они не смогут преобразовать всё общество. Бордига понимал, что они обладают теми же слабостями, что и профсоюзы, такими как цеховщина, рабочизм, и поэтому, неправильно отвергал их, как в сущности новую форму профсоюзов. Это его отношение становится более понятным в итальянском контексте, где фабричным организациям было разрешено выбирать только членов профсоюзов в качестве делегатов. В Германии, где коммунисты в фабричных организациях призывали рабочих выходить из профсоюзов, было бы намного труднее сделать подобный промах.

Коммунисты советов, подобно Грамши, путали фабричные организации с рабочими советами. Фактически, в худшем случае, они принимали крайнюю форму рабочизма, которая отрицала существование пролетариата вне фабрики. «Сегодня только на фабрике рабочий является истинным пролетарием... Вне фабрики он является мелким буржуа...»[9]. С другой стороны, революционное движение после Первой мировой в Британии призывало к социальным советам отчасти из-за растущей безработицы, исключавшей революционеров с рабочих мест. Это могло повлиять на позицию Сильвии Панкхерст, призывавшей к созданию системы советов, которые объединяли бы пролетариат, включая людей незанятых на предприятии, таких как домохозяйки.[10] По контрасту с широко распространённым непониманием в отношении советов, это было важным признанием того, что они должны быть социальными и пролетарскими, а не просто рабочими организациями.

Классовый состав

Советы и фабричные организации появились в конце стадии накопления капитала, основанной на квалифицированном фабричном труде, в то время как в начале этой стадии она основывалась на массовом неквалифицированном труде.[11] Фабричные организации представляли собой одну секцию класса квалифицированных рабочих. Советы или рабочие советы, зародившиеся в русской крестьянской общине[12], объединяют пролетариат по территориальному признаку. В потенциале это самоорганизация не просто рабочих, но всего класса, включая группы частично исключённые с рабочего места, но вовлечённые в борьбу, такие как (в некоторых ситуациях) солдаты, женщины и студенты.

В лучшем случае фабричные организации были боевыми рабочими организациями; они боролись против профсоюзов, которые становились всё более консервативными и интегрированными государством во время Первой мировой войны. Они явились выражением развития «класса в себе» в «класс для себя». Советы были, по крайней мере в потенциале, боевыми организациями всего класса и образовали власть альтернативную буржуазному государству. Таким образом, они представляли собой переход от «класса для себя» к самоупразднению пролетариата, к коммунистическому человечеству.

Бордига был прав, указывая на недостатки фабричной организации. Исходя из экономических побуждений, они не могут справиться с общей задачей или стать организацией класса как целого. Однако, проводя эту ценную критику, он игнорировал и не видел то положительное, что есть в них в отличие от профсоюзов. В числе их сильных сторон были: отказ от переговоров (Unionen), слом барьеров между разными отраслями, исключение всех реакционных профсоюзных лидеров и бюрократии, объединение революционных и боевых рабочих в организацию с радикальной программой. Даже если социальное преобразование не может остановиться у фабричных ворот, борьба на поле эксплуатации остаётся центральной для подрывной силы пролетариата. Фабричные организации были сформированы радикальными рабочими в революционной ситуации и представляли собой радикальный разрыв с профсоюзами, интегрированными в капитал за годы своего мирного, фрагментарного действия.

В Германии в рабочих советах или Rat преимущество имели социал-демократы, контрреволюционная партия, нейтрализовавшая эти советы и подготовившая почву для создания Веймарской республики. В этой ситуации фабричные организации послужили основой для революционной организации. Здесь присутствует историческая ирония. Коммунистические тенденции советов появлялись там, где рабочим советам не удавалось совершить революцию и коммунисты советов как правило организовывались в фабричные организации. Возможно, по этой причине коммунисты советов путали фабричные организации с рабочими советами.

Формирование советов ни в коем случае не гарантирует успех революции. Тот факт, что советы действовали в социальной сфере, а не просто в экономической, может означать, что они даже в большей степени являлись объектом манипулирования со стороны различных политических тенденций, чем фабричные организации (хотя и последние были далеки от иммунитета к манипуляциям). В России и Германии пролетариат формировал оба типа организации (а также партии), возможно, потому что ни одна из этих организационных форм не оказалась адекватной.

Противостояние между советами и фабричными организациями, возникшее во времена немецкой и российской революций, иногда преодолевалось в определённые моменты усиленной классовой борьбы. Об этом говорят примеры борьбы, организованной массовыми собраниями, например, в Испании в период 1976-78 гг. Среди конфликтов, принявших эту форму, особенно выделяется борьба докеров в Хихоне, северная Испания между 1983 и 1985 гг. Борьба организовывалась собранием, встречавшимся в брошенном кинотеатре. Все участники борьбы присутствовали на собраниях, независимо от того, были ли они докерами, шахтёрами, студентами училищ или старыми пролетариями. Поэтому собрание действовало не только на рабочем месте, но объединяло весь боевой пролетариат в яростной борьбе в общественной сфере.

Бордига

Бордига был одним из левых лидеров Итальянской Социалистической Партии и какое-то время возглавлял Итальянскую Коммунистическую Партию. После II мировой войны и до самой смерти в 1970 г., он был связан с Интернациональной Коммунистической Партией. Его работа была больше, чем продукт частного лица, и её важность состояла в выражении самосознательного революционного движения в Италии после I мировой войны.

Во время написания статьи «Партия и класс» Бордига считал большевиков и Третий Интернационал настоящими коммунистическими партиями. Позже он противостоял политике большевизации, требовавшей механического единства, усиленного «высшими исполнительными лицами», предпочитая «органичный централизм», при котором все члены партии должны были быть активно задействованными. «Было бы фатальной ошибкой считать партию подверженной разделению на две группы, одна из которых посвящает себя изучению, а другая действию; подобное разделение смертельно для партийного организма и для отдельных борцов».[13] Ещё позже он подверг критике Ленина. Тем не менее, считая существующую формальную партию, ИКП, сущностью пролетариата, как революционного класса, он сохранял элементы большевистской позиции всю свою жизнь.

На самом деле, фактически, большевики были частью левого социал-демократического движения и заняли революционную позицию только потому, что демократический путь к власти, одобряемый большинством Второго Интернационала не был пригодным для царской России. Большевики были революционерами перед лицом русской автократии, но они сохраняли организационную и экономическую, т.е. капиталистическую программу Второго Интернационала. После Октябрьской революции они быстро заняли контрреволюционную позицию сначала против российских масс, а затем против международного пролетариата, включая революционные элементы коммунистических партий. Фактически позиция Бордиги была более подрывной, чем у большевиков, и не имеет значения, что он считал себя согласным с Лениным. Его представление о партии не следует путать с отношением чистой подмены.

Для Бордиги партия означала в первую очередь часть класса, т.е. меньшинство, а не целый класс. Позднее он подчёркивал, что партия – это орган класса, а не просто его часть или его представитель:

«*Что касается природы партии, мы утверждаем, что это «орган» рабочего класса. Утверждать, что партия это «часть», а не «орган», означает стремиться к отождествлению партии и класса в статистической манере и является симптомом оппортунистического уклона. Статистическое отождествление партии с классом всегда было одной из характерных черт оппортунистического рабочизма*».[14]

Бордига рассматривал класс как движение, а не чисто статистический факт. В этом он является последователем Маркса, который ставя в конце третьего тома «Капитала» вопрос: «Что составляет класс?», отвергает «тождественность прибыли и источника прибыли» как критерий. «*Бесконечное фрагментирование интересов и слоёв, которому разделение общественного труда подвергает трудящихся, так же как и капиталистов и землевладельцев*» в данном случае означало бы бесконечное количество классов. Отстоя далеко от социологических категорий, классы динамичны и соотносятся друг с другом. В центральном параграфе «Партии и класса» Бордига пишет:

«*Вместо того, чтобы брать – в соответствии со старым метафизическим методом – моментальную фотографию общества в некий данный момент и затем работать над ней, чтобы распознать по каким категориям следует классифицировать людей, составляющих общество, диалектический метод рассматривает историю, как кинематограф, в котором кадры сменяются один за другим; он ищет и узнаёт класс в появляющихся в этом движении персонажах. В первом случае на нас обрушились бы тысячи доводов чистых статистов, демографов... которые пересматривали бы все разделения и заключали бы, что существует не два класса, и не три, и не четыре, а их могут быть десятки, сотни и тысячи, и они поделены между собой на бесчисленные уровни с неопределёнными промежуточными зонами. Во втором случае мы столкнёмся с совершенно иными элементами для распознания ... класса, для установления персонажей, действий, конечных целей, которые конкретизируются с очевидной однородностью, посреди изменчивости мириады фактов, зарегистрированных бедным фотографом статистики в холодной серии безжизненных данных. Для того, чтобы установить, что класс существует и действует в какой-то момент истории, нам недостаточно будет узнать ... сколько было купцов в Париже времён Людовика XVI, или английских лордов в XVIII веке, или рабочих бельгийской мануфактурной промышленности на заре XIX в. Мы должны будем подвергнуть нашему логическому исследованию целый исторический период, проследить социальное, а, следовательно, и политическое движение, пусть даже с переменным успехом, с подъёмами и падениями, но искать путь, приверженный системе интересов одной части человечества, поставленной в определённое положение системой производства и её развитием*».

Для Бордиги, сознательность появляется в первую очередь в малых группах трудящихся. Когда массы брошены в действие, эти малые группы ведут за собой остальных. Физическая партия собирает в себе малые ведущие группы, радикальное меньшинство. Движению, определяющему класс, необходима партия. Однако, эта партия должна существовать физически, а не формально. Это означает, что политическое движение класса не обязательно объединяется в отдельную формальную организацию, именуемую партией, с членскими билетами, целями и приоритетами, внутренним бюллетенем. Партия может существовать, как более широкое движение, возможно, из нескольких групп, из которых все могут называться партиями, а могут и не называться. Или она может состоять из фракций этих групп, либо из неформальных связей между лицами, не состоящими ни в какой группе. Этот аспект взгляда Бордиги на партию позднее развил Каматт на контрасте с организационным фетишизмом некоторых итальянских левых групп. Ясно, что эта точка зрения очень далеко отстоит от идей Каутского и Ленина о том, что социалистическая сознательность может прийти к рабочим только «извне» от «буржуазной интеллигенции».[15]

Бордига считал, что «поражение социал-демократических партий Второго Интернационала отнюдь не означало поражения пролетарских партий вообще», но, если можно так сказать, «провал организмов, забывших, что являются партиями, потому что они перестали быть партиями». То есть, формальная партия перестала быть физической партией. Этот феномен вернулся опять с вырождением коммунистических партий.

В большинстве ситуаций члены радикального меньшинства не все объединены в одних и тех же организациях. В период, последовавший за российской революцией, различные группы меньшинства на деле стремились сплотиться в одной формальной партии. Декрет Третьего Интернационала о том, что «в каждой стране должна быть только одна коммунистическая партия» формально выразил эту тенденцию. Однако, вслед за вырождением российской революции и

победой контрреволюции в Западной Европе, эта тенденция к сплочению обратилась вспять. Российская партия всё больше поддерживала правое крыло различных национальных секций Интернационала и стремилась к соглашению с капиталистическими силами, в особенности через альянс с социал-демократическими партиями. Левое крыло этих партий, иногда большинство их членов, с тех пор стремилось к отколу от компартий и формированию левокоммунистических групп. Коммунистические партии перестали быть революционными группами и стали сталинистскими, капиталистическими партиями. Физическая партия состоит в диалектических отношениях с классовым движением и не может продолжать существование в качестве массовой организации вне массового движения. Формальные партии вырождаются по мере отлива движения и радикальному меньшинству приходится реорганизовываться в качестве фракций или отдельных организаций. В некоторых аспектах, Бордига близок к Паннекуку в этом вопросе:

«*Организация пролетариата – его самый важный источник силы – не следует смешивать с современными организационными формами … Природа этой организации является духовной – не менее, чем всё преобразование пролетарской ментальности*». [16]

В некоторых пунктах оба вторят мнению Маркса:

«*Лига, как Сообщество Друзей в Париже и сотни других ассоциаций, были всего лишь эпизодом в истории партии, которая прорастает повсюду из почвы общества... Под термином «партия» я подразумеваю партию в великом историческом смысле*». [17]

Бордига описывал развитие партии следующим образом: она рождается из динамичной деятельности класса. Когда она сформирована, она концентрирует революционную сознательность и волю класса. Отсюда партия ведёт класс за собой, используя другие организации просто как переходное звено. В прогрессии данного аргумента отношение партии к классу соскальзывает от продукта динамики, к эссенции, к доминированию, одним словом, к большевизму. Диалектическое единство между классом и партией, очевидное в начале процесса, в конце его уступает дорогу обычной иерархии и цепной команде. Несомненно, централизованная, дисциплинированная организация является основным элементом для некоторых моментов, как, например, при организации восстания.[18] Бордига, однако, заходит слишком далеко, считая централизованную форму главной формой партии. Физическая партия является продуктом класса и только таковым может оставаться. Нарушение двустороннего взаимодействия между пролетариатом и партией, и его замена монологом партии, сигнализирует о вырождении партии.

Рабочая демократия и пролетарская диктатура

Бордига указывает на то, что интересы класса не всегда одинаковы с интересами одной секции или отрасли. Поэтому интересы класса могут быть выражены только объединённым радикальным меньшинством, представляющим все категории. Это и есть партия. Партия объединяет все тенденции класса, как на социальном уровне, объединяя различные категории, так и на географическом, объединяя различные местности.

Однако, Бордига не вдаётся в подробности о том, как должно произойти это объединение. Фактически формирование класса, как класса и как партии, может повлечь за собой непоследовательность, противоречия и конфликты между различными секциями пролетариата на основе оплаты, квалификации, занятости или незанятости, разделения труда по половому признаку, «расы» и т.д. Эти сложные, но жизненно важные проблемы политической реструктуризации класса были основным фокусом автономистского марксистского движения. Различные способы, применяемые разными секциями пролетариата в борьбе за свои интересы, передают их опыт и отстаивают их потребности внутри более широкого класса, как и против капитала, постоянно бросая вызов признанным истинам «революционной теории». Вклад различных «автономистских» течений был существенным, но также проблематичным, поскольку их готовность противостоять любой «ортодоксальности» рискует также полностью оторваться от классовой основы.[19] В любом случае, классовое единство может быть только продуктом борьбы, а не проблемой статистической репрезентации.

Если только меньшинство класса осознаёт своё положение, интересы и революционную цель и обладает волей к достижению этой цели, тогда большинство класса не обладает этими атрибутами. Демократическая точка зрения хотела бы отдать власть в руки большинства класса, не обладающего ни классовой сознательностью, ни революционной волей. Но, как утверждал Маркс в «Немецкой идеологии»:

«*Идеи правящего класса в любую эпоху являются правящими идеями*», а «*правящие идеи являются ни чем иным, как выражением доминирующих материальных отношений, понятых, как идеи; то есть отношений, которые делают один класс правящим, а следовательно - это идеи его доминирования*».

Отсюда демократическая власть, даже демократическая рабочая власть отдала бы всю власть в руки капитала. Коммунизм отрицает рабочую демократию и власть рабочих, он поддерживает только движение своего класса. Коммунистическое меньшинство, то есть физическая партия, стойко борется за реализацию коммунизма.

Бордига считал внутрипартийную дисциплину противоядием от вырождения. Это отношение было очень неправильным, как это было выявлено вырождением и большевистской партии, и Итальянской Коммунистической Партии. Эта ошибка была удивительной в Бордиге, который правильно утверждал, что «революция не является организационной формой». Фактически гарантий против вырождения не существует. Если революция терпит неудачу, тогда массовые организации (партия, совет, фабричная организация) не могут неопределённо сосуществовать с капиталом, не приспосабливаясь к нему и не поглощаясь им в конечном итоге. Формальной партии остаётся выбор между предательством, деградацией до незначительной секты или роспуском. Никакая внутренняя дисциплина не поможет избежать этого. Создание дисциплинированной, централизованной партии далеко не предотвращает скатывание партии к контрреволюции, а на практике просто снабдило контрреволюцию дисциплинированной, централизованной партией.

Бордига отрицал синдикалистскую (и ретекоммунистическую) веру в экономические организации, как демократическую. Он также указывал на то, что децентрализация является буржуазной (потому что отдельные предприятия являются особенной формой капитализма). Организация рабочих в профсоюзы приемлема как для демократической, так и для фашистской буржуазии в теории и на практике.

Противодействуя чрезмерному акценту на экономической борьбе, Бордига вместо этого ставит ударение на политическом акте революции, разрушении буржуазного государства и его замене диктатурой пролетариата, которую он определяет как форму государства. Но коммунизм критичен к политике как на практике, так и в теории. Маркс:

«*Чем более развито и более осознанно политическое сознание у нации, тем больше пролетариат растрачивает свою энергию – по крайней мере на начальной стадии движения – в бесполезных, тщетных восстаниях, потопляемых в крови. Из-за того, что он мыслит в политических терминах, он считает волю причиной всех зол, а силу и свержение определённой формы государства универсальным лекарством. Доказательства: первые выступления французского пролетариата. Рабочие Лиона представляли свои цели как чисто политические, они считали себя солдатами республики, в то время как в действительности они были солдатами социализма. Так, их политическое сознание не позволяло им видеть корни своей социальной нищеты, оно фальсифицировало их интуитивное понимание своей реальной цели, их политическое сознание обманывало их социальные инстинкты*». [20]

Коммунистическая критика политики брала истоки в реальной ситуации пролетариата:

«*общество, из которого исключён рабочий, является обществом в совершенно иной реальности и с другими целями, чем у политического общества. ... Общество, из которого его исключает собственный труд, является самой жизнью, физической и духовной жизнью, человеческой моралью, человеческой деятельностью, человеческим наслаждением, человеческой натурой*». [21]

Именно чрезмерное внимание Бордиги к политическому повлекло за собой недостаток интереса к текущей классовой борьбе и в результате привело, например, к неудачам в адекватной критике профсоюзов. Бордига видел революцию в первую очередь как передачу государственной власти от буржуазии к партии. Любое реальное социальное преобразование должно было начаться только после этого. На контрасте германо-голландские левые стремились к передаче власти на фабриках от боссов к рабочим, игнорируя вопрос государства. Все левые коммунисты видели лишь одну сторону медали. Ни государственная власть, ни рабочий контроль не являются реальным основанием для общественного преобразования. Революция - это превращение общества в общину, развитие классовой борьбы через экспроприацию всего общества, преодоление отчуждения, для которого централизованная политическая атака на государство есть лишь один из актов, хоть даже и решительный. Пролетариат стремится не к правлению государством (отвергая государственническую интерпретацию «диктатуры пролетариата») и не к правлению предприятием (отвергая самоуправление), но к упразднению своих собственных условий существования, а значит и самого себя, как класса.

Маркс о классе

Кажется, что как итальянские, так и немецкие левые в представленных здесь текстах принимают только одну сторону диалектического взгляда на пролетариат в анализе Маркса:

«*Смешение капитала создало общую ситуацию для этих масс, общие интересы. Эта масса уже является классом против капитала, но ещё не для себя*».[22]

Класс, определяемый общими интересами, существует как объект, как фактор капитала, но также с интересами, отличными от капитала и противостоящими ему. То есть, пролетариат (потенциально) противостоит скорее капиталу, чем буржуазии. Это было важно в анализе Советского Союза, общества без капитала, но и без (местной) буржуазии, как таковой. По словам Бордиги:

«*нас заботит крайне развитая форма капитала, а не капиталист. Этому директору не нужны определённые люди*».[23].

Маркс продолжает:

«*В борьбе, в которой мы заметили только несколько этапов, эта масса становится объединённой и утверждается в качестве класса для себя*».

Только в классовой борьбе пролетариат становится субъектом, как исторический персонаж, только тогда он действительно существует в качестве активного фактора общественного развития. Разница между «классом в себе» и «классом для себя» аналогична той, которую проводили итальянские автономисты в своём анализе рабочей силы (производственного фактора) и рабочего класса (политического состава). Французские «ультралевые» проводили схожее различие между рабочим классом (на этот раз как фактором капитала) и пролетариатом (как революционным субъектом). Эти различные терминологии явно не сопоставимы, но реальные тенденции пролетариата тем не менее отражены в обоих случаях.

Класс объективно определяется как те, кто отделён от средств добывания жизненных потребностей, и те, у кого нет иного выбора, кроме как постоянно продавать свою жизнедеятельность, чтобы добыть их.

«*Рабочая сила является таковой из-за состояния отчуждения от средств производства (включая средства на жизнь, как средства производства самой рабочей силы) и потому, что это отчуждение можно преодолеть только путём продажи рабочей силы владельцу средств производства*». [24]

Бордига резюмировал это условие фразой «безрезервный», чтобы указать на воспроизводство пролетариата и цикличное динамичное воспроизводство нищеты. Рабочие получают зарплату, может быть, высокую зарплату, но как только они потратят эту зарплату, они возвращаются к первоначальному состоянию неимения другого источника проживания, помимо продажи собственной жизнедеятельности:

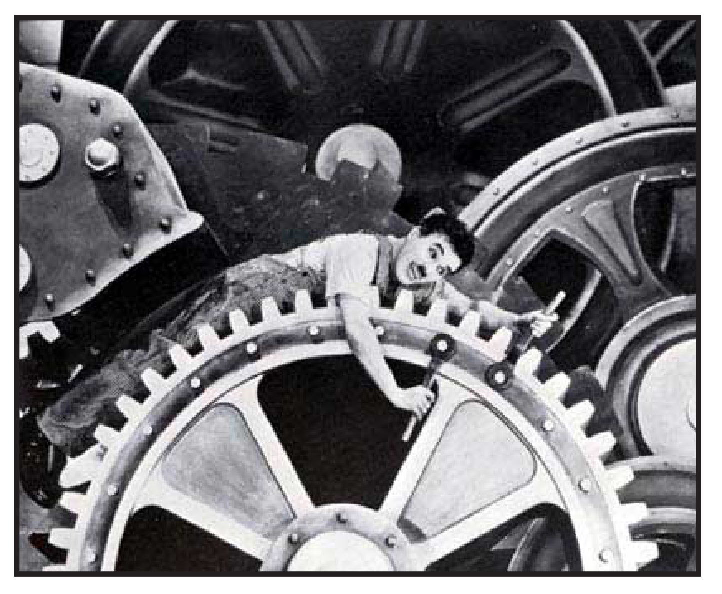
«Со своим примитивным накоплением капитализм опустошает кошельки, дома, поля и магазины и превращает всех в попрошаек, голодранцев, безрезервных, без-собственников в огромном количестве. Он превращает их в «наёмных рабов» в Марксовом понимании. Нищета [miseria] возрастает, а богатство концентрируется из-за непропорционального роста в абсолютном и относительном количествах пролетариев без собственности, которые каждый день должны зарабатывать себе на пропитание. Экономический феномен не изменится, если когда-то зарплата некоторых из них в определённых профессиях, в определённых странах позволит им публичный дом, кино и, радость из радостей, подписку на Unita.[25] Пролетариат не обеднеет, если понизится зарплата, и не обогатится, если зарплата повысится, а цены упадут. Он не богаче, когда работает, чем когда у него нет работы. Кто бы ни попал в класс наёмных рабочих [salariata] – абсолютно беден». [26]

Понимание богатства и нищеты как чего-то иного, чем чистый уровень потребления предполагает ситуационистский анализ «новой нищеты», существующей среди пролетариата в современном обществе вместе с холодильниками, цветными телевизорами и отпускными путёвками.

Маркс утверждал в «Введении» к «Критике философии права Гегеля», что «*пролетариат ... образован ... из народных масс, выходя из острого расслоения общества, особенно в рядах среднего класса*». Это утверждение о происхождении пролетариата из среднего класса увязывается с комментариями в «Экономических и философских рукописях» об отчуждении рабочих от продукта своего труда.

«...человек воспроизводит себя не только интеллектуально, в своём сознании, но активно и реально и поэтому может созерцать сам себя в мире, который сам создаёт. Отбирая у человека объект его производства, отчуждённый труд отбирает у него его биологическую жизнь...»

Идея, что рабочие создают себя в процессе создания своего продукта почти непостижима в действительно современном обществе. Большинство рабочих почти не видит тот продукт, что они коллективно создают. Там, где они на деле напрямую вовлечены в его производство, разделение труда так сильно, что у них не остаётся места для утверждения собственной личности в производственном процессе. Так не было в дни Маркса. В то время мелкобуржуазных производителей собирали вместе, чтобы они производили в качестве пролетариев для одного мануфактурного капиталиста. Или же мелких буржуа или мануфактурных рабочих собирали вместе в новом общественном учреждении фабрики. Этот новый пролетариат, выходя из расслоения общества среднего класса, действительно напрямую ощущал на себе отчуждение от продукта своего труда, которым ранее он владел бы сам, но которым теперь завладел капиталист. Из этого можно увидеть значение отчуждения, опережающее простое обнищание Марксовой теории. Отчуждение до сих пор остаётся ключевой предпосылкой существования пролетариата, но сегодня принимает всё более острые формы. В наши дни рабочий отчуждён от своего продукта до такой степени, что он едва узнаёт свой собственный продукт. Процесс воспроизведения себя через свой продукт сам по себе стал почти чуждой концепцией. Она принадлежит другому миру.

В 21 веке

В обсуждении статей, написанных в 20-е или 40-е, каким бы важным и каким бы символичным не было реальное классовое движение, есть определённые ограничения. Конечно, можно смотреть на различные тенденции и пытаться выйти за них, но нельзя игнорировать, что они являются выражением ушедшего времени. Капиталистическое общество получило громадное развитие за те десятилетия, что прошли с тех пор, когда его анализировали итальянские и немецкие левые как количественно, так и качественно. Можно отметить многочисленные отличия в отношении войны, телевидения, транспортных средств, развития социал-демократии, истории «Советского» Союза, конца колониализма. Важной чертой последних двух десятилетий, обладающей особенным значением, является развитие «новой экономики» гибкого производства, флексибилизации, рост временного и контрактного труда и общее уменьшение трудовых гарантий. Капитал ввёл эти изменения для того, чтобы оптимизировать эксплуатацию труда на короткие сроки.

Естественным последствием этих изменений в организации труда вместе с другими социальными, культурными и политическими переменами является снижение самоотождествления рабочего со своей работой, уменьшение сознательности производителя. В наши дни, по крайней мере в таких странах, как США и Великобритания, люди всё реже считают себя «фабричными рабочими», или «печатниками», или даже «рабочими». Рабочие реже находят смысл в своей профессии или промышленной отрасли. Вместо этого более чем когда-либо рабочие рассматривают работу просто как средство к существованию. Случайность была представлена капиталом как способ ослабления своей «ответственности» перед трудящимися, но в результате рабочие также гораздо меньше отождествляют себя, пусть критично, со «своим» боссом или «своей» работой. Таким образом, капитал уже начал разъединять то, что называлось «рабочим классом» или даже «пролетариатом» (если говорить в частично социологическом смысле). Если это так, то как быть с «партией и классом» и «диктатурой пролетариата»?

Коммунизм всегда стремился к упразднению всех классов через самоупразднение пролетариата. Капитализм, став универсальным, всегда стремился к разъединению классов (мелкой буржуазии, крестьянства, аристократии и т.д.). Разъединение классов в социологическом смысле продолжается не в рабочем классе и буржуазии, но в растущем пролетариате и растущей пролетаризации человечества, противостоящего капиталу и его функционерам (главным исполнительным лицам, директорам, высшим государственным чиновникам и т.д.), становящихся всё менее незаменимыми, как люди. Любая попытка возродить лицо рабочего класса, гордость рабочих ценностей, позитивную сторону труда будет консервативной и антикоммунистической. Коммунизм всегда был движением тех, кто был ничем, но должен стать всем, отчуждённых, которые могут освободиться только освободив всё общество.

Заключение

Бордига и Паннекук теоретизировали высшие моменты пролетарского движения в Италии и Германии. Тактические промахи Бордиги (например, в вопросе о профсоюзах), также, как и его сильные стороны (такие, как критика демократии), являются продуктом пролетарского движения. Незавершённость критики итальянских левых и необходимость модифицировать её при помощи тезисов голландских и немецких левых являются последствием национальной основы их опыта и той особенной формы, которую приняла классовая борьба в Италии. Схожим образом тексты Паннекука, анализировавшего движение в Германии и бывшего основным теоретиком КРПГ, не следует рассматривать, как идеи частного лица, но как средство выражения движения рабочего класса Голландии и Германии. Несмотря на весь свой интернационализм, ИКП не прошла через ту же классовую борьбу, что немецкое движение и поэтому не выработала той же теории, особенно в отношении профсоюзов. Эти тактические несоответствия фактически подтверждают теорию Бордиги о партии. Партии необходимо объединять пролетариев из всех секций класса и синтезировать все радикальные тенденции класса. Национальная основа ИКП и КРПГ послужила основой для их теории, включая её ограниченность.

Изучение этих двух тенденций, которые были одними из самых радикальных в двадцатом веке, указывает на то, как преодолеть эти ограничения. Коммунизм не является ни «властью рабочих советов», ни диктатурой авангардной партии и не зависит ни от какой другой предопределённой организационной формы. Коммунизм не является ни «самодеятельностью рабочих», ни «программой», но пролетарской самодеятельностью, экспроприирующей или воссоздающей коммунистическую программу. Важна не организационная форма, но именно те, кто организован в ней; существенно важна коммунизация, коллективная экспроприация и преобразование человечеством жизни, как целого, отчуждённого ныне капиталом. Но вопросы, обсуждённые здесь: организация (партия, профсоюз, совет), сознательность, класс, не могут быть разрешены на теоретическом уровне. Можно изучать теорию, разработанную классовым движением прошлого, но только будущее движение сможет разрешить или преодолеть дилеммы поставленные Паннекуком и Бордигой.

«*Коммунизм для нас не состояние дел, которое следует установить, не идеал, к которому должна приспособиться реальность. Мы называем коммунизмом реальное движение, упраздняющее нынешнее состояние вещей. Условия данного движения берут начало в предпосылках, существующих сегодня*».[27]

Отрицание существующей борьбы ради чистоты принципа есть отрицание коммунизма, отрицание революции. «*Каждый шаг реального движения является более важным, чем дюжина программ*».[28]

Революция не есть реализация в действительности утопий, живущих сейчас только в литературе или в человеческих умах. Это не проявление некоего абсолютного принципа или принципов. Коммунизм есть созидание человечества, созидание, которое уже происходит, разворачивается перед нашими глазами. Пролетариат не просто «учится» в борьбе, которую он создаёт. Эта борьба, коренящаяся в потребности, сама является ключевым элементом коммунистического движения, преобразованием общества и сознания. Паннекук и Бордига, несмотря на свои слабости, несмотря на перемену обстоятельств за годы прошедшие с момента написания этих текстов, сохраняют своё значение именно потому, что они смогли выразить реальное движение своего времени.

Примечания:

[1] В Италии в то время, термин «максимализм» означал реформистов с революционной идеологией. По контрасту в России максимализм был революционной тенденцией.

[2] Эта ошибка была исправлена после II мировой войны в анализе пролетариата, как класса «без резервов», например, в работе «Марксизм и Нищета». См. ниже.

[3] См. «Lip и самоуправляемая контрреволюция», Negation, там есть длинная дискуссия о политике и политическая экономия самоуправления.

[4] Seize Power or Seize the Factory?

[5] F. Perlman & F. Gregoire, Worker-Student Action Committees.

[6] ibid.

[7] ibid.

[8] Wildcat, Outside and Against the Unions

[9] O. Rühle, From the Bourgeois to the Proletarian Revolution

[10] B. Winslow, Syliva Pankurst, Sexual Politics and Political Activism

[11] S. Bologna, Class Composition and the Theory of the Party at the Origins of the Worker's Council Movement

[12] J. Camatte, Community and Communism in Russia.

[13] A. Bordiga, Considerations on the party's organic activity when the general situation is historically unfavourable, 1965

[14] A. Bordiga, 1926, Intervento alla commissione politica per il congresso di Lione. A slightly different translation of this passage appears in Gramsci, Political Writings 1920-1926.

[15] See Lenin's What is to Be Done?

[16] Pannekoek, Massenaktion und Revolution, 1912, in Bricaner, p126

[17] Marx to Freiligrath, 1860

[18] Например, The Wilhelmshaven Revolt где содержится отчёт очевидца организации советов на флоте в строго централизоваaной манере.

[19] Тенденция, связанная с журналом Race Traitor проделала важную работу. См. How the Irish Became White, Ignatiev. Ещё одна интересная тенденция – Wages for Housework, особенно S. James и Dalla Costa. Они обладают той же силой, в тщательном изучении конфликтов внутри пролетариата, и теже слабости в излишнем внимании к собственной группе интересов.

[20] Marx, Critical Notes on the Article "The King of Prussia and Social Reform. By a Prussian"

[21] ibid.

[22] Marx, The Poverty of Philosophy

[23] Bordiga, Doctrine of the Body Possessed by the Devil

[24] Marx, Capital, volume II, chapter 1

[25] The Communist Party daily paper

[26] Bordiga, Marxismo e Miseria

[27] Marx & Engels, The German Ideology

[28] Marx, Letter to Bracke, 1875

Antagonism.

Источник: libcom.org

ИНДИВИДУАЛЬНОЕ ДЕЙСТВИЕ

Антон Паннекук

Поджог рейхстага Ван Дер Люббе (голландский коммунист — прим. СРС) показал значительное расхождение мнений по данному вопросу. В печатных органах некоторых левых коммунистов (Spartacus, De Radencommunist) поджог одобрялся как акт коммунистической революционности. Одобрение означает желание повторения. Вот почему необходимо в полной мере оценить полезность данного поступка для дела революции.

Вероятно, подобное применение огня могло бы неким образом напугать или ослабить правящий класс - буржуазию. Здесь же на это рассчитывать не приходится. Буржуазия ни в коей мере не была затронута поджогом рейхстага; её господство ни на секунду не пошатнулось. Напротив, для правительства это был удачный повод значительно усилить репрессии против рабочего движения. Отдаленные последствия этого еще дадут о себе знать.

Но даже если подобный акт и смог бы затронуть или ослабить буржуазию, единственным результатом было бы возобладание в рабочей среде представления о том, что подобные действия могут неким образом содействовать делу освобождения трудящихся. Правда в том (и трудящиеся должны это признать), что только массовое выступление рабочего класса как единого целого способно сокрушить буржуазию. Эта основополагающая истина революционного коммунизма в данном случае скрыта от них. Самостоятельность действий трудящихся как класса будет подорвана. Вместо того, чтобы сконцентрировать все силы на пропаганде в среде рабочих масс, революционное меньшинство расточит свои силы в индивидуальных актах террора (пусть даже и выполняемых преданной делу многочисленной группой), так и не сумев поколебать господство буржуазии. С её значительными возможностями к репрессиям буржуазия легко выйдет на след этой группы. В истории редко можно было наблюдать группу революционного меньшинства, проводящую акты террора с большей преданностью, жертвенностью и энергией, чем русские народовольцы полвека назад. Иногда даже казалось что серией хорошо организованных атак народовольцы смогут опрокинуть царизм. Но французский детектив, привлеченный для борьбы с террором вместо неумелой русской полиции, благодаря уже своему энтузиазму и западной организации, преуспел в разгроме террористов за несколько лет. Лишь только массовое движение спустя годы свергло царизм.

Но имеют ли все-таки подобные акты индивидуального террора какую-либо ценность как протест против избирательной возни, уводящей трудящихся от подлинной борьбы? Лишь тот протест имеет ценность который возникает из твердой веры, производит сильное впечатление или развивает сознательность. Но кто поверит что рабочий, уверенный, что защищает свои интересы, голосуя за социал-демократа или коммуниста, выразит сомнения по поводу избирательных процедур лишь только потому, что кто-то там поджег рейхстаг? Этот смехотворный аргумент подобен тому, что сама буржуазия делает для освобождения рабочих от веры во всесильность Рейхстага, решив его распустить, отменив результаты голосования.

Немецкие товарищи заявляют, что это может быть явлением однозначно положительным, так как вера рабочих в парламентаризм получит первоклассный удар. Бесспорно. Но нужно ли наивно доверять подобным примитивным схемам?

Демократические иллюзии в данном случае будут лишь рождаться из другого источника. Когда нет права на всеобщее голосование или в случае бессилия парламента завоевание «настоящей демократии» предстает для рабочих перспективной целью, за которую только и стоит бороться. В действительности только систематическая пропаганда объясняющая реальное [негативное — прим. СРС] содержание парламентаризма и классовой борьбы, имеет непреходящую ценность.

Может ли все-таки индивидуальное действие быть сигналом, приводящим массы в движение, показывая

радикальный пример? В истории было множество примеров, когда индивидуальные действия в напряженные моменты были подобны искрам, вспыхивающим у пороховой бочке. Но дело в том, что пролетарская революция не может имеет ничего общего со взрывом пороховой бочки. Даже если коммунистическая партия пытается убедить себя и весь мир в том, что революция может начаться в любой момент, надо понимать, что пролетариат всё еще должен особым образом организоваться для борьбы в массе своей. Такого рода идеи скрывают в себе определенный буржуазный романтизм. В прошлых буржуазных революциях, буржуазия и те кто стоял позади неё противодействовали господству сюзеренов и их деспотическому гнету. Покушение на таких персон, как король или министр могло служить сигналом к восстанию. Сегодняшнее представление о том, что личный пример может привести массы в движение предстает не более чем буржуазной концепцией вождя: не лидера выбранной партии, но лидера, объявившего себя таковым, и своими действиями указывающего путь пассивным массам. Пролетарская революция не имеет ровным счетом ничего общего с подобным романтизмом старых времен: класс, приводимый в движение серьезными общественными силами, - вот источник всех инициатив.

Но масса, тем не менее, состоит из индивидуумов, и действия массы состоят из определенного числа действий людей её составляющих. Вот именно здесь и раскрывается ценность личной инициативы. Оторванный от действий масс, отдельный акт индивидуума, полагающего, что он может осуществить в одиночку нечто грандиозное, - бесполезен. Но как часть массового движения, личное действие имеет высочайшую важность. Рабочие в борьбе это отнюдь не полк идентичных марионеток, служащих лишь бездумным орудием воплощения в жизнь великих идей. Но сформированное силами различной природы движение, сконцентрированное на пути к общей цели. В форме такой организованности отвага храбрейших найдет свое время и место для выражения, когда ясное понимание остальных будет вести рабочей класс к цели, не теряя при этом достигнутое. Более того, в растущем движении подобное взаимодействие сил и действий имеет огромную ценность, когда оно сопровождается ясным пониманием, вдохновляющим рабочих и развивающим в них боевой дух. Но тогда понадобится гораздо больше упорства, отваги и смелости, чем для поджога парламента.

Антон Паннекук

Источник:
http://libcom.org/library/the-personal-act-pannekoek

ПЕРЕВОД СРС

ОБ ИНСУРРЕКЦИОНИЗМЕ

Время от времени в левой и псевдолевой среде поднимается вопрос о необходимости немедленного перехода к вооруженной борьбе. Причины таких настроений понятны. К ним толкают полное банкротство легалистских оппозиционных партий и профсоюзов, невыносимые условия жизни при современном русском капитализме, условия, от которых у любого честного человека сжимаются кулаки, нарастающее ужесточение политического режима в России, лишающего надежды на парламентский путь к социализму даже видимого правдоподобия; и в то же время отсутствие массового радикального протеста, отсутствие массовой борьбы, которая стала бы действительной альтернативой фикциям о парламентском пути к социализму.

Акции греческих повстанческих анархистов («инсуррекционистов»), как может казаться, указывают правильный путь борьбы сторонникам социальной революции, и могут в будущем оказать какое-то влияние на какую-то часть этих сторонников в России.

Мы не достаточно знаем ситуацию в Греции, поэтому не будем давать советы греческим анархистам, в этой статье пойдет речь только о применимости данной тактики в современной России.

Прежде всего, следует подчеркнуть, что вооружённая борьба – дело очень серьёзное, и даже самое серьёзное – за него платят кровью, жизнью и смертью, своей и чужой. Как нельзя играть в восстание, так нельзя играть и в вооружённую борьбу и в террор. Тут нужно всё тщательно обдумать и семь раз отмерить, прежде чем отрезать. Попытки играть в такие методы в надежде, что ничего за это не будет и всё как-то обойдётся – всегда кончались катастрофами и трагедиями (последние тому примеры – это истории разных радикальных сталинистских групп в России и в Украине в последнее десятилетие – НРА, «Одесское дело» и.т.д.).

Мы не пацифисты, мы знаем, что эксплуататорская система удерживается насилием и насилием же будет низвергнута. Более того, огульное, всегда и для всех случаев осуждение индивидуального террора – неправильно. Понятно, например, что в обстановке открытой гражданской войны или назревшей уже революции истребление вражеского руководства представляет собой необходимый и полезный метод борьбы. Поэтому здесь мы будем говорить не о вреде индивидуального террора вообще, а о вреде и бессмысленности его в конкретных условиях современной России.

В истории революционной борьбы индивидуальный террор был либо оружием относительно сильного и укоренённого в какой-то части масс революционного движения («Народная Воля», ПСР, RAF, Красные Бригады, иранские федаи 1970-х годов и.т.д.), либо делом отчаявшихся одиночек, не повлиявшим на массы и не имевшим полезных для революции последствий (например, выстрел Каракозова или акты отдельных французских и американских анархистов конца XIX начала XX веков). Террор второго типа является на самом деле способом героического самоубийства и только. Моральное осуждение его мы оставляем либеральным буржуа, но понятно, что он лежит вообще в другой плоскости, чем какая-либо политическая стратегия.

Относительно же первого типа следует сказать следующее. Можно долго диспутировать был ли иной путь у народовольцев или у Красных Бригад, но понятно, что сделать то, что они делали, они смогли лишь благодаря тому, что пользовались значительной и активной поддержкой, если не самых широких народных масс, то во всяком случае наиболее мыслящей и активной части народа.

В рабочих, студенческих и военных организациях «Народной Воли» состояли сотни людей (в одной только офицерской организации – 200 офицеров), по подсчётам крупнейшего историка Народной Воли Н.А. Троицкого, численность партии доходила до десяти тысяч человек. Численность сочувствовавших и помогавших (дававших деньги, квартиры, адреса для переписки, информацию и.т.д.) была ещё больше.

Численность Красных Бригад доходила до 25 тысяч человек, причём на одного боевика, жившего в подполье и участвовавшего в вооружённых акциях, приходилось 20 человек, в таковых акциях не участвовавших, но опять-таки дававших деньги и прочее, распространявших издания КБ, ведущих устную пропаганду и.т.д. и.т.п.

По социологическим опросам среди немецкой молодёжи «Горячей осени» 1977-ого года, 20% опрошенных сказали, что поддерживают RAF. 1/5 молодёжи, при опросе высказавшая поддержку организации, ведущей вооружённую борьбу с правительством, – это, на самом деле, огромная цифра.

Без такой массовой, сочувствующей и активно помогающей среды никакая действительная вооруженная борьба невозможна. Есть ли такая среда в России?

Любой, кто не хочет принимать желаемое за действительное, признает, что нет. Поэтому понятно, что любые попытки вооружённой борьбы обречены оставаться террором отчаяния. Более того, далеко не факт, что таковые попытки будут адекватно восприняты массами, и что эти массы поймут, чего же хотели люди, пытавшиеся героическим самопожертвованием всколыхнуть болото. У современного же левого движения просто нет развитых механизмов коммуникации с массами, средств своей контрпропаганды, альтернативной информации, позволяющих объяснить всё это массам...

В 1892 г. в США по приказу управляющего концерна «Карнеги» Фрика была расстреляна забастовка сталелитейщиков – десятки рабочих погибли. После этого молодой американский анархист Александр Беркман и его подруга анархистка Эмма Гольдман решили убить Фрика. Поскольку были они низкооплачиваемыми пролетариями, денег на покупку хорошего оружия у них не было. В итоге всяческих ухищрений Беркману удалось приобрести плохой револьвер с тремя патронами и нож. Из-за плохого качества оружия Фрик был только ранен. Беркману дали 14 лет тюрьмы, которые он и отсидел.

Но трагедия была не в этом. Беркман был одиночкой, и, кроме его подруги Гольдман, не сумевшей объяснить правильность того, что он сделал, даже большинству американских анархистов, с ним никого не было. В результате, те самые рабочие за которых он пошёл на 14 лет в тюрьму, и за которых был готов пойти на электрический стул (что несомненно ждало его в случае успешного нападения), искренне верили, что он был нанят самим Фриком с целью вызвать посредством бутафорского покушения на последнего сочувствие к расстреливателю рабочих в американском обществе.

Большая часть российских пролетариев, скорее всего, подобные акции воспримет примерно так же – либо как действия каких-то сумасшедших, либо как следствие обыкновенных разборок в правящем классе, либо как обыкновенный бандитизм. Один левый активист, работающий пролетарием физического труда, пытался объяснить своим товарищам по профессии, что участники Одесского дела, осуждённые за экспроприации, являются политзаключёнными и грабили они ювелирные магазины и обменные пункты не ради собственной наживы, а ради дела Революции. В ответ он услышал что «этим сказкам нельзя верить, что такое «экспроприация», мы не знаем, а вот бандитов и грабителей сейчас много развелось». На этом разговор и закончился.

Можно идти на самопожертвование, на смерть и муки, если это станет полезным для дела и будет способствовать пробуждению сознания широких масс. Но заведомо напрасная жертва означает только бесполезную гибель революционных борцов, разгром революционного движения и ведёт к деморализации.

Есть и другие аспекты проблемы. Вооруженная борьба – это не «угар», которым заниматься весело и за который ничего не будет. Классовый враг никак не гуманнее и не дурнее нас, и по своей готовности к насилию заведомо превосходит самых свирепых из революционных террористов. Если уже сейчас в Центре «Ы» избивают и пытают людей за распространение листовок, то за акты вооруженной борьбы пытать будут по полной программе.

Абсолютно неуловимых боевиков не бывает. По подсчётам некоторых историков, в царской России подпольщик мог продержаться до двух лет, дальше следовали либо арест, либо эмиграция. Свести потери от ударов врага до возможного минимума можно только как посредством умелой и тщательной конспирации, так и психологической готовности боевиков к смерти и мукам, ради того, чтобы не выдать товарищей. Отсутствие обоих этих качеств обрекает ведущее вооружённую борьбу подполье на скорый и страшный провал.

Для людей сколько-нибудь знающих состояние убогого левого движения в России, понятно, что в нём нет ни того, ни другого. Все друг друга знают, знают, кто чем занимается, «палево» в публичном пространстве – заметим не под пытками, а просто от разгильдяйства – паспортных фамилий, мест работы и.т.д. других активистов даже не считается чем-то зазорным. А относительно готовности к смерти у большинства левого актива...Очевидно, что это последнее, о чём они думают.

В истории «Народной Воли» есть пример, когда Желябов совершенно неудачно взял в метальщики бомб в царя 19-летнего Николая Рысакова. Для Рысакова покушение на царя было чем-то вроде «угара» в современном сленговом смысле. О том, что его за это неминуемо ждёт виселица, он не удосужился подумать, и к смерти был совершенно не готов. В итоге, хотя его, вроде бы, и не пытали ничем, кроме обещаний скорой виселицы, он выдал всех кого знал. От виселицы, впрочем, это его не спасло.

Но Рысаков был одним из очень немногих исключений в «Народной Воле», сейчас же исключениями являются как раз обратные случаи. Сверх того, современные методы допроса сильно отличаются от таковых в «идиллическом» XIX веке. О том, что ждёт участников сколь-нибудь серьёзных попыток вооружённой борьбы, можно судить по Одесскому делу.

По этому делу было арестовано 11 человек. Пытали всех – пытали так, что Сергею Бердюгину изувечили внутренние органы, и он умер в страшных муках, будучи даже в момент последней агонии прикован кандалами к тюремной кровати. Алексееву сказали, что если он не напишет, что ему прикажут – тогда изнасилуют его девушку, арестованную по этому же делу – Нину Польских. Её действительно стали насиловать на его глазах. После этого Алексеев подписал всё, что от него требовали, а затем он, улучив момент, выколол себе карандашом глаз. Остальным было нелегче.

В итоге один из арестованных, Анатолий Плево, больше всех других до этого трещавший о пользе «крови и железа», уверовал в господа и даже перевыполнил то чего от него хотели палачи, – наговорив больше того, чем им было надо. И только Игорь Данилов, знавший, на что шёл, вёл себя как настоящий революционный герой.

Игорь Данилов

Мы не хотим рассказывать ужастики, но история Одесского дела и пыток его участников, должна быть известна всем, мечтающим об «угаре», чтобы не повторилась история с Плево.

Без навыков конспирации и даже без понимания необходимости конспирации вообще, без понимания, что решив заняться этим делом, ты должен смотреть на себя как «смертник в отпуску», за сколько-нибудь серьёзными попытками в этом духе неминуемо последует провал. Скорый и всеохватывающий.

…В начале 1866 года московский революционный кружок во главе с Николаем Ишутиным вёл интенсивную деятельность и имел множество планов. Были завязаны контакты с рабочими металлургического завода под Калугой, устанавливались некоторые контакты с крестьянами, велась социалистическая пропаганда в воскресных школах для взрослых. На подходе была организация подпольной типографии.

Однако двоюродный брат Ишутина, активист кружка Дмитрий Каракозов, будучи тяжело больным, и, считая, что жить ему осталось не долго, захотел умереть красиво и для пользы дела решил убить царя. Большинство активистов кружка ничего про эти планы не знало, и к тому, что будет дальше, было абсолютно не готово. Несколько человек, которых Каракозов посвятил в свои планы, отговорить его не сумели. В итоге Каракозов неудачно выстрелил в царя 4 апреля. Хотя, он ни в чём не признался, и даже отказался назвать своё имя, жандармам удалось узнать, кто он такой. В результате были установлены его контакты и все они были арестованы. Активисты кружка Ишутина были готовы идти за свою деятельность в ссылку и, быть может, на каторгу, к весьма реально замаячившей перед ними виселице большинство из них готово не было. В результате арестованные, за исключением нескольких человек, признались во всём, и выдали все свои контакты из числа не входивших в их кружок активистов. В итоге все грандиозные планы кружка ухнули в тартарары, и более того вся тогдашняя революционная среда – остатки революционного подполья начала 60-х годов - была полностью уничтожена. И воссоздавать её начнет через три года совершенно новое поколение.

История каракозовского покушения должна служить для всех предостережением – как не надо действовать. Вызванная чисто субъективными причинами акция одного человека, акция, к которой движение было абсолютно не готово, привела к полному разгрому всего движения.

Нам могут сказать, что из искры может разгореться пожар, что акции маленьких групп активистов могут всколыхнуть народ и поднять его на борьбу и что в результате таких акций мы получим соответствующую революционную среду, активно сочувствующую и помогающую вооружённому подполью.

Мы, как сторонники материалистического понимания истории, считаем, что народ поднимается на борьбу не только и не столько под влиянием революционеров, сколько в результате объективных причин: невыносимых экономических противоречий капитализма и тупо-жестокой политики буржуазного государства, перекрывающей пролетариям все иные пути борьбы за свои интересы и за своё человеческое достоинство, кроме пути революции. Искусственно революцию не вызовешь…

Через три года после разгрома революционного движения в 1866 г., известный революционер Нечаев попытался сразу создать из только возникающей новой революционной среды боевую революционную организацию. У него ничего не вышло – и выйти не могло. Подобная организация могла возникнуть лишь в результате органического развития движения, перехода его от самых простых методов борьбы и организации к всё более сложным. В ходе подобного органического развития приобретались навыки конспирации, опыт организационной работы, вырабатывалась психология мученичества и самопожертвования. Настоящая боевая революционная организация – «Народная Воля» стала результатом этого органического развития.

Не умея делать простых вещей – не сделаешь и сложные. Тот, кто не умеет всего-навсего контролировать свою речь, наверняка не выдержит под пытками. Не умея организовать самые простые и безопасные нелегальные акции, подпадающие под административку, лучше не пытаться делать то, что попадает под УК. Невозможно перескочить через этапы, естественный путь развития должен быть пройден.

Именно в ходе такого развития, в ходе нахождения и воспитания новых кадров, участия их в пролетарской борьбе, там и тогда, когда она происходит, или инициирования такой борьбы там и тогда, когда это станет возможно, будет приобретаться опыт организационной работы, будут вырабатываться навыки соблюдения безопасности, будут отсеиваться ненадёжные элементы, будет вырабатываться культура революционного самопожертвования.

Насколько в будущем будут адекватны методы борьбы, подобные народовольческим и краснобригадовским, зависит не столько от нас, сколько от соотношения классовых сил вообще.

СРС

ТЕЗИСЫ ОБ «ИНСУРРЕКЦИОНИЗМЕ» И ВООРУЖЁННОЙ БОРЬБЕ

1 Мы – не пацифисты. Эксплуататорское общество держится на насилии, и только насилием оно может быть низвергнуто.

2 Выступая за революционное, массовое и классовое насилие, мы не отрицаем в принципе использование тактики революционного насилия со стороны революционного меньшинства.

3 Не отрицая в принципе тактику революционного насилия со стороны революционного меньшинства, мы в то же время не считаем возможным, необходимым и допустимым использование данной тактики всегда и при всех обстоятельствах. Использование этой тактики – не дело принципа, но дело практической целесообразности.

4 Чтобы не было недоразумений, мы подчеркиваем, что в данной резолюции речь идет не обо всех видах революционного насилия, но именно об инсуррекционизме. Самооборона (против бонов, копов и т.п.) или участие в массовых насильственных выступлениях трудящихся типа Междуреченска – это другой вопрос.

5 Акты революционного насилия, как и любые сознательные человеческие действия, должны применяться лишь в тех случаях, когда приносимая ими польза превышает приносимый ими вред.

6 Польза от актов революционного насилия может быть двоякая – это либо непосредственный вред, наносимый ими классовому врагу, либо их пропагандистское влияние на массы. Именно потому, что он не отвечает данному критерию, инсуррекционизм должен быть осужден.

7 Акты, приписываемые гуляющей по Интернет-среде молвой инсуррекционистам (вроде поджога предназначенного под снос помещения милиции) являются, если называть вещи своими именами, мелким символическим хулиганством, за которое светят большие реальные сроки. Никакого реального ущерба классовому врагу они не приносят, а все нынешнее социально-революционное движение настолько слабо, что не смогло бы использовать для дела социальной революции и реальный ущерб классовому врагу.

8 Пропагандистский эффект от актов «пропаганды действием» – это отнюдь не праздное одобрение завсегдатаев интернета, а содействие прояснению классового сознания угнетенных масс, объяснение им на фактах причин их бедственного положения и доказательство того, что сопротивление возможно.

Чтобы воспылать ненавистью к полиции и к банкирам, трудящиеся массы не нуждаются в пропаганде действием в виде летающих в отделения полиции и банков фейерверков. Этой ненависти, порождаемой каждодневными ужасами капиталистической эксплуатации и государственнического гнета, у масс и так хватает в избытке. Чего трудящимся не хватает – так это ясного понимания причин их бедственного положения и путей выхода из него, а равным образом основанной на фактах уверенности, что борьба возможна. Поэтому все усилия сознательных революционеров должны быть направлены на повышение сознательности масс, на пропаганду, а равным образом на создание революционной организации, которая сделала бы успешную борьбу возможной.

9 Если польза от инсуррекционистских актов нулевая, то вред от нее может быть огромен.

10 Без эффективного пропагандистского аппарата, способного довести смысл совершаемых акций до широких масс и, более того, без ясного понимания значительными слоями анархо-движения необходимости увязки своих действий с реальным состоянием масс, все эти акции будут выглядеть в глазах широких масс – если вообще станут известны им! - как действия сумасшедших и странных групп неформальной молодежи, ищущей экстрима и угара. Это будет способствовать закреплению контркультурного образа социально-революционного движения и замыканию сторонников социальной революции в собственном гетто.

11 Есть и другой – весьма важный! – аспект проблемы.

Ни для кого не секрет, что современные Россия и Белоруссии – это полицейские государства, что нормы поведения судов и полиции весьма далеки от стандартов буржуазной демократии. Вероятность, что за участие в актах революционного насилия будут пытать, пытать страшно, и на участников подобного рода действия обрушится вся тяжесть карательного аппарата буржуазии, эта вероятность приближается к 100%. Неспособность думать о реальных последствиях собственных действий, неспособность реально оценить собственную неготовность действовать в условиях жестких и систематических репрессий классового врага – это не проявление революционного героизма, а обыкновенный страусизм.

12 Инсуррекционизм часто привлекает неопытных молодых людей, не знакомых с текущей ситуацией и методами борьбы в таких условиях. Обычно ими являются подростки, не готовые к длительной систематической работе, а желающие эффективными, по их мнению, методами выразить свой протест. Недостаточный уровень конспирации и неготовность к ответной реакции государства делает этих людей легкой мишенью для репрессивных органов. Необдуманное участие в инсуррекционистской деятельности по примеру «более опытных товарищей» или иностранных активистов может навсегда испортить людям жизни и отвернуть их от участие в социально-революционном движении. Не исключено, что часть из этих молодых людей всё равно ушла бы со временем из движения, но так же вероятно, что некоторые из них, осознав тяжесть стоящих перед нами задач и выбрав адекватные им методы борьбы, стали бы нашими товарищами.

13 Современное социально-революционное, анархистское и вообще «левое» движение России и СНГ в целом с точки зрения готовности к работе в условиях жестких репрессий представляет собой очень грустное зрелище. Паспортные фамилии, места жительства и работы большинства активистов широко известны в левацком движении, а слухи о причастности того или иного активиста к актам инсуррекционизма широко гуляют по анархо-среде. Практически ни у кого нет реальных навыков конспиративной работы, ни у кого нет материальных средств, без которых никакая конспиративная работа невозможна, у значительной части активистов нет даже понимания необходимости соблюдения элементарных навыков безопасности, а равным образом нет категорического запрета на предательство – умри под пытками, но не выдавай товарищей, как нет и понимания недопустимости совершения по собственной инициативе актов, моральную и физическую ответственность за которые будет нести все движение.

14 В этих условиях игры в инсуррекционизм означают верный путь к скорому разгрому всего социально-революционного движения – подчеркнем, всего движения, а не только группочек, решивших поиграть в восстание, забыв, что восстание – вещь самая серьезная во всей революционной борьбе.

15 Разгром социально-революционного движения, находящегося сейчас в самых ранних стадиях, будет иметь, кроме всего прочего, контрпропагандистский эффект, став доказательством, что никакая эффективная борьба невозможна и что сторонники социальной революции в своей практической деятельности являются такими же никчемными банкротами, как парламентская и внепарламентская красно-коричневая оппозиция (внепарламентская ее часть тоже играла в восстание в октябре 1993г.), анархо-реформисты, троцкисты и т.д. и т.п.

16 Тупиковость нынешнего упадочного капитализма все больше и больше осознается наиболее думающей и недовольной частью трудового народа. При крайней слабости сторонников социальной революции настроения этой части народа уходят в поддержку разных буржуазных радикально-оппозиционных партий, различных ультраправых групп, экзотических религиозных сект и т.д. и т.п. Если мы не сможем убедить эту часть народа, что все бедствия общества являются следствием господствующей в нем общественной системы упадочного периферийного капитализма, и не могут быть решены иначе, как путем уничтожения последнего, если мы не сможем донести до общественного сознания нашу альтернативу безгосударственного коммунизма как цели и всеохватывающей социальной революции как средства, то взрывы народного протеста, которые в более или менее длительной перспективе неизбежны, будут подчинены и перенаправлены различными буржуазными силами – либералами, фашистами и т.д.

17 Исходя из всего этого, угарным перспективам в духе слов героя старой советской комедии «украл-выпил-в тюрьму», мы противопоставляем серьезное отношение к делу и приоритет – для данного времени – упорной и кропотливой работы по социально-революционному просвещению думающей части народных масс, по созданию действительной революционной организации, что подразумевает, в том числе, выработку и строгое соблюдение навыков безопасности.

18 Подобное направление работы, очевидно, не является вечным на все времена, и, как было сказано выше, не означает осуждения необходимой самообороны или отрицания участия в массовых насильственных выступлениях трудящихся.

Союз революционных социалистов

Красноярская группа анархистов

Платформа СРС

Мы – **социалисты**, и мы – **революционеры**.

Мы – социалисты, потому что мы убеждены, что человеческое достоинство, человеческая свобода и счастье могут быть обеспечены только в бесклассовом, бестоварном и безгосударственном обществе, в обществе, где война всех против всех сменится товарищеским сотрудничеством, в обществе, где освободившиеся от проклятий старого мира люди станут хозяевами собственной судьбы.

Мы – революционеры, потому что мы убеждены, что социализм может быть достигнут только действием и борьбой самого угнетенного класса, что его не создадут никакие спасители сверху – «ни бог, ни царь и ни герой», что он может быть достигнут лишь всеохватывающей освободительной социальной революцией самого угнетенного класса, революцией, в ходе которой угнетенные устанавливают власть своих общих собраний.

Борясь за всемирную социальную революцию, мы продолжаем дело всех героев и мучеников освободительной борьбы угнетенных классов прошлых времен – от повстанцев Спартака и Степана Разина до установивших на короткое время свою власть во время Великой Российской Революции 1917-1921гг. рабочих Петрограда и крестьян Гуляй-Поля; продолжаем дело таких революционных организаций прошлого, как Международное товарищество рабочих (Первый Интернационал), Северорусский и Южнорусский рабочие союзы, Индустриальные рабочие мира, Союз эсеров-максималистов, Партия левых эсеров, Коммунистическая рабочая партия Германии и Всеобщий рабочий союз Германии – Единство, Рабочая федерация аргентинского региона и других революционно-социалистических организаций прошлого. Продолжаем дело таких идейных традиций, как революционные течения марксизма, левое народничество и пролетарский анархизм.

Наш революционный социализм есть продолжение этих великих революционных течений прошлого при снятии их устаревших ошибок и недостатков. Мы не только продолжаем старое, но мы – и это самое главное – начинаем новое, стремимся создать революционное движение, которое доведёт до победы вековую борьбу угнетённых классов за своё освобождение. Являясь сторонниками материалистического понимания истории, мы развиваем его и переводим на новую стадию, основываясь на фактическом материале истории и новейших достижениях науки. Мы создаём революционное движение и революционную теорию, адекватные современному состоянию классовой борьбы пролетариата.

Мы считаем:

1. Общество, где свободное развитие каждого является условием свободного развития всех – это коммунизм, общество без частной собственности, классов, государства, наемного труда, денег и товарного производства, общество не конкурентной борьбы всех против всех, а товарищеского сотрудничества. Победа этого общества является возможной и необходимой. Необходимой, потому что только при этом обществе человечество не погибнет от вызванных капитализмом катастроф и сможет развиваться дальше; возможной, потому что современные производительные силы позволяют уничтожить первопричину классового деления общества – разделение труда на организаторский и исполнительский.

2. Переход к коммунизму может быть осуществлен только посредством революции, осуществленной пролетариатом – угнетённым классом капиталистического общества, лишенным политической и экономической власти.

3. Революция означает разрушение восставшими пролетариями буржуазной государственной машины (бюрократии, милиции и т.п.) и коллективную экспроприацию ими капиталистической собственности, всеохватывающую социализацию производства.

4. Разрушив буржуазную государственную машину, пролетарии не должны передоверять свою власть никому. Вся власть должна принадлежать общим собраниям трудящихся. Увеличение свободного времени позволит каждому непосредственно принимать участие в управлении обществом.

5. После революции все производство должно управляться общими собраниями трудящихся и ориентироваться на удовлетворение человеческих потребностей, что будет следствием социализации производства.

6. Во всех странах современного мира независимо от разницы их политических форм – господствует диктатура капитала в форме диктатуры буржуазного государства. Парламентская демократия есть лишь замаскированная форма этой диктатуры. Любые попытки трудящихся играть по правилам, установленным их угнетателями, ведут лишь к поражению и деморализации трудящихся. Поэтому освободительное движение пролетариата не может поддерживать какую-то одну из буржуазных группировок против другой, не может отстаивать одну форму диктатуры буржуазии против другой (демократии против фашизма) и не может участвовать в выборах в органы буржуазной власти, в выборах, которые для угнетённых означают лишь смену их хозяев.

7. Исторический опыт показывает, что национальное неравенство и национальный гнёт являются неизбежным следствием существования национального буржуазного государства, выдвижение лозунга о праве наций на самоопределение и поддержка «национально-освободительных» движений не способны привести к уничтожению национального неравенства и гнёта, а лишь превращают трудящихся в пушечное мясо в войнах буржуазных клик. Единственное средство уничтожения национального неравенства и гнёта – это разрушение всех национальных государств, уничтожение всех границ и установление безнациональной власти общих собраний, при которой будет возможно свободное и равноправное развитие всех этнических и неэтнических культур.

8. В современном мире профсоюзы являются конторами по продаже особого товара – рабочей силы, приводным ремнём от буржуазии к пролетариату, инструментами подчинения пролетарской борьбы интересам буржуазии. Все попытки преобразования существующих профсоюзов или создания новых радикальных профсоюзов обречены на неудачу и ведут лишь к деморализации имеющих подобные иллюзии, трудящихся. Наша задача – объяснять людям труда, как входящим, так и не входящим в профсоюзы, что освобождение угнетенных может быть лишь делом самих угнетенных, пролетариям бесполезно надеяться на партийных и профсоюзных чиновников, на парламентскую возню и хождение по судам. Освободительная борьба класса пролетариев – это борьба методом прямого действия (забастовки, перекрытия дорог и т.п.). Именно в ходе такой борьбы угнетенный класс воспитывает в себе чувство солидарности и классовую сознательность, приобретает навыки самоорганизации и самоуправления, необходимые для совершения революции.

9. В современных условиях единственными эффективными формами организации и освободительной борьбы пролетариата являются возникающие в ходе подъёма классовой борьбы общие собрания трудящихся. Создание революционной организации соединяющей борьбу за конкретные требования, уже выдвинутые общими собраниями трудящихся, с борьбой за социальную революцию является нашей целью.

10. Так как в СССР и подобных ему странах власть принадлежала эксплуататорскому классу государственной буржуазии, а трудящиеся оставались лишенными власти и собственности наемными рабами, эти страны не были социалистическими, но являлись обществами государственного капитализма, наёмного труда и господства товарно-денежных отношений. Все организации, выступающие за реставрацию существовавших в СССР порядков, хотят лишь замены одной формы эксплуатации на другую, и являются врагами освободительной борьбы пролетариата.

11. Социализм невозможен в одной отдельно взятой стране или группе стран, а возможен лишь как мировая система, как результат мировой социальной революции. Ликвидировать мировую систему капитализма, систему эксплуатации человека человеком можно только совместными усилиями сознательных и организованных представителей всех угнетённых классов всех или большинства стран мира.

12. Патриотизм сегодня есть реакционная идеология господствующего класса, которая поддерживает эксплуататорский строй, систему наемного рабства. Долг каждого сознательного пролетария бороться с патриотизмом и шовинизмом в любой его форме. Пролетарии не имеют отечества. Нет – войнам между народами, нет – миру между классами!

13. В перспективе задачей революционных социалистов является формирование нового Интернационала, который своим действием и примером инициирует и объединит борьбу всего угнетённого класса. Лозунгами этого нового Интернационал должны быть:

Угнетённые и эксплуатируемые всех стран, соединяйтесь!

Да здравствует Мировая Коммуна!

МАРШ АНАРХИСТОВ

Споемте же песню под громы ударов,
Под взрывы и пули, под пламя пожаров,
Под знаменем черным гигантской борьбы,
Под звуки набата призывной трубы!

Разрушимте, братья, дворцы и кумиры,
Сбивайте оковы, срывая порфиры;
Довольно покорной и рабской любви -
Мы горе народа затопим в крови!

Проснулась, восстанет народная воля
На стоны коммуны, на зов Равашоля,
На крики о мести погибших людей,
Под гнетом буржуя, в петле палачей.

Их много, без счета, нуждою разбитых,
Погибших в остроге, на плахе убитых,
Их много, о правда, служивших тебе
И павших в геройской, неравной борьбе.

Их стоны витают над небом России,
Их стоны, призывы, как ропот стихии,
Звучат над Парижем, Кайеной глухой
И нас призывают на доблестный бой.

Споемте же песню под громы ударов,
Под взрывы и пули, под пламя пожаров,
Под знаменем черным гигантской борьбы,
Под звуки набата призывной трубы!

«Буревестник» (Париж), 1908

ИНТЕРНАЦИОНАЛ

Вставай, проклятьем заклеймённый,
Весь мир голодных и рабов!
Кипит наш разум возмущённый
И в смертный бой вести готов.
Весь мир насилья мы разрушим
До основанья, а затем
Мы наш, мы новый мир построим,
Кто был никем — тот станет всем!

Припев:
Это есть наш последний
И решительный бой;
С Интернационалом
Воспрянет род людской!

Никто не даст нам избавленья:
Ни бог, ни царь и не герой —
Добьёмся мы освобожденья
Своею собственной рукой.
Чтоб свергнуть гнёт рукой умелой,
Отвоевать своё добро, —
Вздувайте горн и куйте смело,
Пока железо горячо!

Довольно кровь сосать, вампиры,
Тюрьмой, налогом, нищетой!
У вас — вся власть, все блага мира,
А наше право — звук пустой!
Мы жизнь построим по-иному —
И вот наш лозунг боевой:
Вся власть народу трудовому!
А дармоедов всех долой!

Презренны вы в своём богатстве,
Угля и стали короли!
Вы ваши троны, тунеядцы,
На наших спинах возвели.
Заводы, фабрики, палаты —
Всё нашим создано трудом.
Пора! Мы требуем возврата
Того, что взято грабежом.

Довольно королям в угоду
Дурманить нас в чаду войны!
Война тиранам! Мир Народу!
Бастуйте, армии сыны!
Когда ж тираны нас заставят
В бою геройски пасть за них —
Убийцы, в вас тогда направим
Мы жерла пушек боевых!

Лишь мы, работники всемирной
Великой армии труда
Владеть землёй имеем право,
Но паразиты — никогда!
И если гром великий грянет
Над сворой псов и палачей,
Для нас всё также солнце станет
Сиять огнём своих лучей.

Эжен Потье. Перевод А. Я. Коца.